

МИХАИЛ СЕРГЕЕВ

THE COLISEUM

II

Михаил Сергеев

«The Coliseum» (Колизей). Часть 2

«Автор»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Сергеев М.

«The Coliseum» (Колизей). Часть 2 / М. Сергеев — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-00095-454-6

«...Вечер. Гостиницы «Лондон» в Ялте давно нет. Нет и роскошной лестницы с террасой над массандровским пляжем. Здание сгорело, и четверть века «самостийности» не сподобилось укрыть остов даже тканью. Не сыскали полотна – всё ушло на полотнища. Однако, по-прежнему нависая над узеньким тротуаром, закопченные стены и балконы разговаривают, жалуясь по вечерам тому же ветру – новому хозяину развалин. Близкому стенам, хотя и переменчивому, но по-своему верному: не предаст, не бросит, не оставит. А покидая, вернется...»

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00095-454-6

© Сергеев М., 2018
© Автор, 2018

Содержание

ГОРОД «0»	16
ЗЕРКАЛО	25
ЕЛЕНА	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Михаил Сергеев

THE COLISEUM

Часть II

*Им все вершины были малы,
И неудобны пьедесталы,
И собственная в тягость плоть.*

Лев Болдов

Осень. Ветер лениво трогает желтые листья, удивляясь суете их новой расцветки. Поворачивает, вглядывается и с ухмылкой крадет. Только он, непоседливый и старый, набегая по вечерам с гор, ворошит прелые запахи гаснущего дня.

Вечер. Гостиницы «Лондон» в Ялте давно нет. Нет и роскошной лестницы с террасой над массандровским пляжем. Здание сгорело, и четверть века «самостийности» не сподобилось укрыть остов даже тканью. Не сыскали полотна – всё ушло на полотнища. Однако, по-прежнему нависая над узеньким тротуаром, закопченные стены и балконы разговаривают, жалуясь по вечерам тому же ветру – новому хозяину развалин. Близкому стенам, хотя и переменчивому, но по-своему верному: не предаст, не бросит, не оставит. А покидая, вернется.

Тихо. Ветер укладывает свои вздохи меж проулков и почти засыпает. Не видя, как вместе со стенами и прелым запахом тонут в пустоте потерянного времени надежды забытого романтика. Уже седьмой десяток лет.

Неизменным же осталось только море. Не успела дотянуться до него беда. Оно помнит всё. Свидетель, которого нельзя допросить, напоминает о себе глухим рокотом каждый день, как и наследие четвертовластья – пустыми окнами, порубленными парками, забытой историей.

– Спасибо.

Жан Патрик Модиано кивнул мужчине в ответ и вздохнул. Терраса тоже. Роскошная лестница поняла, что вернув былое, он прощается и с нею.

Александр Грин¹ поехал. Рука писателя коснулась балюстрады. Слева – вид на помянутый пляж, пустынный в это время. Набегающие волны, лениво ворча, стягивают с «хозяина», словно дань, мелкую гальку. Справа – длинный мол осиротевшего порта, куда удалился положивший начало.

«Какое странное созвучие... – подумалось великому томильцу, – «стихия» и «самостийность». Что притянуло сюда последнее? Что пронеслось по этим чуждым ей широтам? Как случилось их совпадение? Какое чудовище повергло платаны в грусть? И где же, наконец, «алые паруса»², в ожидании которых замерла Россия?» Он глубоко вдохнул. Солёные отголоски прибой шепнули: пора.

– Пора, Александр Степанович.

Мужчина обернулся. За спиной стоял Куприн³ в белой летней шляпе и такого же цвета костюме, скрывая руку в кармане брюк.

¹ Грин А.С. – романтик, мечтатель, изгой.

² Роман А. Грина.

³ Писатель Куприн А.И. бывал в гостинице Лондон, («вечно» сгоревшее, во времена Украинского Крыма здание, в ста метрах выше морского вокзала г. Ялты).

– Грусть? Опять? – он вопросительно смотрел на друга. – Поделитесь ею с Шаяпиным – тот потерял деньги в Азово-Каспийском банке, во-о-он там, – и указал на помпезную набережную вдаль за причалами. – Видите – первое здание от памятника?

– Не заботили большевики от его денег. Видимо, не впрок. Как и мои рукописи.

– По-прежнему не печатают? – брови под белой шляпой чуть поднялись.

– Думаю, пожизненно, – первый пожал плечами.

– Знакомо, – шляпа сочувственно качнулась, проплывая на террасу. Её хозяин закрыл глаза и, наслаждаясь, втянул морской воздух: – Да... по заливу в Балаклаве уже стелется запах жареной кефали. Помните?

Оба с минуту стояли молча.

– Я прочитал записку. Желали угостить хересом? – Куприн обернулся.

– Угадали, Александр Иванович, – знакомый погладил усы. – Хорошо бы...

– Под лай собаки на Луну? Как пехотные офицеры? Из моих книг?

– Увы... ныне модно на Кремль, – Грин усмехнулся. – И персонажи поменялись. Вон, поляки даже в массы бросили: «Затягваем до смерти». Да разве можно? До смерти? – писатель вздохнул. – И Шопен... не помог. Пьянит тоска по величию. А не вино.

– Ищем среди лающих компанию? Или поклонников муз? – Куприн притворно удивился. – Неласковы к соседям, дружище.

– Отчего же? В каждой немецком доме испокон века стоял рояль.

Куприн рассмеялся:

– Ай да молодчина! Пригвоздил мосек. Испокон?.. говоришь? А мы-то, бессловесные, что ли? Всё больше молчим.

– Мы великая страна. Нас трудно рассердить.

– Вроде первым не дорожили? – Куприн погрузился. – А вот с человеком у них, верно, сложновато. Диоген-то – в Европе залез в бочку!.. – и воодушевленный каламбуром воскликнул: – А вот за нас, дружище, за державу мои пехотные бы выпили всегда! Не инструмент, тоска-то по величию, а вино – не поиска ее. Оно рентген... способ узнавания соседа. И здесь уж точно – испокон века! Сам Владимир-Креститель говаривал: без «мёда» «не можно на Руси». Напрасны стих и дол, и парадигма.

– Что-то не припомню... парадигму-то... – друг вздохнул. – Парадигма всегда верная и всегда последняя. Из утопленных нами.

– Ну что ты будешь с ним делать! – Куприн всплеснул руками. – Из утопленных! Нами! Пьяными матросиками! С большевичками! Или пропитая... в Беловежской пуще. Креститель головы за такое рубил!

– Так то ж наши, наши головы...

Куприн вдруг прищурился и лукаво глянул на соседа:

– Догадываюсь, получили похоронные от власти?

– Получил. Две сотни.

– Не жалко? Ведь впереди три месяца⁴?

– Власть-то? Нет. Жалко жену.

– Да жена-то у нас одна... Литература. Гляньте на страницы... обветшали, как и стены, – взгляд лениво скользнул по карнизу. – Минули времена, а ничего не поменялось, не родилось... за «Тихим Доном»⁵. Кругом, как и прежде – только «Живые и мертвые»⁶. Здесь вы правы, дружище. – Куприн вздохнул и задумчиво повторил:

– Значит, не печатают...

⁴ А. Грин за три месяца до кончины, в отчаянной нужде, направил телеграмму о своей смерти в Союз писателей.

⁵ Роман М. Шолохова.

⁶ Роман К. Симонова.

– Да и не читают.

– Само собой, если не печатают.

– А я бы поделил вино с женой, – Грин тоже вздохнул. – Ведь и через сотню лет, будет ее жаль.

– Вину? Или вино? Не-е-т, с женой надо делить не то! – Друг похлопал романтика по плечу. – А вино я бы всегда нашел с кем, – белая шляпа весело колыхнулась. – Как сегодня. – И прищурил один глаз.

– Посмотрите, – Грин указал на море: – Какое удивительное видение. Осталось перекинуть трапы.

Собеседник повернул голову.

Гигантские остовы кораблей, выступая один за другим, словно укоряя друзей в «слепоте», предлагали взору «желающих испить». Чашу. Замершие толпы людей, в шинелях и бурках, мундирах без погон и портупей, смотрели ку-да-то вверх развалин, пытаясь разглядеть на берегу своих детей, которых не сумели защитить. Детей, что выстоят, сохранят и возведут. Не благодаря, а вопреки лозунгам и парадигмам.

Молчанием заполненные палубы следовали мимо, покидая акваторию порта. Угрюмый мол и одинокий маяк-сосед провожали тысячи глаз по-своему: один стоном прибоя, другой – жалобными криками фонаря, словно умоляя не оставлять здесь, не бросать, как и своих лошадей, тонущих одна за другой. Тонущих с диким ржанием, не понимая, почему их бросают. Как и век спустя, не смогут понять, зачем предают свою землю уже новые потомки, забывая, что «чуден Днепр» только «при тихой погоде». И только для братьев. А не пришельцам с Одера или Потомака, где приятней выстриженная трава раскорчеванных дубрав.

Но земля та станет обетованной. Видя помрачение сынов, она соберется, поднатужится и вытерпит горе и беды, сбережет надежду, пробудит веру и слезы радости. В этом «взвале», в этих ревущих водоворотах, столь необходимых по тому обету, как и прежде, вынесет она Русь из лихих переломов, времен и потрясений. Оставаясь землею, которую знал весь мир. Обителью с поразительной душой, поручнями и штурвалами, за которые никто в мире не хотел браться. Только ее дети могли сохранить правду мира, ту, единственную. Укрывая и молясь.

– Говорите, трапы? – Куприн продолжал всматриваться в дымку.

– Один, вроде, сыскался.

– Крым? Пожалуй, маловато. Надобно повсеместное наведение мостов. От Балтики до Тихого океана. Или не узрели еще нужды? А этот... первый? Кто сплотничал?

– Новый губернатор. Аксенов.⁷ Герой нашего времени.

– Не слышал. Может нового времени?

– Нашего, Александр Иванович, нашего времени. Нет его... нового-то. Одинаковы. Алые паруса во всяком сыщутся. И времени, и человеку. Одно слово-то и поменяли за триста лет.

– Какое?

– У графа Потемкина: «Плюнь, матушка, на Запад, присоединяй Крым, и потомки тебя прославят». Екатерина-то колебалась.

– А-а-а! Поменяли на «батюшку»? – догадался Куприн и по-доброму кивнул: – А кому он так сказал?

– Путину.

– Достучался? Возможно ли?

– Литературе всё возможно. Кстати, малоизвестный факт – пока Миронов⁸ не объявил на всю Россию, что не оставим Крым в беде – все молчали. Между прочим, бывший десантник – шесть наградных пистолетов.

⁷ Аксенов Сергей Валерьевич – «Герой нашего времени», вернувший Крым домой.

⁸ Миронов С.М. Председатель Совета Федерации 2001–2011 гг. Единственный политик такого уровня, обвинивший пар-

– Выходит, по наградам и дела? – Куприн был весел. – Выходит, херес за первый большой мост? Чтоб не последний! На Хортицу, дружище? Там встретим братьев за одним столом?

– А вы оптимист, батенька. Вот так и сразу? Лет десять дайте.

– Да ради встречи подожду и боле! Но, херес...

Однако закончить не успел: в распахнутых дверях с неуместным в такую минуту шумом появился незнакомец. Жестикулируя, он что-то громко объяснял месту, где прежде стоял швейцар. Лысый мужчина среднего роста с кипой страниц в руке, заметив внимание друзей, поправил очки и, будто сомневаясь в поступке, неуверенно шагнул вперед.

– Разрешите сэкономить ваши деньги, господа.

Тень смущения пробежала по его лицу.

– Мне тоже жалко жену, – незнакомец улыбался Грину. – Позвольте и с вами согласиться, Александр Иванович ... – он кивнул соседу.

Куприн вежливо поклонился из-за спины друга.

– Уж коли вы намерились туда, где:

*Шальные в долах жили атаманы,
И властью царственной славилась любовь...*

Будем беречь их, времена. Но не время! Надо бы получить над ним власть, ведь здесь, – мужчина потряс листами, – я располагаю временем, а не оно мною... Пока не кончена книга. Но точки – не бывать!

– Придется тогда ответить на главный вопрос, – автор «Поединка»⁹ крутанул усы, загадочно ухмыляясь. – Когда вы начнете писать для людей? А не для себя? Угадал? По мне, так расточаете. – И выжидательно умолк.

– Не знаю... – тень смущения снова пробежала по лицу.

– Выходит, не любите?

– Выходит, не способен. Да и любовь я вижу по-другому. Ее и расточаю третий год, – незнакомец опять тряхнул страницами. – И выздоравливаю. Так что вы правы, Александр Иванович, – для себя, только для себя, А люди... пусть увидят глаза книги. Решая, пить лекарство или нет.

– Ну, батенька, – белая шляпа покачалась. – Такое возношение!

– Отнюдь – пожалуй, литпросвет.

– Неужто с детства? На амбразуру?

Мужчина не заметил сарказма.

– Предлагаю оступиться вместе и писать для себя. Далекого в начале, но близкого к финалу всем. Если до дна. Чтоб вправить, а не втиснуть на страницы

– На амбразуру? – Грин все это время находился в прострации.

– Так точно! За младенцев! Прочь избиение! – парировал незнакомец. – Не оставим больше на берегах. Одних и беззащитных!

– А кабала, молва и сплетни? – не меняя тона, спросил Куприн. Его брови отыграли наверх. – А долги?..

– Миновал. Свободен. Выплатил.

тию «Единая Россия» в узурпации власти.

⁹ Повесть А. Куприна.

– Что?! Выплатили?! – брови насупились. – Скажите, пожалуйста! А я вот помню, как заманили всех обманом. Как плаху ожиданий буквально втиснули в сюжет. И рубили, рубили, рубили!

– Каюсь. Искупил.

– А эпизоды?! – не унималась «шляпа». – Где концы? Оборваны! Имена повисли! Никто не доплывет до середины вашего Днепра!

– Да, да, – вышел из оцепенения сосед. – Обрушил ливнем новые начала, парадигмы...

– Мой ливень – подмывающий устои, смывает всех тельцов и гимны с постаментов. Проба. Зубила угол подбираю я страницам. На камне том. Прочь опасенья – нить сплетена морских канатов крепче. Связала несколько обложек! Стран, времен, героев! Их сотни тысяч, без вести пропавших – среди «заслуженных», «народных» и молвы. Как прежде лживой. Пособий наставлений и трактатов. С того же древа иль стола чумного пира.

Он с каким-то отчаянием посмотрел на Куприна:

– Сами же знаете – простому человеку к совести прийти проще. А путь других в глубоких аргументах.

– Опять «русский» геморрой? Так уж на Достоевском отыгрались!

– Русская душа, Александр Иванович. А геморрой у тех, на Темзе, от нее. Так что? Готовы вместе? Вязать канаты, имена, концы?

– Всё без обмана? И не паутину? Тоже сплетена надежно, – Куприн толкнул локтем друга.

Сосед от толчка будто вернулся, бормоча:

– Так как же выплатили?! Коли «для себя»? Долги-то... перед ними! – и указал на палубы.

– Может статься и наоборот. Не допускали? – Гость поправил очки.

– Так мы средь них! Ведь мы же! – Возмущение было искренним. – А как же современники?

– Готов за них... долги принять от вас. Куприн пришел в восторг:

– Нет, каков наглец! А начинал-то, начинал!

– Я не понимаю вашего настроения, любезный, – Грин выглядел раздраженным.

Куприн невесело пожал плечами:

– Да бог с ними, с долгами-то. Не нам их считать. Ему. А коли взялся, есть где зубы обломать, – и подмигнул автору «Бегущей»¹⁰. Тот недовольно отвернулся.

Однако «белый костюм» не оставлял попыток сарказмом обуздать напор гостя:

– Вы обещали оправдать ожидания... Возможно, соблазнимся.

– Я постараюсь херес подсластить, – незнакомец понимающе кивнул. – Ведь ожидания не слишком романтичны...

– Да с кем имеем честь?! – не выдержал Грин. – И, наконец, что это значит?! Всё?!

Он отступил в сторону и посмотрел на дуэлянтов:

– Моя романтика – спасение! Хотя бы в грезах. Мечты о лучшей жизни... добавьте к ним надежду... окрасьте ожиданьем бытие. – И поднял руку, указав наверх. – Спасен! Спасен читатель, человек ликует! Безжертвенно повержен негодяй! Мы, – писатель кивнул другу, ища поддержки, – запрещаем вам касаться других ожиданий! «Не романтичных», как изволите считать! Они прекрасными должны быть в человеке!

– А в пороке? – гость испытующе посмотрел ему в глаза. – Не ожидания ли манят нас туда?

Фраза заставила Грина замолчать, а Куприна вспомнить о луне, собаках и «пехотных». Он уже был уверен, что там, откуда принесло незнакомца, потомки пьют под тот же свет и лай. Не зная, что меняются не времена, а способы: околица и четверть – на кухню и стакан. А камзолы власти – на пиджаки. «Н-да, долги-то есть, – подумалось ему. – Надо платить. Да ведь

¹⁰ «Бегущая по волнам» – роман А. Грина.

не всякий примет. На Сенатскую, на Зимний – звали мы. Этот принять согласен. Что ж, в руки флаг. А остальные? За майдан? Одессу? За Донбасс? Пожалуй, сидят за детективами, читают, смотрят, соловеют. Что им долги сейчас? И что долгам они? – Человек под белой шляпой с досадой хлопнул себя по бедру:

– Какая разница, что манит нас в пороке? И вообще... кто манит и куда? – нащупывая выход, бросил он, отвечая за друга. – Вот вы читателя обманом... и мните, мол, плачү. Да ведь не всякого устроит плата. Иной не примет, не возьмет, и не разделит.

– Всенепременно откажется! – поддержал Грин. И тут же с твердостью добавил:

– Хотя... смутили. Вот, что вам скажу – ищите чудо ожиданий в доброте, а отблески, оттенки их – в пороке.

– В Голландии? – усмехнулся Куприн.

– Найду и ближе.

– В аду? – «Белый костюм» манкировал хорошим настроением.

– Увы, все это вместе в каждом человеке – голландский рок и бездны темень. В каждом. – Голос незнакомца отдавал досадой. – А вы, Александр Иванович, в долгах прижимисты, не очень-то хотите отдавать

Куприн кашлянул и бросил лукавый взгляд на друга:

– А что? Замечено удачно, – и рябь улыбки скользнула по лицу. – Полегче надо жить, милейший, проще.

– И все-таки, кто вы?! – автор «Бегущей» помнил свой вопрос.

– Я? Человек. Ведь вы собрались поискать такого? И чемпион. По шквалу на страницах. Ведь книга – верх капеллы, если в переводе. А главы...

Куприн оборвал его хохотом и, согнувшись, даже схватился за живот:

– Чемпион?! А слабо за истопника?! Есть кочегарка, где такие «главы» не успевают подвозить!

Грин искоса глянул на него и перевел взгляд на зажатые в руке листы:

– Человек? Он в них, надеюсь?

Попытка перекинуть мостик удалась.

– Здесь отблески, оттенки, господин романтик, – рука с листами поднялась к груди. – Но и ... ключи к ответам.

Трогательность тона подкупала.

– Что ж, хоть не на поясе у вас, милейший, – Грин примирительно кивнул и повернулся к другу: – Короче, пишуций. Из тех... ломающих, угластных.

– Еще и требую!.. пугаю!

– Значит... ключи к ответам? – Куприна ответ только раззадорил. – В моих заметках их, выходит, не нашли? И у Толстого просмотрели? Браво! – глаза смотрели плутовски. – Снимаю! – белые поля шляпы легли на грудь, тулья, словно колокол, закрыла сердце. – Тук, тук, тук, – произнес он, отталкивая в ритм шляпу рукой. – Что в нем? Там, в сердце? А? Какой подходит ключик? Откройте, он с какой страницы?

– Тук-тук, Александр Иванович – у вас, и... скажем, у Антон Палыча. А у меня бом, бом... – незнакомец грустно улыбнулся. – А вот у друга вашего, как и у Толстого – только стонет. Последний больше всех раздал долгов.

– Даже так? – играл словами «белый костюм». Ответ уколол.

– Ваш покорный слуга, не только пишуций, как заметили, – гость обратился к соседу. – Он просто замечательный.

Друзья переглянулись.

– Я ж говорю, наглец! – Куприн кивнул.

– И вы – причина этих замечаний... в огромном перечне других в тех дневниках оттенков, – страницы снова колыхнулись. – Оттенков боя внутренних часов, что спали и... однажды вдруг проснулись. Нам время указав, другое – низвержений! Открыли!

– Ну-ка, ну-ка, батенька... – Куприн уже играл растерянностью. – Кому? И что?

– Как некая «бегущая по волнам» смотрит не в ту сторону. А подпоручики еще и заблудились. Виновно – намеренье авторов. Но коли уж «бегущая» не щит и не опора, что говорить о шествующих по земной тверди уже нынче, где каждый рвется время обольстить. Где выставки и сцены аж скрипят. Где поправа мораль, в безумстве «самовыражения». А книги маскируют сомнение. Иные вовсе лгут и держат на крючке порока жертвы. Намеренно, доходно и с размахом. Вот ту намеренность нам надо обличить. С легатов тьмы сорвать заботы маску. С предателей души, что объявили плод запретный жизнью, корёжа и ломая человека. Забыв про совесть, апеллируя к свободе.

Он вдруг тряхнул головой и добавил похожим слогом:

– Как змей когда-то подменил цензуру заповедей полною свободой, которой нет и быть не может в этом мире. Ради нее позволив убивать.

– Стоп, стоп, стоп! – Куприн вытянул вперед руку. – Это слова другого героя! Не путайте, милейший!

– Спасибо, – неожиданно бросил тот. – Герой и виноват, поверьте. – Глаза гостя нездорово заблестели, румянец выступил на щеках. – И сегодня, сейчас, эти легаты, новые Иуды заманивают нас ею, втаптывают в грязь, уже, казалось, смытой памятным потоком. Новый замес – из костей и крови наших поколений – готовятся залить они в фундамент будущих постаментов. Будущих имен, будущих идолов, с единственной целью – пленить наших детей, напоить зельем, растлить и погубить.

Тут он будто очнулся, замолчал, глаза потухли.

– Ну, ну... что же вы? Продолжайте геройствовать и корчевать. С поправкой, конечно, – Грин оглянулся на друга. – И, кстати, уж не нас ли, грешных, в легаты?

– Простите, – снова на удивление спокойно реагировал гость. Глаза уже смотрели прямо. – Я случайно махнул страниц семьдесят... увлекся. Хотя, тут правы... вас тоже.

Грин даже слегка опешил: незнакомец не пытался быть вежливым. Он уже набрал воздуха в грудь, чтобы ответить на дерзость, но тот опередил.

– И себя, – добавил говоривший. – Себя, конечно, тоже.

Грин выдохнул:

– Бог с вами...

– Что до «бегущей»... Не уловил тот взор системы в череде уроков безрассудства. Приходится вправлять хрусталик.

Друзья снова переглянулись.

– Семьдесят страниц назад? – лицо Куприна, уже без улыбки, вытянулось в притворном удивлении – холодок обдал и его. Шансы гостю оставляла привычка искать оправдание прежде подвоха.

Незнакомец заметил это, но твердо повторил:

– Приходится вправлять... – на его лбу выступили морщины. Было видно, мужчина старается что-то преодолеть: – И постаменты надо бы сдвигать, и темы. Удерживать на нужном месте силой: одних – в отхожем месте, других – в урок и опыт, чтобы отрезвить. К предметам сила допустима, – он поджал губы, ища форму помягче, словно боясь упустить шанс. – Я... предлагаю вам добровольно оступиться... вместе, повторяю. В надежде на прощение. Ведь дело вами сделано, стрела попала в сердце. В мое, по крайней мере.

– Наша? – изумление Грина было ожидаемым: романтик сторонился прагматичности, как и резвости мысли.

– И точно в сердце.

– Эх... как приятна лесть, дружище... жаль, не часто, – Куприн всё понял и, уже скомо-рошничая, потер руки.

– А меня смущает! – настаивал сосед, удивляясь другу.

– Да ладно, Саша! – тот положил ему руку на плечо. – Всё правильно. Неужто не видишь – наш гость чудит и просит сопереживания. Иль помощи?

Он искоса глянул на мужчину. Тот кивнул.

– А вот способ? И откуда сила?! Вправить? А уверенность? Не навредить? – руки Куприна снова нашли карманы и вызывающе оттопырили их. – Развейте сомнения, – он начал раскачиваться на носках: движения тела говорили о привилегии ставить вопросы.

– Нашел в оттенках, я упоминал. И пробовал. Их, если все собрать, чистейший выйдет цвет – белее вашей шляпы. В нем слиты вместе правда и любовь всех площадей, дворцов и подворотен. По белому листу – вот мой подарок людям. Начать сначала.

– А негодяям? А гонителям добра? – вмешался Грин.

– Всенепременно, как вы говорите, им. И первый лист готов – в объявленном герое! Нашего времени! Черед моей стрелы. В то самое болото.

– Ну, ну! Помните – не каждая лягушка может стать принцессой, – автора «Бегущей» посетил сарказм.

– Я знаю, – гость не смутился. – Есть и подтверждение:

*Широка российских поэтов палитра,
Иные истерлись уже имена.
Но тысячи новых, откушав пол-литра,
Ликуя, крапают хер...ю дотемна¹¹.*

– Да, кто не рискует, тот уже не пьет. По нынешнему-то. – Куприн погладил гладко выбри-тые щеки.

– Согласен. Кто головушку жалеет, каждый день от страха блеет. – Незнакомец опять виновато пожал плечами.

– Ну что ж, оправданная вольность, дружище! – «Костюм» устроило объяснение. Настроение хозяина принимало всё иначе, нежели друга. Тот все еще был подавлен: – Да-а-а! В точку! Покукарекаем? Вроде в тему? – он толкнул Грина в бок. – Годик-то, красного петуха! Дав-ненько я не брал в ручонки шахматешек. Сыграем? – и уже серьезно произнес: – А и впрямь... сегодня что-то новенькое. Как тебе? Всё не Бунин – откроешь, вспомнишь и расквасишься.

– Боюсь и согласиться... – Грин улыбнулся впервые с начала разговора.

Незнакомец меж тем, играя маской смущения, раздумывал над словом «шахматы». Над игрой, где невозможно сделать два хода подряд. Как применить это к страницам.

– Положим, где-то он прав, – Куприн хмыкнул. Руки медленно покинули карманы. – Но только где-то, в чем-то. Как тебе, Саша: «Пора и силой чтобы отрезвить». Сдается, в этом что-то есть от поединка. Хотя иным бы лучше посидеть в сортире, а не стоять под небом, тень бросая. Скажу как подпоручик прямо: досаден тот убыток от имен – на провокацию толкают постоянно. Меня – вчера. А вас, как понял, нынче. Моя рука здесь с вами. – Он потянул шляпу, отбросил назад волосы и перевел взгляд на море: стая горластых чаек кружила над пеной у бетонных кубов вдоль мола, высматривая добычу. – А вот об экономии денегат... как помнится... – и снова повернулся к другу, – это по мне... предложение сгодится. Как? Примем?

– Что? Херес?

¹¹ И. Губерман. Стихи.

– Предложение.

Друг растерянно кивнул.

– Знаете, а я люблю «раскваситься», – вставил незнакомец.

– Откуда такое чувство?.. – растерянность отступала. – У вас? И там? – Грин кивнул гостю за спину.

– Потому что «запах антоновских яблок возвращается в помещичьи усадьбы». ¹²

– Ну, коли так, пожалуй, согласимся. А? Саша? – заторопил Куприн, – в нашем деле без «яблочек» никуда. Со времен Рая. Не распознать и подающего... без хереса.

Грин развел руками:

– Напиток сей повыше, чем потребность. Спутник прозы!

– Ну вот. Романтики меня признали, – улыбнулся незнакомец. – Так?

– А я ведь тоже, вроде согласился? – Куприн притворно насупился.

– Да вы со мною с первого листа. Но сегодня убивают не так элегантно, как на дуэлях – куда изощренней. Обман-то в оправдании «свободы». Хотя он был в дуэлях и тогда. Порой в причине. А порой в процессе. Так что раскладывать всё надо по частям и всех.

– Раскладывать? Догадываюсь... вы беретесь?

– Да уж. Засучил рукава...

– Ну, батенька... вы и в самом деле не промах! – Грин покачал головой.

– Так пьем? Или болтаем? – армейская несерьезность Куприна спасала. – Слова говорили о примирении.

– Как обещал. Вперед! – воскликнул гость, меняя тему. – Замечу, херес единственное сухое вино в мире, крепость которого достигает шестнадцати градусов! А течет он нет, стекает... в тысячи бокалов, где отдает до капельки. И всё. Он в этом схож с писателем России, господи. Немного беспощаден, резок, горек. Он совести сродни. – Мужчина посмотрел на Куприна: – А шляпа-то не ваша, подпоручик.

– Крепость? В градусах?! – почти в голос воскликнули друзья.

– А может, в убеждениях? – настроение Грина поменялось окончательно. Он улыбался.

– О! В убеждениях она ликует! Крепость. Ей не до чаши искупления вины.

– Не понял? Ну... а крепость... веры? – Романтик не унимался. – Напомню вам трагический исход серебряного века. Когда лишь градус. А не крепость веры.

– Я помню. Вот еще оттуда: отец Набокова был автором указа об отмене смертной казни в России. В революцию либералов, февраля семнадцатого. А через три месяца ратовал за нее же по причине отказа солдат воевать. Так смерть чужая, подчеркну – чужая!.. становится ценою совести. А гуманизм пасует, коль места вере нет. И там и там накал, и градус и решимость. Но результат – молчание и палубы. Трагедия трагедий. – Незнакомец протянул обе руки к морю: – Они оставили на пирсах только след, унылые платаны... всё уснуло. Спасаясь от «отцов». А слезы матерей разбавили волну. Не поверите, Черное море не такое соленое, как другие, именно поэтому. Слишком много горя приняло оно, слишком мало, чем могли помочь ему люди. Да и глаза книг, предвестников беды, никто и не заметил. Книги утопили. Как и загнанных лошадей. А ведь они спрашивали: Куда ты мчишься, Русь? Куда несешься ты? Испили. Похмелились. Что ж... пора! Сегодня же! Сейчас! Не дать беде загнать литературу. Не дать вернуться шляпам и вождям. Пора будить не только пирсы – душу. Чтоб плавилься все камни постаментов.

– Пойдите, пойдите, вы знаете, где глаза книги?! – Грина мысль поразила. – Я искал их всю жизнь...

– Надеюсь, разглядел. Если вы делите вино, ошибки. Героев и людей. Им порой очень больно, страницам... если автор – вор. И больно вдруг ему, коль вора пригвоздил. Мне удалось

¹² И. Бунин. Фраза из рассказа «Антоновские яблоки».

открыть двери старой царской таможни. В одном городе. Поддалась. Зайдем же вместе – в ней библиотека. Другая. На полках пыли нет.

– И не заскрипела? – Куприн, казалось, завидовал. – Знаете... не выношу скрипа петель... они по типу и способностям различны. Иные даже затягиваясь на шее, издают неприятный звук.

– Скрипит другая дверь – на выход. Моя – на вход. А шея... стерпит всё.

– Да, да... – Грин задумчиво качнул головой, – Таможня... удивительное дело. Коль не пронести, не протолкнуть, не вправить. Я видел сон...

– Пойдите... а мосты? – Куприн будто встрепнулся. – Минуло ведь сто лет. Сподобимся ли?

– Да хоть двести, хоть пятьсот! Позволь героям то, чего не позволялось – сливая вымысел с живыми именами, давай право им высшее – писать! Самим! И править, бичевать. Соперничать и спорить. Всё пойдет на лад! Повержено бесчинство помрачения. Меняй же всё! И стиль, и парадигму! Ведь даже первая любовь не в счет! В зачете только постоянная!

– Но время! Время! Столько утекло... неужто ли возможно? – Грин в радостном порыве повернулся к другу. – Столь радикально прозу изменить?

Тот пробормотал:

– А что? Я рад. И мох, и плесень отлетят под сапогами всех моих героев. А мед разбавим в пасеках имен – и дегтем. Раз время... их к ответу призывать.

Незнакомец вдруг опустился на одно колено и снял уже свою шляпу.

– Спасибо вам. Но время-то – стоит, – в глазах сияла благодарность. – Уж четверть века. Хотя герой объявлен! Перевернута страница. Теперь уж наш черед – вписать, впечатать, вбить! – Он встал и повернулся к городу. – Смотрите!

Что-то зашелестело, зашумело, и вся компания увидела вдруг пирамиды книг на улицах прямых и ровных, бегущих от старых причалов вдаль... по русской земле, словно указывая взгляду путь к ее сердцу. Пирамиды начали таять, расползаться и полнить переулки, из которых полился свет. Часы же на башне начали бить двенадцать, не двигая, стрелок. Будто оставляя в безвременье целую эпоху.

– Как там, в одном фильме... – Гость взмахнул рукой, – время должно уходить торжественно, с боем!

– Смотри, Саша! – Куприн указал на столик с бокалами перед ними. – Да он волшебник!

– А что до нас... – восторг передался их новому знакомому, – потратимся на херес – счет невелик! Россия оплатила больше. Да пригласим читателей за стол. Они заждались в мути бытия. В наследии имен.

Друзья одобрительно переглянулись. Мужчина развел руки, приглашая невидимых «листателей» страниц:

– Прошу вас, вольные, свободные, разумные. Мы вместе возведем мосты!

Грину показалось, будто холодок воздуха шевельнул на голове волосы. Потом снова и снова. Кто-то миновал его, кто-то сочувственно вздохнул, и только один остановился, пожимая руку. Писатель в ответ, было, обнял его, но не смог – призрачность еще не покинула место, прохожий не стал еще человеком.

– Позвольте же начать... – незнакомец повернулся к нависающей стене дымчатых гор и поднял бокал: – Глава первая «Город ноль»!

Друзья замерли от наступившей тишины.

* * *

– Гроза. Парусники пытаются кормой войти в гавань. Между штурвалами кораблей проскакивают молнии.

- Войти?! Кормой? И между штурвалами?! Но молнии всегда бьют вниз.
- Нет, нет. Вглядитесь. Идолы просто вас заморозили.
- Но... такого быть не может!
- Не видели горизонтальных молний? Типичная неосмотрительность. Отложите известную пьесу и посмотрите фильм «Вишневый омут¹³», где режиссер и автор сделали главное в жизни. Схватки между ними обязательны.
- Молний? Или авторов?
- Подходов. Курсов. Ведь приписка та же – Россия. И вы увидите бушприты кораблей. Могучих. Мощных. И вседостижимых.

¹³ Вишневый омут. Фильм по роману М. Алексеева.

ГОРОД «0»

Полина плакала молча, опустив глаза. Никто вокруг не мешал делать это. Странному сумасшествию партера, да и всего зала было не до нее. Не мигавшая прежде соседка истошно кричала, выбрасывая руку с платком в сторону сцены. Ей подвывал господин с бородой, что сидел позади. Полина не видела их – усыпанный листьями паркет своим желто-красным разнообразием пробивался сквозь слезы, превращая видимое в сказочный калейдоскоп. Тихий плач одинокой женщины, во второй раз оставленной всеми, посреди бушующих страстей, был также одинок в этом зале. Чувство потери себя, ненужности другим оставалось, как и тогда, у двух плащей и шубки из альпийской козы, когда исчез Андрей, затем ее подруга, когда задалась вопросом: всё ли у нее в порядке? Вопросом, который не был замечен супругом, как и сейчас слезы... Таков неумолимый закон, оставляющий не замеченной в мире тихую боль женщины. Никем.

Палантины и фраки, которые удивляли нашу героиню минуту назад, уже не трогали ее. Мысли были далеко.

«Дима, Димочка, сыночек...» – прошептала Полина.

Семнадцатая страница чуть шевельнулась и вздохнула.

Вдруг шум снова прекратился. Тишина, такая нужная, столь необходимая сейчас, заставила медленно поднять голову.

Пара на сцене опять застыла в нескольких шагах от своих контуров, оглядываясь на них, будто сожалея. Девушка, похожая на Лену, исчезла. Немигающая соседка, подчиняясь общему оцепенению, откинулась назад. Всё замерло, будто и не было того промежутка, в котором случилось, обрушилось, смелб. В котором она пропала. Однако отчаяние не покинуло, а просто изменилось – стало безразличным в женской беспомощности.

– Вот видите, достаточно одной театральной паузы, одного шага – и самое бурное течение, увлекавшее вас прежде, останется в прошлом.

Голос, тот самый с бульвара Гагарина у Ангары, мягким баритоном заботливо дал о себе знать. Оцепенение сняло, как рукой. Это был он! Господин рядом, с рукава которого свисала паутина без единого листочка, оказался мужчиной, что взял руки женщины в свои тогда, на набережной. Но не забытой во времени и далекой «набережной туманов»¹⁴ с ее печальным финалом, а на другой набережной – надежд, где обязательно случается в жизни побывать каждому, но распознать дано немногим.

– Вы... вы тоже замирали? – шепотом, словно боясь спугнуть мгновение, в котором нашлось место не только ей, спросила наша героиня.

– О, да. Замираю. Когда перо в руках у вашего знакомого. В благоговении. Со страхом за результат.

– Знакового?

– Пустое. – Он отмахнулся и указал на рукав: – Взгляните на эту паутину, я ждал вас почти весь тринадцатый месяц... в котором не бывает листопада. В своем. Только здесь мы можем говорить на равных. Но он заканчивается.

Полина покачала головой: – Помню... да разве ж может быть всё в порядке.

– Значит, бульвар Гагарина все-таки то место. – Мужчина улыбнулся. – А теперь... мы пойдем искать особые розы, которые распускаются без шипов.

– Да кто же вы?! – глаза женщины светились нечаянной радостью.

– А другие слова... помните? «Это не самое худшее в жизни». Согласно им – для того я и здесь, – ласково глядя, ответил незнакомец. – А кто... – мужчина загадочно улыбнулся. –

¹⁴ Кинолента Марселя Карне (в главной роли – Жан Габен).

Безвременно исполняющий роль мужа. – и, видя удивление, поправился: – не вашего. Я тот, которому пока можно всё и который «там», – он кивнул назад, – всегда находится в зале ожидания. Самом удивительном под небом зале... рядом с набережной.

Он встал и поднял локоть.

– Руку, мадам.

Пара медленно вышла из театра.

Пустынная улица обдала прохладой и тишиной. Вечер угасал. Унылый свет рекламы, редкие огни окон, мигающий вдали светофор – вот и всё, чем встретило их странное безлюдие тишины.

С минуту оба шли молча. Ощущение какой-то незавершенности, незаконченности картины вокруг, подступило к Полине легким недоумением. И тут нашу героиню осенило: город не наполнял жизнь. Он застыл. Ничего не двигалось, не проезжало, не слышались голоса. Нигде. Будто всё однажды умолкло, а немые вскрикивания светофора – лишь стоны сочувствия ей. Будто светофору знаком этот путь, как и люди, познавшие его.

– Где мы? – тихо спросила она.

– В городе Ноль.

– Город Ноль?! Что это?

– Город героев. Ими здесь становятся.

– Каких героев?

– Удивительных, необычных героев. Романа под названием «Жизнь». Неподвластных закону жанра.

– Удивительных? Жанра?

– Который выдумали сами люди. Исключительности некоторых наций и неразумности других. Ведь мы всегда были участниками самой великой постановки мира. Где широкие, невероятно красочные мазки Автора, перемежаясь с нашими, еле заметными штрихами, создают ту великую путаницу, в которой одни народы, наблюдая за другими, полагают, что находятся в зрительном зале, откуда окриком или овациями можно править жизнь подмостков. В то время как другие – на сцене, готовы поклясться в том же. Понимание высокого равенства доступно не толпам, а лишь одному, но каждому. Стоит только захотеть. А площади не подозревают об этом и не устают искать в себе признаки первых. Легко меняя уговоры на окрик, орала – на мечи, а историю – на выдумки проходимцев. Забывая великую роль каждого этноса в ней. Но заставить дышать одних под счет других никому и никогда не удавалось. За осознание такой простой истины крикуны всех времен, став лидерами стран и народов, платили идолам баснословную цену. Миллионами жизней. И всякий раз у крикунов отказывала память.

– Постойте, но есть и другой жанр... – Полина осторожно прервала незнакомца. – Христианство говорит, что люди все одинаковы. И даже более того – у всех была одна мать... Ева.

– Неплохо. Для такого места и сразу лифтом. Но роль христианства другая. Оно известило о посещении земли Богом под именем Иисус Христос. Всего два тысячелетия назад вселенная заговорила с нами человеческим голосом. Поведая, что для неба родился каждый. И как изменив себя, может быть прощен и принят обратно. Даже в посление мгновения жизни.

– Да ведь советов как надо жить хоть отбавляй! И все убедительны.

– В христианстве – опора на великое милосердие, вложенное в человека при сотворении. Только оно призывает любить «врагов ваших». Просить за них небо. Ни в одном «совете» вы такого не найдете. Их цели другие – любыми способами ту опору подменить личным благополучием, якобы влекущим и благополучие остальных. Для того придуманы новые «заповеди», новая мораль и новая модель равенства. Полов, отношений и свобод. Но любви там места нет. Есть вожделение и страсти – зависть, ревность и поверженные грани разумности.

– Но... мне кажется, чего-чего, а любви-то в мире достаточно, – по-прежнему несмело возразила Полина.

– Припомни, когда ты готова была обнять, улыбнуться и помочь не близкому тебе человеку, не родной кровиночке – это делают и негодяи – а просто прохожему? Неказистому, нескладному, неопрятному. А сколько из них тебя вообще раздражало. Полагаю, и врагам своим, завистникам, ты не желала ничего хорошего? Или не прав?

– Ну... наверное так... – нехотя согласилась женщина.

– А на что была готова ради нищего? В лохмотьях и пьяного к тому же?

– Пьяного?

– Отталкивает? Уже? Ну, а ради насильника, убийцы?

– Это слишком...

– Так и советуют «новаторы», одобряя твою оценку несчастных. А люди, даже готовые помочь, не допускают и мысли об одинаковости изгоев и себя.

– Одинаковости?!

– Видишь, как легко перестать быть христианином – ты сделала это на раз, даже не заметив.

– Ну, да... я читала, вроде, в Библии, – слукавила Полина, лихорадочно вспоминая всё, что слышала от Андрея. – Если любишь родного и близкого, за что же тебе будет награда? Несложно любить того, кто хорошо относится к тебе.

– Одинаковость людей влечет любовь каждого ко всем и наоборот. Попробуй защитить хулигана от гнева толпы – и он будет обезоружен. Не правда ли, новый ракурс?

– Увы, – Полина вздохнула. – Сколько ни пробовала, не могу заставить себя любить всех.

– И не сможешь. Такая любовь обретается. Она не требует взаимности, как обычная, земная, которая без ответного чувства страдает. А страдания – черта любви покореженной страстью. Первая же – любит безответно! Вот прошение о ней и есть цель жизни. Когда стучишься и просишь. День и ночь. Смирив в остальном себя. Прося подать тишину ума и молчания на обиду. Но можно не успеть.

– Но я видела влюбленных! Много раз! – женщина цеплялась за последнее. – А безумная!.. безумная любовь?! Я тоже видела! – Полина хотела добавить «испытала», вспомнив молодость, но осеклась.

Мужчина вздохнул.

– Не только ты. Когда-то видел и я. А через годы? В отношениях холод под минус сорок. Полина поежилась.

– Или похуже – ненависть друг к другу? Неужто не смотрела телевизор? Только одна ненависть не устроит губителя душ – ему надо мертвить человека до конца и уже другими страстями, что следуют за первой по пятам. Мечь, подлость, предательство. Коготок увяз... Безумие настигает их. Шоу об этом транслируют уже каждый день. «Затейники» действия и не догадываются, что сами вовлечены и погибают. Так что за любовь такая? Если до ненависти шаг? Можно ли так называть принятые отношения полов?

– Но были и другие! Счастливые!

– Многих знаешь? Или со слов? Мол, для всех они были прекрасной парой.

– Неужели ее нет?..

– Есть. Конечно, есть. – Незнакомец отвел взгляд и задумчиво погладил рукой подбородок. Он был явно удручен опережением событий. – Россыпи великой Любви доступны и двоим... и даже не по прошению. За другое, – он посмотрел на Полину так, что у нее пробежал мороз по коже:

– Ну... хорошо... хорошо, – пролепетала она, бодря себя торопливостью. – А... а любовь к музыке? Любовь единения с природой? А «дети цветов»? А Индия? Рерих? Кришна, наконец?

– Добавь его шестнадцать тысяч жен и забудь, что Будда не допускал в свой орден больных и калек. А потом и стариков, – перебил мужчина. – Что Кришна помогал царевичу Арджуне, который не хотел смерти родичей, обманом и подлостью расправиться с ними.

– ???

– Да, да. Но последователи будут упрямо называть учение любовью.

– А что же она тогда настоящая любовь, которая включает всё?!

– Один Святой, думаю, знаешь, кто они такие, взывал: «О, если бы я мог отдать свое тело прокаженному, а его плоть взять себе! Облегчив тяжкие страдания, разделив участь». Говорил искренне, понимая невозможность такого на земле – совершенной любви здесь нет. Тысячелетия отблески ее, зарницы, выхватывали в темноте веки к ней. Пока не появилось христианство. И наша благотворительность, наша помощь, милостыня – только проба, попытка взять чью-то боль на себя. Маленький сполох, отблеск великой любви на тебе. Ведь мы помогаем, понимая и сочувствуя, но ни в коем случае не желая себе испытать те же страдания. Не допускаем мысли. Я помогу и облегчу – но не дай мне Бог такого же – вот мысли поврежденного разума человеческого. Как далеки они даже у честных и порядочных людей от вершины того великого чувства. Ведь и несчастные живут рядом только для нас. Для возможности лечить нам себя.

Мужчина тяжело вздохнул и покачал головой:

Полина, смущаясь, тихо прошептала: – Увы. Человек не любит сложного пути.

– Ревнителю «свободы» заманили простотой – тремя словами: Успех в благополучии и в мире.

– Но... разве это плохо?

– Обманщики крепко постарались, чтобы ты так думала. Но люди смотрят ту же постановку, что и века назад – с «Перуном», «Зевсом» и «Атлантами». Телец из золота сменил Ковчег Завета – все стали Иудеями Синая. Втащили идолов «имен» на постамент. И нет на них сегодня Моисея. Более того, разбуженные идолы начали уже сами черкать страницы, противясь «новым» авторам, «нового» жанра. Они правят уже и новые «заповеди», растаскивая человека по частям. Обещая сласть потерянного Рая здесь и сегодня. Мир без нищих и больных. В свободе ото всего. Но сцены те – Перуны, а заповеди – ложь. Ведь пишущие сами прокаженные.

– Всё это неприятно... – Полина поморщилась. Она не понимала аллегорий. – А здесь?... в вашем городе?... герои чьи? Чего?

– Романа. Где можно повзрослеть. «На всякий жанр найдется свой отступник» мой девиз. И город – для таких!

Женщина, скрывая приятное изумление, отвернулась, будто разглядывая что-то в переулке. Лицо зарделось.

– О город! Мой фрегат! – мужчина вытянул руку вперед, не заметив смущения Полины. – Укрытие и гавань! Бегущих от людей... от низости высот. От путаных тирад, от холода объятий, от лозунгов, знамен и позолот. – Он вдруг улыбнулся. – Здесь можно изменить пролог и постановку. Исправить и помочь. Да что там!.. – излечиться!

– Любому человеку?!

– Да. Ведь город – авансцена... в великой путанице окриков, народов, каст, сословий... помнишь?

Полина машинально кивнула.

– С двумя занавесами – от зала и от сцены. Некая середина, точка отсчета. Здесь все равны как должники друг другу.

– Чьи должники?

– Друг другу. Ну и... мостовых, домов, страниц... – говоривший обвел рукою улицу. – Здесь получает каждый право исправлять.

– Так не бывает... – единственное, что могла сказать Полина, не до конца понимая спутника, и покачала головой. – Но... зачем? И для кого такой эксперимент?

– Сегодня – для тебя.

– Меня? – в голосе слышалась досада.

– Стать большим должником... как здесь случалось прежде. Не бойся, не с одной.

– О да, я вижу пару человек, – горько усмехнулась женщина, и указала на сквер, где за листвою виднелся чей-то памятник. – Вообще-то мне б домой. К чему долги и в чем? Зачем их набирать?

– Домой?.. – мужчина поколебался, – да только я не властен. Точнее... не один. Но всё в твоих руках. А долги особенные... отдать нельзя. Их можно принимать. Под бой часов пока не кончен месяц.

Полина мягко улыбнулась надежде. Она свыкалась с неопределенностью, но мысли бежали вперед – к ожиданию событий. Которых уже не особенно желала. Всё выходило как-то не так. Однако вновь оставаться одной не хотелось и потому она спросила:

– А город... он большой?

– Тут хватит места всем. Желаящим бежать.

– Бежать? – женщина пожала плечами. – Чтобы принять? Желаящих не видно.

– О, город полон, дышит и кипит. Заметить, правда, трудно.

– А магазины?

– Звон пряжек?

Полина подкусила губу, но тут же нашлась:

– На первый взгляд уныло. Ни блеска... – она снова бросила взгляд на сквер, – ни Петrarки.

И, удивляясь спасительной догадке, смело посмотрела на мужчину.

Тот посерьезнел:

– Петrarка покинул эти улицы пару сотен лет назад, так и не оставив о себе памяти.

– Жаль...

– Мне нет.

– Странно это всё. Станный разговор, – спутница непроизвольно огляделась. – Какая-то скучная картина получается. А знаете, я подумала, что это сон. Только ка-кой-то уже не забавный, хотя... – она потрогала спутника за рукав, – но зачем я проснулась здесь? И где мой Валентин? В театре? – бодрясь догадкой, спросила Полина саму себя.

– Проснулась? Что ж, пусть так. Ведь здесь не могут помешать ни время, ни обстоятельства. И, конечно, никакой горчицы.

Женщина усмехнулась:

– И никаких газет, мужей, Самсоновых.

Мысль дальше не двигалась, а просто ждала.

Провожатый с интересом посмотрел на нее:

– Самсоновых? Мне кажется, ему сюда не надо?

– Еще бы! Полагаю и мне.

– Хм... А как ты думаешь, можно ли ходить, смотреть... дышать без привычных забот?

Когда, в общем-то, для... дыхания есть всё?

– Наверное.

Ответ, скорее, был машинален.

– А жить? Во сне? Трогая, касаясь?

– Я это сделала только что. Но мне иногда кажется, заботы даются для чего-то. С целью.

– Прекрасно, дважды! – мужчина снова улыбнулся. – Осталось ответить – с какой? Не смог никто! Из тех, что за перунов. – Он на секунду задумался и с сожалением перешел на «вы»: – А теперь, простите, мне нужно торопиться...

– Вы же говорили вместе?

– О! Не беспокойтесь. Я с вами связан, слит, если хотите – ваш. Но там, в начале, я обещал не дать в обиду одну женщину...

– Меня? Одну? Опять? – такой поворот напугал Полину.

– Вы не одна. Забыли? Вы просто одиноки. Не бойтесь... вам здесь никто не причинит вреда. Ведь одиночество здесь необычно. Оно по требованию.

– Одиночество по требованию?!

– По вашему требованию.

– Я ничего не требовала и... зачем оно мне? Одиночество?

– Ну... каждый одинок всегда, во всем и постоянно. Однако здесь – по собственному требованию. Редчайший случай – пробуйте смелее.

– Да что же пробовать?!

– Отличить поступки по совести от других. И оправдать последние. Ведь поступки – результат взвешиваний. А что на весах? Забота о семье, детях, которых упомянули, недостаток первой, образование вторых – не самые плохие мысли. Наконец, забота о себе... желаний множество... небольших, приятных... неосуждаемых. И каждый день. Или больших, полезных, нужных... ради друзей, коллег. Главное, войти во вкус, и поступок оправдан.

– Семья? Забота? Что ж плохого?

– Идем во вкус? Попробуйте уравнивать разбой для грабежа и заработок для достатка. Смерть за родину от врага и смерть на эшафоте от присяжных. Убийства из ненависти и ради свобод... повторю – больших, полезных, нужных. С ходу не получится. Придется погрузиться. Ведь одинаковость увидеть сложно.

– Вы будто оправдываете... уже.

– Оправдание?... любимое слово предателей. Хотя есть вариации. Вот женщины порой оправдывают рождение черного ребенка большим количеством съеденного шоколада. Простите, свободой отношений, – спутник усмехнулся. – У сильного пола оправдания попроще.

Полина опешила, однако тут же взяла себя в руки:

– Но поступок по совести – тоже взвешивание, сами сказали.

– Так и есть. И не поверите – совесть может перевесить. Однако, легче нет ее на свете. Редчайший случай. Остальное всё весомей, тяжелее. Простите – нужнее и полезней. Голь на выдумки хитра, кажется так? Решаем просто и легко. Вот, к примеру, благородство – оно порой вредит, разбой же – через раз полезен. Как уравнивать их? В чём? Беритесь!

– Да что ж она тогда такое – совесть? Если забота о семье, там, людях, справедливости... становится ей чужда?

– Простите, женщина та – ждет. Вы держите меня в ущербе.

– Ну, пусть она потерпит, а не я! Сами же обещали – никто не может помешать...

– На слове пойман... будь по-вашему – считаем перевесило то, нужное.

Полина вспыхнула и поджала губы. Скажите, – после глубокого вдоха спросила женщина, – а узники совести... кто тогда они?

– Не было с начала времен, – ответил мужчина. – Несовместимы. Как совесть гения и ложь ради успеха! Талантливый обман и доброта как цель.

– А как же... «блаженны миротворцы»? Так, по-моему, в Библии?

– Миротворцы, а не освободители. Избавлять одних от гнета других – дело совести тех, «других». И коль идете вы на преступление ради чьей-то свободы – причем здесь совесть? Ведь та «свобода» выдумана жанром – всё той же, «новой» постановки. Освободители становятся убийцами. Всегда и непременно. У них в руке нож... для «угнетателей» рабов, а в голове ненависть к тем самым угнетателям. Из тех же. Которых считают, как бы помягче выразиться... «неразумными», а себя исключительными и «в праве» угнетать. Помните Достоевского? «... или право имею»? Борьба за справедливость благородна внешне, но способы и кровь в ней неразлучны.

- Так что же? Отказаться?! – Что-то в Полине сопротивлялось. – От всего такого?
- Отречься от крови.
- Да разве я за то?! И люди так не думают!
- Увы, за то. Но верно – так не думают. У телевизора, у плитки шоколада, на курорте и... даже, помнится, когда-то на голгофе. Везде оправдывали пули для злодеев.
- Да ведь ублюдки!
- И по-христиански! – мужчина утвердительно кивнул
- Полина потупилась.
- Ну, вот и первый шаг от шоколада, – натянутая улыбка спутника не объясняла ничего. – Пожалуйста туда, – он кивнул на старинный дом в глубине переулочка. – А мне все-таки пора, простите. – И развел руками.
- Но у меня столько вопросов!
- Я в них тону и сам. И забываю слова... из песни.
- Какие еще слова?
- «Самое главное – сказку не спугнуть». И ждет меня осень в Иркутске – далеко не «... цветущий, в акациях город...».
- Ну почему же?... – Полина сглотнула. – Есть и такие слова:

*Ты спой мне без грусти
Ах, осень в Иркутске.
О том, как любили,
Любимыми были¹⁵*

- Любимыми были... любимых манили... не дрогнув, любимых легко мы забыли... – кажется, так дальше?
- Вы жестоки...
- Говорю же – забываю. А искать ответы давайте вместе. Надеюсь, вы поможете и с долгами мне? Ну, при случае?

Мужчина как-то торопливо, словно боясь продолжения расспросов, повернулся и пошел к дверям скошенного угла того самого старинного дома. Полотно скрипнуло, незнакомец замер, с опаской посмотрел на него и... неожиданно обернулся:

- Но помните! Тринадцатый месяц начался! А смерть в России к счастью, лишь пролог!

Полотно недовольно скрипнуло во второй раз, оставляя нашу героиню одной. Полина растерянно подошла к дому. Двери оказались нарисованными. Наверху висела табличка: «Графский проезд» – место, где снимались «Неуловимые мстители».¹⁶

«Кто они? Эти «неуловимые»? – грустно подумала женщина и только тут обратила внимание на небо – непривычно зеленый купол, уже темнеющий с одной стороны, опускался на город сумерки. Опустошение, нахлынув, погасило мысли.

«Графский проезд» – прочитала еще раз Полина и посмотрела вглубь мостовой меж двух старых домов с полукружием окон из плохо тесаного камня. Шелест платанов в сквере за спиной – вот, пожалуй, и всё, что оставалось с ней от мира ее прошлого.

«Что ж, надо идти...», – это она уже понимала. Шелест утих. Женщина побрела вдоль стены. Миновав унылый проем разлапистой арки, уводящий во двор, Полина вышла на второй

¹⁵ См. Валери Кудряшов «Иркутская осень».

¹⁶ Фильм Эдмонда Кеосаяна.

угол дома – такой же скошенный, как и тот, позади, в котором скрылся ее загадочный спутник. Подумав, она перешла через мостовую к старой гостинице, судя по высоте окон.

Вдруг нарастающий гул мотора заставил ее обернуться – темнеющий полукруг арки, казалось, задрожал от рева в глубине. В то же мгновение серый кабриолет буквально вынырнул оттуда, резко свернул в ее сторону, огибая угол, резина завизжала с утроенной силой, и человек, цеплявшийся за тканевую крышу, вместе с ней отлетел на стену. Распластанное тело, потеряв инерцию, размякло и медленно сползло на тротуар. Верх авто, кувыркаясь, покатился в сторону. Через мгновение «ужас», обдав волной теплого воздуха, пронесся мимо. За рулем никого не было – это Полина успела заметить, вжимаясь в холод камня.

Тканевая «накидка», что маскировала «бесчеловечность» первого сиденья, все еще покачивалась на земле, обнажив хрупкий скелет растяжек. Тела же нигде не было. Полина ощупала себя, испуганно огляделась и сделала несколько шагов обратно, стараясь заглянуть в арку. Но и там было пусто. Вдруг в глубине послышалось глухое шипение, которое, прерываясь, уступало бормотанию, снова оживая. Женщина осторожно ступила в полумрак и увидела просвет двора внутри. Секунду помедлив, она шагнула вперед.

Пристроенные лестницы и площадки с бельевыми веревками у квартир источали дух прошлого, напоминая дворы старой Одессы. Посреди двора, на табурете, стоял патефон, игла которого «царапала» изгибистый винил. Звук шел оттуда. Полина подошла ближе, и шипение сменилось низким, с подвыванием голосом:

*Какой-то странный город за окнами лежит,
Видений нить живая пугается, дрожит.
И тает паутинка в тумане голубом,
Меняя образ дивный на сумрак за окном.
О сон! Куда уносишь ты бренность бытия?
Кому ты жизнь пророчишь? Оставь, она – моя.
Постой, верни виденья, открой мне – что они?
Не уноси забвенья, любви не примани.*

До нее дошел смысл только последних строк. Замерев в недоумении, она продолжала стоять молча. «Подвывание», то усиливаясь, то пропадая в посторонних шумах из-за ветхости винила, превращало конец каждой строфы в шелест, будто кто-то мял тонкую восковую бумагу. Но вот раздался щелчок, игла соскочила, и патефон зашипел. Это продолжалось около минуты, затем «подвывание» вернулось:

– Какой-то странный город за окнами лежит...

И вдруг позади она услышала крик:

– Полина!

Холодный пот обдал спину. Голос Елены вырвался от-куда-то из арки, заставив сердце заколотиться. Женщина обернулась и увидела... подругу. Яшмовые стены позади, блики водопада дополняли сюрреализм картины. Она что есть мочи закричала:

– Ленка! Сюда!

Полина бросилась вперед, но... проход уже чернел пустотой. Эхо собственного голоса она узнала не сразу, потому как крикнула совсем другое.

– Не нужно сожалеть об ошибках, – донеслось из глубины. – Напрасно ожидая, будто сожаление когда-то перевесит их притягательность.

Голос угасал с каждым словом, и последнее было сказано почти шепотом. Будто невидимый источник отдалялся. Он таял вместе с уверенностью, слышала ли Полина что-то вообще.

Оглядев двор еще раз, мать, жена и подруга медленно побрела прочь, оставляя позади не только лестницы и бельевые веревки, но и старую пластинку – заботы о близких, пустые разговоры с подругами и даже шубку из альпийской козы. Полина уже понимала, что *там*, откуда она пришла, все идет по-прежнему, одинаково. Чередую утренний кофе, хлопок двери за сыном, работу, на которой не все ладилось. Звонки, сериалы и суету среди вешалок бутиков. Всё это «прежнее» оставалось в сумраке проходной арки, угол которой, породив те самые обстоятельства, избавил ее от последствий. Жизнь почему-то временно давала ей передышку.

«Ши-ши-ши-ши...» – звук винила быстро стихал и, наконец, угас.

Остановившись у дома с покатой крышей, наполовину скрывающей окна второго этажа, перед мостом над речушкой, она увидела табличку с медной патиной: «Старая царская таможня».

– Зачем я тебе? – прошептала женщина и потянула ручку двери – та поддалась.

ЗЕРКАЛО

«Медвежий угол, – назидательно произнес рослый сорокалетний мужчина с округлым и румяным лицом, больше похожий на игрока в баскетбол, чем на профессионального охотника. Он обращался к Бочкареву и Самсонову. – Ходите только вдвоем – нынче их много что-то».

Леонид Кузьмич Амосов, управляющий строительным трестом на севере области, вмещающей три Франции, был спокоен всегда. Здесь, в девяти сотнях километров к северу от Иркутска, у верховьев Нижней Тунгуски, охотился еще его отец Кузьма Аверьяныч – коренной сибиряк, не мобилизованный по брони на фронт в сорок первом. Армия нуждалась не только в снарядах, но и в мясе, рыбе и прочих дарах матушки тайги. Благо, владения последней простирались на три тысячи километров на запад и столько же на восток. Причем, до ближайшей деревни было дней десять ходу: через непроходимые болота, неглубокие речушки по распадкам голубеющих в утренних туманах сопок, покрытых кедром да березой – самой верной российским просторам и самой выносливой, как и живущие на них люди. Тайга, эта зеленоглазая царица Сибири, с радостью привечала на своих бесчисленных тропах геологов, охотников и прочий бродячий люд, рассчитывая на новых искателей приключений, влекомых ее щедростью и красотой.

Именно у брошенных геологами пару лет назад трех новеньких «камазов» и остановился, рыкнув, вездеход с нашими героями, которые с удивлением смотрели на автомобили, груженные покрышками.

Леонид Кузьмич на этом чуде техники, гусеницы которого избороздили пол Эвенкии, забрасывал к базовому зимовью, что в двадцати верстах отсюда, припасы на время предстоящей соболиной охоты и зазвал друзей побродить с ружьишком, подышать свободой ни где-то под Парижем, а здесь. Не придуманной, а живой, широкой и честной, как душа этих просторов. Пока с напарником они починят крышу и подготовят «базу» к основному заезду через две недели.

– По «зимнику»¹⁷ в позапрошлый год заблудились. На Ванавару тянули, – напарник, водитель-универсал, кивнул на «камазы». – Людей вертолетом вывезли, а стекла медведь покрошил – искал сгущенку.

– Чего же потом не забрали?

– Богато живут, – тот махнул рукой. – Пойду, масло проверю.

И направился к вездеходу.

Амосов тем временем осматривал кабину дальнего грузовика.

Они видели сегодня несколько зимовий с выдранными окнами. По традиции, уходя, охотник должен оставить припас для какого-нибудь бедолаги, его последнюю надежду. «Бедолагой» в одночасье можешь стать сам – бурные объятия рек давно перестали считать унесенные рюкзаки, снасти и ружья. Этот-то припас и влечет хозяина тайги. Ну, а если доведется сыскать сгущенку, удовольствию «косолапова» можно только позавидовать.

– Дальний вообще в полном порядке, кабина цела – заводи и вперед, – Амосов подошел к друзьям. – Ладно, переночевать есть где, – он кивнул на избушку у небольшой речки внизу. – А завтра – назад, двадцать километров на юг, до поворота на базу, помните, где зарубки?

«Не проскочим!» – отвечал Самсонов, улыбаясь, и посмотрел на Бочкарева, который был почему-то серьезен.

– Ну, ну.

Через несколько минут напарник, вытирая руки от смазки, весело бросил: готово!

– Так только вдвоем! – крикнул Амосов, хлопая дверцей кабины.

¹⁷ Подобие дороги в Сибири, проходимой только зимой.

Гусеницы лязгнули, рев двигателя начал удаляться и, наконец, затих меж сосен.

– С двумя ружьями, думаю, не страшно, – бросил вслед Бочкарев.

– Не скажи, медведь, если захочет, обязательно «скрадет». Мне Серега рассказывал. Человек в лесу незащищен без собаки. Нюх не тот... Ладно, пойдем, кинем вещи в зимовье, да прощупаем вокруг – может, рябчика какого на вертеле сварганим. А то вечереет. И дровишек подсобрать надо бы.

– Слушай, Амосов-то оборотистый мужик – и вездеход, и должность... сам себе хозяин. Хватка, одно слово! – восхищенно покачал головой Виктор.

– А то! Потомок Ермака! Пошли, что ли.

Они вместе направились к низенькой избушке в десятке метров от переката – места, где речка мелела, раздаваясь вширь. Собрав на поляне сухие веток для печки и бросив рюкзаки, они с ружьями двинулись вглубь леса. Самсонов уверенно ступал впереди. После пяти минут ходьбы он остановился.

– Что-то не нравится мне здесь – слышь, тишина какая.

– А какая должна быть? – Виктор, понимавший в альпинизме гораздо больше, нежели в охоте, замер у кустов позади.

– Мертвая. Птички не поют, – Самсонов глянул на вершины деревьев. – Ты вслушайся. Полная тишина.

– И что это значит? Без жаркого? Глухаря заварим, чего жадничать?

Они подстрелили птицу еще утром, по дороге сюда.

– А может, рядом кто ходит. Птицы тогда смолкают. Пережидают.

– Ты брось нагнетать-то. И так не по себе.

– Да ничё, просто темнеет, а то можно бы и дальше пройти. Вон ольхи да березы сколько – самый корм рябчику.

– Ешь ананасы, рябчиков жуй – день твой последний приходит, буржуй, – пытаюсь бодриться, ответил Бочкарев. – Пусть жирует птаха.

– Хай живе, так и быть, давай обратно. Чай еще закипятить надо.

Самсонов снова двинулся первым. По мере приближения к реке настроение поднималось. Они весело обсуждали впечатления уходящего дня.

– Послушай, а напарник-то ловок на руки – сколько глухарей набил! Мы только за ружья, а он уже рычаги бросит и бах!.. бах!

– Да, и копылух¹⁸ полкузова. А у них мясо не-е-ежное, тает! «Рукастый» дядька. Редкий экземпляр.

– А гусеницу как чинил? Да... с таким в тайге не пропадешь!

– Гусеница что. Вот фрикцион полетит! Амосов его шофером лет десять держит. Вместе и охотятся. И глаз – алмаз. Рассказывал, как-то по снегу уже на лыжах идут, видят – в километре по склону мужик на их участке промышляет. Гребет себе хоть бы хны. А за это в тайге можно поплатиться. Я слышал, лет пять назад пара молодцев то ли выходили откуда, то ли зачем еще – зимовья грабили да жгли. Так одного нашли к дереву привязанным. Чуть не помер от голода. А второго ищут до сих пор.

– Нашел что вспомнить!

– Так вот, они было к этому мужику, а напарник-то и говорит: постой, мол, что-то не то. Пригляделись, а тот к колоде подошел да под нее поднырнул, а не перелез. И дальше почапал. Медведем оказался.

– А его они не трогают?

– Да почему! Только готовиться надо, дело-то серьезное. Мишка лошадь на скаку догоняет.

¹⁸ Самка глухаря (сибирский обиход).

– Да ну!

– Точно. Амосов рассказывал, в детстве видел. Как пожар верхом пойдет, вся живность спасается, а бегут, случается, вместе. Оттуда и знает. Сильный зверь. Я пару лет назад смотрел передачу, как один пижон, из бизнесменов, на медведя с рогатиной ходил, а для куража просил друзей снимать на камеру.

– Богата Русь дураками.

– Да успел-то пару раз. Вот съемку последнюю и показывали. Дикий момент: голос за кадром – мол, смотрите, человек всё еще на ногах, вроде еще стоит – видно нечетко, а у него уже полголовы нет. Один взмах лапы. Похоронили.

И вдруг остановился.

– Витька, поглянь! – он махнул спутнику рукой, всматриваясь в землю. – Иди сюда.

Бочкарев, озираясь, приблизился.

– По твоему сапогу лапа, сверху.

Бочкарев наклонился:

– Ты смотри, как человечесья нога! С пяткой!

– Если бы не когти. Медведь, – муж Людмилы потянул с плеча двустволку. – Надо же, минут через пять за нами. Ну-ка, давай прибавим шаг!

Друзья спешно, всматриваясь в каждую темнеющую корягу, двинулись вперед. Кусты уже казались зарослями, слова забылись, а за поваленными деревьями что-то мерещилось. Настроение упало. И только крыша избышки, мелькнув меж деревьев за речушкой, заставила Бочкарева выдохнуть:

– А у меня бутылка «Наполеона» с собой!

– Да уж, как раз ее минута, – заметил Самсонов, закидывая ружье за спину. – Только смутим охотников – никому в голову не придет тащить такое в лес. Каждый грамм на счету – у них-то вездеходов нет, как у Амосова. Это кола и презервативы – сопутствующие товары, – он хихикнул. – В газетном киоске как-то спросил, почему газет нет, а эти... на полках. Тетка так и ответила – мол, сопутствующие товары.

– А бутылка не сопутствующий?

– Не... тут другим смутим... увидят надпись – подумают, шпионы побывали! Слышал анекдот? – в голосе появились веселые нотки.

– Нет.

– Забросили американцы шпиона в Сибирь, а тот тут же провалился. Ну, второго готовили год по усиленной программе – а он туда же! Третьего выдрессировали по высшему классу – местные диалекты выучил. Приземляется, парашютик прикопал, бушлат да штаны с сапогами натянул, вышел на проселочную дорогу, сел на пенек нога на ногу да закурил самокрутку, – Самсонов обернулся и подмигнул Виктору. – Идет мимо старуха. «Здравствуй, американский шпион», – говорит. «Да ты что, бабка, я же с соседнего леспромхоза – в магазин за бутылкой ходил» – Ох, сынок, – отвечает та. – Сколь лет в Сибири живу, ни разу негра не видела!»

Хохот друзей услышала бы даже рыба, водись она на мелководье. Они осторожно, чтобы не черпануть сапогами воду, двинулись по голышам. Через минуту речка осталась позади, а дым из трубы зимовья манил уютом и теплом. Перед самой дверью Самсонов остановился и глянул на ту сторону переката:

– Значит, говоришь, чуть на ужин мишке не попались?

– Да уж... – Виктор тоже глянул на темнеющий лес.

– Но! – друг поднял указательный палец. – И даже это!.. не помешает нам выпить!

– Согласен! – заулыбался Бочкарев.

– А знаешь, что ворону без горлышка бутылки в котле не сварить?

– А зачем ее варить-то?! Кто ж ворону ест?

– Во, во! – Самсонов гоготнул. – А я лет пять назад, когда меня «раскатали» на ворону, постеснялся это спросить. Думаю, может, когда и варят, да выглядеть дураком не хотел. Попал! Дня три подкалывали!

Оба снова рассмеялись.

Через два часа глухарь был готов, печурка, радуясь гостям, трещала. Блики таинственно играли по стенам, свеча на потемневшем от времени столе освещала не самую последнюю по лесным меркам закуску.

Бутылка «Наполеона» была пуста уже наполовину.

– Послушай, а Ванавара – там же рядом Тунгусский метеорит? – глаза привыкли к темноте, и Бочкарев с интересом осматривал избушку.

– Ага. Рукой подать. И репер профессора Кулика на единственной улице стоит – цепями огорожен.

– Тот, что первую экспедицию вел?

– Он самый, – Самсонов с удовольствием жевал мясо. – Раньше закрытая зона была, экспедиция стояла. Никак не добраться. Только вертолетом геологов. Иногда летом студенты, из самых отчаянных, нет-нет да пробирались. Петр Золотов водил на метеорит.

– Откуда знаешь?

– Да тоже Серега рассказывал. Он как-то с оказией на вертолете с Герасимовым, другом Амосова, летал. Валентином Алексеевичем звали, из энергетиков, первопроходцев. Хороший мужик был, основательный. Такой же здоровый, как Амосов. Помер недавно. Он-то Серегу к охоте и прикормил. Я даже встречался с ним раз – тот в Иркутск прилетал. Всё вспоминал, какой кабак в «Арктике» брутальный был.

Самсонов мечтательно вздохнул, будто это он, а не помянутый Герасимов, любил провести там по случаю вечеров в далеком студенчестве.

– Нефть в Ванаварах, говорил, необыкновенная, белая. Прямо в дизель заливают – и работает. Электростанция – тоже дизельная. Три движка.

– Без перегонки?!

– В недрах завод, в земле-матушке. Во, какими богатствами владеем. Сейчас нефть качаем из западной Сибири, а отсюда еще по большому счету и не трогали.

– Короче, обречены на сырье, – уныло заключил Бочкарев.

– Да прекрати ты! Помнишь разговор? Если нас укоряют в половине сырья в валовом продукте, тогда и мы укажем Америке, что у них восемьдесят процентов в нём – услуги. А если этот «воздух» вычеркнуть, что от нее останется? Ведь кроме оружия, лимузинов и самолетов ничего не производят. Адвокаты там, страховые агенты, Бродвей, баскетбол да всяких шоу – половина услуг вообще развлечения. Короче – стрижка собак... изюминка, кстати, по сто долларов штука. И собак сто миллионов! А вот скажи-ка, что в первую очередь должен отражать валовой продукт страны? В современном мире, подчеркну! – кулаки уперлись в бока. – Все более и более небезопасном! Разум и логика, – он постучал пальцем по лбу, – подсказывают: должен отражать способность страны защитить свои ресурсы и население в случае угрозы такому! И ничего!.. ничего больше – с продуктами и авто уже давно всё решено. И уж точно не стоимость Голливуда или сколько денег перегнали из одного банка в другой. Так вот, если производство принять за главное – его, напомним, там всего двадцать процентов – то картина меняется в жуткую для янки сторону. Банковская система в первые минуты серьезного конфликта вылетит. Как и остальная «стрижка» собак. Роль играть будет потенциал совсем иного рода. И только! А по нему мы вполне соизмеримы. Потому до конфликта им надо выиграть людей! Наших. Убедить во второсортности. Ведь были такие настроения в девяностых. Оппозиция и сегодня так думает! Крики-то: «У них лучше, надо сделать как там»! – оплачены, Иудины. Чему и служит их методика подсчета вала. Исправно. А все эти феньки с голыми жопами на Бродвее роли не сыграют. «Хлеба и зрелищ»! Помнишь, кого это стубило? Римскую империю!

– Ну, Рим сгубили простые человеческие пороки – зависть, коварство и тщеславие, – глаза Виктора смотрели озорно. – А вот стрижка собак... – он хохотнул. – Смотри, попадешь под санкции!

– А загоржусь! – Самсонов подался вперед. – Представь, как легко поднять валовой продукт! Какой-нибудь Рокфеллер возьмет да и начнет платить по миллиарду своей дочери за выгулы семейного шпица. И если та зарегистрирует фирму – миллиард пойдет на рост! За свою методику «амеры» будут биться до крови!

– Согласен... изящно поднёс! – восхитился Бочкарев. – Побаловал широтой кругозора.

– А могу! – тот довольно заулыбался. Улыбка на секунду отвлекла, но только на секунду. – Кстати, «газо» и «нефтедобыча» – одна из самых наукоемких отраслей в мире, – ладонь Самсонова дважды твердо ударила по столу. – И технологии сплошь передовые!

– Вроде китайцы их нагнали. По валу?

– Заметь! Даже по их методике подсчета! Зуб даю – со дня на день подправят. За свои стандарты амеры грызть будут каждого. Не сомневайся. Это не Сирия и не Иран – здесь у них «лежбище», «малина», помнишь Высоцкого? Вот такие бои неместного значения нас ожидают! – палец Самсонова уперся в друга. – Другие вершины пора брать, товарищ альпинист! Другие подходы...

– А как биться-то будут? – Виктор отвел палец, соображая, как того раззадорить еще больше.

– Да хотя бы введут на услуги коэффициент «два» – ну, утяжелят их в общем весе «вала», мол, потребление превыше всего!.. – их родная парадигма, и привет, еще лет на сто первое место! И тогда Китай хоть весь мир завали товарами – в лидерах будут «амеры». А на обман они плевали, дело привычное. Говорю, главное – методика! Вышибать козырь надо, вышибать! Свои агентства делать, свои методики, свои оценки применять, а не пахать на дядю Сэма. Нас три миллиарда! Валовой продукт давно не экономика, а политика! А значит война.

Самсонов вошел в «раж» и как-то зло чертыхнулся.

– Да ты не расстраивайся, прорвемся, – добродушный голос друга смягчил настрой.

– Потом придумают другой стандарт, денег напечатают как всегда или нули допишут – помнишь, курсовые? Как подгоняли? Зубы у шестерни расчетные не совпадут – так просто, рукой на чертеже дорисуешь. И внешне – всё гладко. Только проректор тогда раскусил, да мне трояк вlepил, еще пожалел. Мол, радуйся, что не тот факультет – не машиностроительный, а то... – он почесал затылок. – Кстати, общепринятый подход. Жена с Галкой как-то судачили об искусстве – так в нем одни подгонки! Подслушал. У Моне, говорит, есть картины явно не оконченные. Но всегда находится какой-нибудь «знаток» и восклицает: «Нет! Это замысел! Всё завершено!». И пошло-поехало. А потом и рядовую мазню превозносят. Людка-то уверена – окажись посредственность в нужном месте и в нужный момент, напорись на такого «знатока» с именем, которое такая же подгонка – и новый «гений» готов! Против имени-то не попрешь! Вот кто наши назидатели по культуре, а не мозги! В методике подсчета «вала» – точно также. Отсюда вывод: пока не плюнем на всякие «фичи», да «мудисы»¹⁹, на прочие «мыльные пузыри», пока не создадим вместе с китайцами да индусами – а это две трети населения земли! – собственные рейтинговые агентства, свои экспертные институты, отражающие реалии, а не сиськи, свои модели, курсы, да что там!.. свой эквивалент единицы измерения мощности стран – кредитные рейтинги наши плакали, как и рейтинг международный. Рычаг на «повизгивание» «двух третей» будет работать исправно. А теперь экстраполируй такой подход и на право, на спорт... вон, двести американских спортсменов имели разрешение на прием запрещенных препаратов, якобы для лечения. А затравили – нас. Да на те же «педофильные законы» – любой «западный» стандарт будет на этой войне против России. Раньше думали

¹⁹ Moody's, Fitch Ratings – мировые рейтинговые агентства (инструменты геополитики США и союзников).

«запад» против коммунистов, а оказалось, сама Россия поперек горла. Возьми премии «динамитного короля» Но-бея. С каких пор национальные комитеты перестали быть субъективными? Ни одного китайца, бразильца или индуса в принятии решения! Превратили в балаган. А премию мира – в посмешище! Но каков инструмент унижения! Свои надо учреждать, братишка, свои премии, статусы, коэффициенты! Или проспим вообще все. Наливай-ка! – он указал на бутылку, чувствуя привилегию после такой тирады. – И вообще, главная угроза для штатов – правда! Правда – та самая сила, против которой и будут биться. Зубы в крошку, лишь бы не она! Здесь у них не триста процентов прибыли!.. – весь мир под пяткой. А теперь вспомни Маркса – «нет такого преступления, на которое не пойдет капитал ради трехсот процентов». Готовься. И ва-а-аще! Слушай бывших политических тяжеловесов Европы.

Бочкарев с удивлением остановил руку, протянутую к бутылке.

– Гельмута Коля давно уже нет, а вот Земан, чешский президент, остался. Ему не надо уже избираться, лгать, подстраиваться – стар, вот и рубанул правду-матку на евроассамблее.

– Что сказал?

– Дал определение агрессору. Мол, агрессор, это та страна, которая напала на другую страну... до Америки!

– Сильно, – кивнул Виктор. – Послушай, а вот к стрижке собак... Штаты автомобильная же страна? – И, достав платок, вытер пальцы. – Привычка... – пожал плечами он, разливая. – Иметь при себе...

– А мне? – Самсонов протянул руку и, обезьянничая, сделал то же самое. – Автомобили, говоришь? Производят в два раза меньше, чем Китай! Говорю, одни развлечения!

– Да... рванула «Поднебесная».

– Это точно. Здесь отец Людкин, отставник, вспоминал. В девяносто втором, когда разрешили им за рубеж-то, съездил в Харбин. Никаких тебе «жигулей» – на улицах наши «зисы», грузовики старенькие, да велосипеды. Хромовые сапоги с шинелями у туристов скупали. Еще застал. Прихватил сломанных часов – дома штук шесть валялось – все продал. А шапку ондатровую – на магнитофон выменял!

– Гонишь!

– Он? Я-то передаю. Заводы сборочные как грибы росли – китайцам зарплату магнитофонами выдавали. В остальном – ужасающая нищета. А через двадцать лет завалили ширпотребом Америку. Нам бы такие темпы! Да, прокалывается Путин в кадрах. Будто не знает кого назначает. Разведчик он или кто?!

– И все-таки... к нашим баранам, – Бочкарев не отступал. – Вон, на теледебатах нет-нет да услышишь: продукт Америки в пятнадцать раз больше нашего.

– Это ж все ла-ла! В долларах ведь! А ты отними «стрижку собак» – и будет всего в два раза больше. Согласись, совсем другой коленкор – вкладывается в разницу числа граждан. Повторяю! Производства у нас-то восемьдесят процентов, а услуг двадцать. Теперь о долларах. Добиваю примером, ликбез, так сказать. Ликвидация безграмотности, – Самсонов многозначительно кашлянул. – Положим, что будет решение нашего центробанка уронить рубль в два раза – это, кстати, страшно выгодно нашим экспортерам. Что произойдет с ВВП? Рухнет тоже примерно в два раза. А производство? Правильно. Останется прежним! Чуешь англосаксонскую хитрость? Жить будем также, но слетим на тридцатое место. А всякие Испании да Сардинии – в десятке! Это при их нищете-то и безработице в двадцать процентов – будешь, съезди по селам, да виноградникам – голь перекатная!

– Хорошо, – согласился Бочкарев, улыбаясь.

– И еще. Положим, мы сделали по десять подводных лодок. Нам каждая обошлась в двести миллионов долларов – если рубли перевести, а у них в два миллиарда – кто и сколько добавит себе валового продукта?

– Ну... мы в десять раз меньше.

– То-то! А лодок получим одно и то же количество. Так же и с продуктами, стиральными машинами и холодильниками! Смекаешь? Какой полезный Западу изъясн в системе подсчета? Страны получают товара поровну, народ будет жить примерно одинаково, а впереди всегда будет самый хитрый! Если все считать в долларах! Для того валютный курс и нужен! Служит еще как!

– Неужели такое соотношение? Я про лодки.

– Даже больше. Стоимость раз в пятнадцать отличается. Там лобби изящно откаты отбывают.

– Так, получается, журналисты нам лапшу вешают? Когда кричат о кратном превосходстве? – Бочкарев закачал головой.

– Неграмотные журналисты на неграмотные уши. А наши политологи – или слабоваты, или сачкуют – смотрел на одного депутата как-то – трясется как кобель на помойке: ни нашим ни нашим и всё лозунгами. А ведь заметь, – Самсонов кивнул за спину, – раз в год, по любому, министра или пару губернаторов сажают. А других – что не тянули, а топили – пересаживают повыше. С ними что ли вперед-то? Им до наших рассуждений... – он махнул рукой, – в мягких-то креслах. Помнишь? Государственное мышление – это не способность решать задачи, а способность ставить сверхзадачи. Но для этого нужно в народ верить, что решит их. Где взять такого премьера? Второго Столыпина? Забыл Путин великие слова: «незаменимые» все на кладбище! Такой прокол в кадровом вопросе! – Самсонов любовно повертел розоватый окорок птицы. – Нет, ты поглянь, прелесть какая! – и положил кусок обратно, явно пытаясь растянуть удовольствие.

– Ну да, – кивнул Бочкарев. – Вон, Сергею-то Королёву Сталин поверил. Тогда сто километров в час прибавка скорости была прорывом. А тот обещал землю за полтора часа облететь.

– И первый стратегический бомбардировщик Мясищев, по-моему, сделал за год и десять месяцев. От начала проектирования до взлета! Был приказ и вера, что смогут! Верили!

– Как и Николай I – Монферрану.

– Это кто? – Самсонов сдвинул брови.

– Архитектор. Только двое верили, что колонну на Дворцовой площади можно поднять и закрепить – в честь победы над Наполеоном. Шестьсот тонн... со времен египетских пирамид никому не поддавалась такая тяжесть! Послы заключали пари на огромные суммы, предвкусывая конфуз, злыдни. Государь от волнения так сжал ордена – кровь на ладони выступила! А колонна до сих пор стоит. Как и Россия. Ну, а потом... Королев «заполировал» понимание сверхзадачи. Образцово. Первыми в космос улетели.

– Ну, да. Только я больше тянусь к прикладным задачам современности.

– В аналитики тебе надо податься, Самсонов. Глядишь, ту самую нобелевку и оторвешь за разнообразие подходов. В столицу переедешь.

– Откажусь! Так и запиши! Ее сейчас дают за другое. Вон, Абама весь мир в бойню свалил, так ему – пожалуйста. А в столицу не хочу – шумно. Эх! – он махнул рукой и снова потянулся за окороком. – Я тебе больше скажу! – Похвала раззадорила. – Даже не это сегодня главное. Какие «институты»! Какие стандарты! Пасует закон Адама Смита – краеугольный камень капитализма! Спрос перестал рождать предложение! Теряется смысл самого термина «денежный эквивалент»! Все знают, что рубль за десять лет обесценился в два раза, а что доллар, вдумайся!... за сорок – в двадцать раз – никто! Зато долги – катастрофа! У всех. У Англии, Франции и прочих из той системы! И что дальше?.. – лететь в тот колодец с ними? Мир меняется так стремительно, что нужны новые люди, молодежь с невероятно новыми идеями! А мы, как и десять лет назад: Модильяни, Модильяни!

Самсонов буквально впился зубами в дичину. Виктор сделал то же самое. «Охи» и качание головами продолжались около минуты.

– Кто скажет об этом президенту? – продолжая жевать, буркнул Самсонов. – Стороннику стабильности? Стабильность, какую мы понимаем под кадрами сегодня – смертельна! Нужна

новая парадигма развития общества. Другой камень в основание. Надо строить альтернативу обществу «потребления»! Нам не нужна ни модель, ни демократия в понимании Запада, ни права человека. Нам нужен сам человек!

– Эко тебя занесло! На демократию замахнулся!

– А на здоровье! – тот опрокинул в рот коньяк. Секундная тишина родила возглас:

– Ну, хорош, зараза! Хоть и оттуда.

– А им что? Не нужен? Человек? – Бочкарев потянулся к чайнику.

– Я тебе вот что скажу, – Самсонов был погружен в свои мысли. – Понимание этой самой демократии даже в Европе так разнолико, что как-то язык уж не поворачивается называть ею так. А в Америке-то демократии уж точно нет – демократят всех и давно. Снизу – там шаг влево, шаг вправо – минимум четвертак. Половина приговоров! Гасят сразу. А что хочешь? – удивленный взгляд не остановил, – первое место в мире по числу заключенных на душу населения! Андрюха вычитал. Тюрма народов! Второе знамя у нас вырвали.

– А первое?

– Когда война в Чечне была, мы чуть было не стали главным врагом ислама в мире. Ополчились на Россию... подумать страшно, во что вылиться могло. Да Буш-младший сдуру в Ирак с танками полез – за папашу обидно стало – того портрет перед дворцом в Багдаде выложили и ходили по нему, мол не велика птица. Вот Буш и выдал пробирку с водой за отраву. Да не где-нибудь – а в ООН! Мол, химическое оружие производят! Лажанулись амеры лет на пятьдесят вперед. Все им припоминать будут обман. Андрюха вспоминал зять-то, с председателем как их... писателей – напились по тому поводу – знамя врагов ислама передаем! Типа «флаг вам в руки»!

– Пряма так – напились?

– Ну, выпили. Я не по нам примеряю. А погибших амеры, представь, на пляже Санта-Моники схоронили! Там гулянка всякая, дискотеки, а они... тьфу! Вот с тех пор на ближнем Востоке и нет мира. А мы отскочили... из врагов-то.

– А про демократию... снизу там шаг вправо... а наверху?

– А наверху... да разбазарили выборность – человек у них настолько слабо вовлечен в управление, что стыдно даже ссылаться на «демос». Неудобному «Уолл-стриту» кандидату, пусть даже в президенты – дело сошьют так лихо, что наши черепахами покажутся! Вспомни Трампа – читать, старик, надо ихние газеты! Да и народ там напрямую за президента спокон века не голосует!

– А ты что? Язык выучил?

– Есть такой сайт «иносми» – там в переводах, – парировал Самсонов, любовно разглядывая бутылку. – Избирают пара сотен каких-то выборщиков. А в Англии? Куча кресел в парламенте до сих пор передается по наследству! Я уж не говорю о «пожизненных» местах. А избранного депутата не имеют права отозвать! Задвинет вискаря, выйдет и плюнет тебе в лицо... еще и посмеется над твоей наивностью. Гниль на каждом шагу, только копни! А попробуй внедри такую систему в России – тут же найдут за что другое топтать и куда гадить! А те, кто хвалит западную демократию, у нас либо недоумки, либо хуже – предатели. Всё понимают, но лгут. Нагло, блин. Детей сбивают с толку. Алчны суки до денег – в посольства бегают получать. Тьфу!

– Но ведь когда-то система работала?

– Нет системы, пойми. Говорю – всяк по-разному эту девку пользуется. То, что на западе называют сегодня демократией – это механизм регулирования восхода солнца. А оно и так взойдет!

– Сильно сказал!

– Не я – один известный цыганский экономист.

Оба рассеялись.

– Нет, ты все-таки почитай, почитай статейки – да по авторам плачет широкофузеляжный дурдом! Других к журналистике не подпускают. Морочат, что во всем виновата Кремлевская пропаганда! Мол, только и твердит народу об угрозе запада, штампуя «патриотов». А я так скажу – никакой пропаганды Кремля и не надо... достаточно почитать их статьи о России. Лютая ненависть. Читаешь и... становишься патриотом. Крепким таким... закаленным! И навсегда! – Самсонов, довольный каламбуром, дважды ударил кулаком по столу.

– Ты про сайт?

– Ну, да. А у самих-то проблем выше крыши. Помнишь, Андрюха рассказывал, как тесть в Америке побывал? Белые ненавидят негров, негры – белых.

– Что-то припоминаю...

– И не только в Америке. Недавно прочел в «American Thinker», что один черный студент Кембриджского университета недавно заявил, что «все белые люди – расисты». Причем сам он – председатель общества «черные и какие-то там меньшинства». Еще и уточнил: «причем все они расисты – белые мужчины, белые женщины, белые дети и прочие». Как тебе успехи толерантности? И это в Кембридже! А колыхнись экономика, цены – все друг дружку перережут!

– Слушай, – Виктор махнул рукой – тема его не интересовала, – а вот к демократии... возможность выбора... вроде как столп?

– А тот же цыган добавлял: сегодня это возможность выбора между двух одинаковых! – и Самсонов театрально развел в стороны руки. – Хочешь – левую, хочешь правую. Без разницы. Вот какой выбор вам разрешат иметь в их «демократиях». А если zahахнешься на реальные права – прихлопнут сразу! Двадцать пять лет как минимум, говорю же! Только за попытку. Ты погодь немного – начнут садить за шпионство на пять разведок... Трампа же в подобном чуть не обвинили. Сталина переплюнут!

Виктор снисходительно усмехнулся, а Самсонов продолжил:

– Пойми, демократия сегодня – это свобода демагогии и популизма. Проще говоря – свобода обманывать народ. Лишь бы не бурлил. И к нам пролезла – вон сколько разинувших рты! Молодежь кроме блокбастеров ничего не видела, пустые места в мозгах и шпигуют – мол, всё у нас плохо, а у них разлюли-малина! Короче, демократия это пустышка в услужении капитала. Как и писал немец Маркс. Мы-то, дурачье, думали, что запад ненавидит коммунистов, оказалось – Россию.

– Ты уже говорил.

– А! – Самсонов махнул рукой. – Коняк! Думали запад хочет демократии в Ираке, и мир простил бесстыдную ложь Америки. Миром! Всем миром... почти. Оказалось, нужна только нефть. Как и тридцать и пятьдесят лет назад. Заметь, именно «демократы» первыми применили ядерное оружие на планете! Причем когда им ничего уже не угрожало! А в нынешнем веке понесли демократию на Ближний Восток – повергли в хаос на десятилетия кучу стран, утопив Европу в потоках беженцев. А сколько поубивали! Неся-то!

– Добавь: но обвинили Россию.

– Ну, это как-то само собой уже. Не обсуждается. Да, и не забудь – именно демократия привела Гитлера к власти.

– Как и Древнюю Грецию погубила. Колыбель-то свою.

– Вот точно такой процесс мы и наблюдаем сегодня в Европе. Давай-ка, за Рассею!

– От Волги до Енисея?

– Точно. Да ты не допил! Халтуришь?! – притворно возмутился Самсонов и кивнул на стакан. Однако тут же примирительно добавил: – Хитрец! А может западный товар поперек глотки? – и щелкнул пальцем по этикетке. – Ладно, у меня-то демократия. Не можешь – поможем, не хочешь – заставим. – Он, хихикнув, плеснул себе немного коньяка.

На всё ушла минута.

– Так вот, – желая закончить мысль, продолжил Самсонов, – если мы действительно дом народов и религий, где всем уютно, если не для «порядка» захаживает Путин в храм, нужно декларировать другой путь, повторю – альтернативный обществу потребления! С другим эквивалентом, мерами измерения и стандартами! Открыто заявлять, что путь есть! Как и другая цель. Вот это и будет государственное мышление!

– А им, что? Человек не нужен? – повторил Бочкарев, удивленный «книжностью» монолога, хотя знал – памятью Самсонова восхищались даже недруги.

– Еще бы! Свои люди нужны им «позарез». А как же! Недавно читал статью на тему. Примат индивидуализма, а не индивидуальности, у них долго шел к предательству обладателя того самого индивидуализма. И оно началось.

Самсонов запрокинул голову, вспоминая.

– О! Примерно так: «Человек предается темпами неслыханными! Это у них церкви сдаются в аренду, а понимание души проповедует Люк Бессон.²⁰ Ювенальная юстиция торжествует в самой искореженной форме! Все подается только в форме товара – отношения, выборность, даже ложь. На все есть цена! Дай срок, и дети станут им товаром. Атеизм, сбросив маску учености, обнажил оскал и требует платы. Только в одной Франции за десять лет число самоубийств возросло на триста процентов! Да разве будет предел в сочинении «новых» заповедей?! Результат, отвоеванный атеизмом, потрясает! Он пойдет на всё ради своего приятия «общечеловеческих» ценностей – безудержного «потребления» удовольствий! Ими подменяют совесть, сострадание, доброту, которая чудом присутствует еще в мире. Призывы «осчастливить» какой-нибудь народ, освободить, неизменно подменяют бомбами и штыками за его же нефть и газ или хлебные нивы. Под фанфары Ренессанса вседозволенности, попраения и бесовщины объявят «законом» самые незаконные свои преступления! Тоталерантность восторжествует окончательно. Задавят и нас. Спим. Спим. Спим.

Самсонов опустил голову и, видя изумленные глаза друга, смущенно почесал лоб:

– Так и сказано. Три раза. А мы, мол, снова только и бубним: ах, Модильяни, Модильяни. А он был просто алкоголик. Хошь не хошь такие рожи будешь рисовать. Будь русским – как-то оправдался бы, а так... – и махнул рукой, – да ну его.

– Н-да-а. Жизнь не устает удивлять, – Бочкарев восхищенно покачал головой. – А у меня все прочитанное вылетает. А дальше? Что написано?

– Там еще... что у них не было и не могло быть Толстого. Что никогда не поймут Достоевского, а если говорят противное – не верьте. О протестантской деловой этике – «вымела» всё, подменила заповеди. А у католиков остались только символы... да много чего. Кстати, в тему. Людка как-то процитировала любопытное утверждение: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его».

– А почему в тему?

– Так детей-то отбирают, если наказываешь! Ювеналы.

– А цитата откуда?

– То ж самое главное! Из Библии!

– Знаешь, Самсонов, разнообразие твоих интересов впечатляет. А монолог точно на «Золотую маску» тянет! Раз их премии не к лицу.

– Нет уж. От маски и оскала избавь, а что до разнообразия... так это естественное, первородное состояние всего.

– Ага? – в глазах Бочкарева загорелись искорки плутовства. От разговора он получил сегодня, что хотел.

– Да возьми любую категорию, скажем, ложь, – тот не заметил «крючка».

Виктор притворно поднял брови.

²⁰ Люк Бессон – французский кинорежиссер.

– Не будь у нее многообразия, фантазия бы умерла. Не появилось бы и фантастики как жанра. А мечты? – Самсонов цокнул языком. – Вот и усомнись в расхожем понятии, будто обман – плохо.

– Вирази у тебя, старичок... – собеседник опять согласно кивнул. – Или Людку цитируешь?

– Обижаешь!

– Да ладно, ладно...

– Потому и никакая однополярность в мире не уживется! Экстраполируй!.. твою дивизию! – Самсонов, довольный удачным обобщением, гордо заулыбался. – Как тебе доказательство заката Америки? Новый век, брат. Угасание полюса протестантской этики! Пятьсот лет, пора! А мы – свидетели великого перелома! Расцвета других полюсов. Как говорил Ленин, «в интересное время живем, товарищи»! И каждый полюс отдаст миру то, чем владеет – свою уникальность. А замók... огро-о-о-мный замок на эпоху «глуподумов» и «сердцеглухов» повесят Россия!

– Слушай, а ислам?

– А что? Люди-то одни и те же. Вон, Магомед сам читал Библию! Иначе, откуда в Коране имена пророков из неё? Он ведь написан был через полторы тысячи лет после Моисея – о нем первом там и сказано. И все пророки почитаются мусульманами. У нас Адам и Ева – у них Адам и Хавва, Моисей – Муса, Иисус – Иса. А история изгнания парочки с небес расходится только в деталях. Короче, как не крути – Бог-то один.

– Ну, ты начитался! Когда успел подзабить головушку? Я про Коран вообще ничего не знаю.

Самсонов картинно приосанился:

– А Магомет, между прочим, завещал, чтобы все религии соревновались в добрых делах, а не подрывали бомбы на площадях.

– А памятники Пальмиры? Если пророки те же? Зачем порушили?

– То не мусульмане. У нас таких же «христиан» полно – глянь хотя бы на ту же Америку. И те, и те верой только прикрываются. А последняя, по-моему уже и плюнула.

– Что мне в тебе нравится, дружище, – Виктор не переставал восхищаться, – можешь удивить! Вот так легко и походя.

– А то! – сосед поиграл перочинным ножом, привстал и хищно склонился над столом, выбирая кусок мяса.

Бочкарев последовал примеру:

– Ну, давай по крылышку... м-м-м! Хрустит-то как! – он застонал. – Сдается мне, не осилим глухаря, ишь, нажировал как. Одно слово – осень.

– Куда он денется! Еще на завтрак останется холодненького с чайком. – Самсонов отрезал кусок и артистично втянул носом воздух. – Чудо! Ну, скажи, в какой-нибудь Москве такое удовольствие можно получить? С дымком и костерком? Дичина свежайшая! А ты мне – в столицу переедешь! Я уж молчу про Европу – одни стриженные газоны да вылизанные под ноль сосняки. Тьфу! Ни за какие деньги, – добавил он, присаживаясь. – Во всём искусственность, даже в улыбках. Самим-то надоело... пытаются вернуть первозданность – буреломы в лесах устраивают! Во, докатились в обмане-то. Знаешь про калибровку фруктов?

– Бананы? Меньше пятнадцати сантиметров к ввозу не допускаются?

– Ну, примерно. Целую индустрию оборудования для этого создали. А теперь вспомни лозунг: «Всё лучшее – детям»!

– Ну?

– Своим. Исключительно своим детям. Чисто по-европейски... остальное – Африке и латиносам. – Самсонов снова аппетитно зажевал, покачивая головой: – Вкуснота! Хорошему куску и рот радуется! Где ты увидел здесь жир? Никакого холестерина!

– Он, кстати, полезен, – возразил Виктор. – Чем выше, тем сильнее иммунитет клетки – рака не будет.

– А как же все эти разговоры и страхи? Мол, на стенках сосудов?

– Отлагается не от жирной пищи, а от сбоя механизма утилизации холестерина на генном уровне, – многозначительно уточнил собеседник.

– А ну, повтори! – Самсонов даже открыл рот.

– Британский конгресс кардиологов.

– Значит... диеты – обман?

– Заблуждение. Если такой сбой имеет место – холестерин из простого хлеба отлбжится.

– М-м-м... – собеседник покачал головой. – Тогда понятно, отчего хохлы и немцы на свинину налегают и не бусуют – живут, дай бог всякому. Нужно Людку просветить.

– Бесплезно, – Виктор положил на тарелку обглоданную кость. – Женщины живут рекламой. А она стоит на догмах. А поменять их не дадут деньги и прибыль.

– Соглашусь.

И оба засмеялись, понимая смысл сказанного.

– А знаешь, ничего не выйдет у Европы с Украиной, – вдруг переменял тему Самсонов.

– Так втянули... уже.

– Я не о том. Россия одна считала Украину равной. Хотя у нас три космодрома и четвертая экономика мира. Э... да что там! – он махнул рукой. – Братьями были тыщу лет! Никогда не получают от Европы подобного. Уж если поляки там водопроводчиками пащут, что говорить о потомках Тараса Бульбы. Да и всех восточных...

– Поляки? К нам неравнодушны – вознамерились получать политически правильный, демократический газ из штатов. Только за германские деньги, как обычно. «Затявкаем до смерти»! – цель, идея и смысл жизни. Сначала нас, а там и за немецкий сапог возьмется.

– Кто подметил?

– Куприн.

– А-а-а... вместе с аглицким бульдожкой, – Самсонов улыбнулся. – Англосаксы нашу победу во Второй мировой присвоили, так мало, скоро будут уверять, что ходить и слышать людей научили они. Короче, «Газпром» в «Зените»!²¹

– Хорошо сказал!

– Хорошо обоим! Кстати, да и сами немцы существованием нации обязаны России.

– Это как?

– Ты же не журналюга какой, а научный работник! Ну, победи Германия, Америке что бы оставалось? Атомными бомбами, как градом, забросать все Баварии да Саксонии. Весь третий рейх! Заодно отравили бы Одер, Эльбу, что там еще... Дунай – он по десяти странам течет! Немцы же и Париж оккупировали, и Марсель – а вокруг полно своих рек. И «бургунскому» кирдык. Думаешь, не сровняли бы с землей как Гамбург? Я бы поучительными фотографиями города в сорок пятом алкашей лечил – огненные смерчи от бомбежек буквально засасывали людей. Страшно смотреть. Сразу пить бросишь. Или Дрезден... город-музей, европейская Пальмира! Историки пишут – невосполнимая потеря для мировой культуры. Военного значения не имел... больше ста тысяч погибших за один авианалет! А гражданские – почти все старики да женщины с детьми. Вот так Европу знакомили с командой: «К ноге»! Ну, не двадцать же миллионов класть за старушку? Вместо нас. Имея атомную бомбу.

– Логично.

– А в нашем веке Германия попыталась сделать то, чего не удалось Гитлеру танками и зондеркомандами – каждому до Урала указать место да грохнуть местную промышленность у соседей, чтоб не вякали уже никогда – как в Польше, Финляндии, Греции... даже Италию

²¹ «Зенит» – футбольный клуб из Санкт Петербурга.

зацепили. Про «Болгарию» вообще молчу. А бедная Украина всего лишь спица в том большом колесе – зерновой вассал. Пытались и нас туда же, да на Путина напоролись.

– Дороговато, говорят, обошелся Крым-то казне.

– Дурачина. Кто меряет Крым на деньги и приценивается к сумме, за которую сдал бы тамошних русских – и к Сахалину приценивается, и к «Владику». А там и до Байкала недалеко – за двадцать процентов мировых запасов пресной воды знаешь, сколько отвалят? У таких Иуд всему есть цена. В монетах. А у меня ее нет, потому как под Севастополем на метр косточки дедов лежат... вместо чернозема. Как и на Волге. – Самсонов ударил кулаком в ладонь: – Лев Толстой и Юрий Бондарев. Не «путинцы», не обвинить – писали как было. Что до ублюдков, прикидывающих, почем родину на торги выставить... их по миру равномерно раскидало. Вон, та же Украина за три года продала внуков в рабство лет на пятьдесят... – и в ответ на удивленный взгляд Бочкарева пояснил: – долгов как за предыдущие четверть века нахапали! Из Союза-то чистенькие ушли – Россия на себя взяла внешний долг СССР!

– Я не знал... – Бочкарев сокрушенно покачал головой.

– Вот Польша, та торговалась десять лет за условия вступления в Евросоюз – тридцать два миллиарда ежегодной дотации выторговала! Дотации! Янукович просил больше – страна-то крупнее. А ему только семнадцать обещали. Я помню, по телевизору смотрел, как он вышел с переговоров и зло так бросил: «Я на полусогнутых в Европу не пойду»! Ну, его скинули и забыли про обещанные дотации – теперь кредиты! Только в кабалу! Да и те разворовали. А «безвиз» ему, или кто там был бы после него – Янукович ведь назначил выборы через пять месяцев, и так дали бы. Теперь без Донбасса и Крыма. За последний, конечно, майдану спасибо. Грех, не ценить глуподумов.

– Чем хуже – тем лучше? Мао Цзе-Дун?

– Зря смеешься – умопотрясающая цитата. Но к теме. Вот как народ разберется, что потерял и за кого их дети под пули шли – воры поменяют окончание фамилий на «off» и рванут во Флориду. Как тебе – «Порошенкофф»? А? – он подмигнул другу. – Столько раз уже проходили!

– Ну, ты какую-то грустную картину нарисовал.

– Эт ты прав! Грустную. Но попомни – лет через двадцать, граница наша по Днестру пройдет, а долги опять Россия погасит, – Самсонов поднял лоснящийся от жира палец: – Но! И даже это не помешает нам выпить!

Бочкарев, еле сдерживая смех, разлил остатки коньяка:

– Пьем, пока родина спит!

– А трезвеем анализом угроз!

Хохот становился «третьим» за таежным столом. Если бы его слышали, скажем, в «Госдепе» – несказанно удивились бы, насколько точно просторы сибирской тайги отражают широту души и познаний людей, населяющих великую страну. А разгульность придает силы и уверенность. Однако «искатели» приключений, за океаном, уже два столетия продолжали набивать шишки на лбу, вина во всем сибирские кедры.

– Вот так по-другому и нужно смотреть на вещи! А не хавать статейки прощелыг! – муж Людмилы довольно потер руки. Сытный ужин заканчивался. – А правда-то одна – дай мы слабину, Россию на куски разорвут да по прилавкам растащат. Попомни мое слово – отступные за те куски в мире найдутся. Такие деньги, что и нам трудно было бы устоять, чего уж про соседей гутарить, – он махнул рукой.

– Шельмуешь новую русскую оппозицию? – усмехнулся Виктор, догрызая крыло.

– Какая новая? – Самсонов сплюнул. – Все горлопаны России от самого Герцена заканчивали распродажей родины. Даже большевики не увернулись. У коммунистов хоть идея была – равенства. В цене путались. А про нынешних... так их учителя – Березовский да Гусинский... аж вспотели на расторговле.

– А Ходорковский?

– Этот цену выжидал... но лохонулся – не успел нефтянку «амерам» впарить. Грел бы брюхо на Гавайях, да жадность подвела – власти захотелось. Не допёр, что власть в России – что чугунок со щами: если уже готовы, можно руки пообжечь. Думал – остыли, бери голыми. Вроде нос всегда по ветру держал – после диплома сразу в комсомол подался. На партию работал от души – ни дня по специальности. А как Союз развалился – все, кто у какой-никакой власти оказался, загребали как могли.

– Руки, говоришь, обжечь? – Бочкарев хмыкнул.

– А то и на себя пролить, ошпариться. Путин же сказал: иных уж нет, а те – далече. Из того «далече» до гробовой доски гадить родине будут – жизнь-то... не удалась! – Самсонов снова рассмеялся. – Это ж не их дети, а донецкие в садиках поют: «Вставай, Донбасс, Россия-мать с тобою»!

– Где слышал?

– В инете запись гуляет. Есть такая Ирина Белокоп – журналистка донецкая. Из уцелевших. Каратели ведь журналистов выщелкивали целевым. Причем, не только на линии фронта. Жуткие репортажи делала... не для слабаков, – он замолк.

– Да, что-то слышал...

– А в песню, – Самсонов неожиданно стукнул кулаком по столу, – я бы добавил: «Вставай, Донбасс, Одесса, Николаев...». И попомни, встанут... денег у России на две Европы хватит, а уж Донбасс на крыло точно поставим. Во мне все перевернулось... как каратели по школам ударными минометами стали бить. Сто двадцать два миллиметра – это не хухры-мухры. Детей убитых не прошу. В Крыму вообще бы жарили на вертелах. У бандеровцев опыт по части семейных казней большой – поляков во время войны семьями живьем закапывали. Так что поставим, поставим... Давай-ка за героев нашего времени по полной... Захарченко тот же... откуда? Через шестьдесят лет после войны?! Ожирели ведь до одури! Авто, Хургады, лобстеры всякие, твою дивизию!.. всякие. Не-е-ет, Донбасс – страна героев!

– Но!.. как ты правильно заметил... – Бочкарев хитро смотрел на друга. – И даже это не помешает нам выпить!

– Не... тост на негатив, типа, какие бы нам палки ни вставляли... вот тогда...

– Ну, давай за родину. Вон, в Иркутской области пять Франций уместится! – нашелся Бочкарев.

– По-моему, три... мы не Красноярский край, тормози! Хотя... и Америку уместим! Вон, сколько леса неповаленного стоит! Пусть сунутся, как говорил Глеб Жеглов, топор каждому в руки найдем! – пьяный смех Самсонова провожал теперь каждую фразу.

– Он говорил «кайло».

– Кайло, так кайло... по-моему, дождь пошел. Ну, будем! – он потянулся к бутылке. – Да уже ничего нет! Вот, зараза...

– Может, хорош уже... – Виктор блаженно вытянулся на нарах у стола.

В минутной тишине барабанная дробь по крыше напомнила друзьям, что не только люди, которые приходили сюда до них, искали, строили, добывали, но и дождь, ветер, тайга, вся природа была с ними в эти минуты. Говоря о себе. И здесь, в избушке – треском огня в печи, старыми газетами, банками, мхом меж теса по углам, и там, за дверью – шелестом и шумом заявляя свои права на частичку памяти. Разума и суда.

Самсонов потянулся было за хлебом, но тут обрывок пожелтевшего листа, торчавший из-под кастрюли, недовольно зашуршал, задетый рукавом. Он вытянул его, пробежал глазами и вслух прочел:

«1914 год. 1-й кавказский полк шел в авангарде к Тапаризскому перевалу. Всю ночь саперы «рубил» снежный проход в горах. Утром сотни двинулись по нему, словно по каналу, в котором казаков... не было видно на уровне его берегов. Горная батарея перешла на выюки.

Лошади проваливались по брюхо в снег и, не доставая до земли, падали на бок, валили пушки и были совершенно беспомощны... Ночь провели кошмарно – в холоде и голоде. Наутро ударил мороз. Нет ни сена для лошадей, ни топлива для варки чая. Оставив позади снеговой хребет, полк свалился в долину Аббага и потонул в мягкой сочной траве по животы лошадей... Рядом армянское село с церковью, где навалены трупы женщин и детей, зарезанных в ней же турками. Картина страшная».

– Ничего себе! «Одиссея казачьего офицера». «Записки полковника казачьего войска в девяти брошюрах-тетрадах». Откуда это здесь?!

– Ну-ка... – Бочкарев сел и протянул руку. Пробежал глазами строки. – Да... были люди... забытые герои, потерянные победы. Читал я о той войне. В шестнадцатом казачки взяли Эрзерум в третий раз за сто лет и Трапезунд – сейчас курорт Трөбзон в Турции напротив Крыма. Представляешь, куда дошли. Причем, не взяли, а вернули. «Московский листок» тогда писал, мол, теперь надемся, уж навсегда – не уйдем, не дадим армян резать. Еще там про терского казака было, офицера лейб-гвардии, по моему, как тот первым ворвался в город и был представлен к «Георгию», но отказался, мол, турки уже не сопротивлялись. Единственный случай отказа от креста «кавалера», между прочим, – он повертел лист. – Да-а-а... как попал сюда?

– Да внук чей-нибудь припрятал в тяжелые времена... видать дневник-то забрали недавно, а лист вывалился. Я-то вообще про кавказскую компанию ничего не слышал. Первая мировая, понятно, как повелось – с немцами.

– Турки были союзниками Германии, – назидательно заметил Бочкарев.

– Ничё не читал, – Самсонов помотал головой.

– А Юденич Николай Николаевич командовал кавказским фронтом. Большевикам и в кошмарном сне не могло привидеться, что память о нем сохранится. Они ведь и сдали Эрзерум вместе с пол-Россией по Брестскому договору. Кто ж позорные страницы будет афишировать?

– Да-а-а, была страна. Держава! – брови Самсонова поднялись.

– Потом все эти казачки в Европе джигитовкой зарабатывали, – с досадой произнес Виктор.

– А моя бабушка, помню, всё повторяла: лишь бы не было войны.

– И у меня мать.

– Как-то смотрел передачу... там сын Юрия Никулина, прошедшего со своей пушкой от «финской» до парада победы всю «отечественную», вспоминает, что тема войны была для отца запретной. А почему?

– Неприятно, наверное, – Бочкарев пожал плечами.

– Думаю, всё не так просто. Любая война грязная с обеих сторон. Бесчеловечным, жестоким становится каждый. Хотя бы раз. В какой-то момент тебя вроде как «пробуют» на человечность – поддашься или нет. Останется что, или пойдет прахом, переступишь.

– А освободительная, «народная» война?

– Не... никакой «священной» войны быть не может. Даже в «патриотизме» полно зла и мерзости... допинг своего рода. А в наградах – обман.

– Ты уж в крайности не впадай, – перебил спутник. – Патриотизм, награды...

– Э, брат сложная категория. Наитруднейшая. А что, «нацики» в Украине не патриоты? Ты им об этом скажи. Статью одну читал – там автор убежден, что всякое частное проявление патриотизма неизбежно ведет к завышению личной самооценки, а коллективное – нации. Целых три страницы посвятил! Но финал – Нюрнбергский трибунал! Рано или поздно.

– А христианство ратный подвиг одобряет!

– Ты постой, постой, это другое... а вот о книге – там герой размышлял, размышлял, да складно так, убедительно, а потом как брякнет о патриотизме, я даже запомнил: «Его могилу я разрыл по пояс, и, обалдев, почувствовал – себе». Во как!

Бочкарев махнул рукой:

– Брось!

– Да я шучу... не так там. «Свой жизни путь пройдя до половины, я обернулся и... остолбенел!»

– Ты про награды начал, чем не угодили?

– Однажды в бане был разговор с ветераном – старый дед без одной ноги, а крепок, говорит мне уже в раздевалке: встать не могу, так напарился, мол, четвертую ходку сделал. Он в сорок втором лейтенантом попал на фронт, неделю взводным и сразу ротным стал.

– Война косила командиров, обычное дело.

– Да ты постой. Говорил, основная работа – поднять в атаку. Редко, когда сами вставали. Чуешь? – Самсонов замолк, что-то вспоминая. – К чему это я? А, вот – когда старик про четвертый-то раз в парную огорошил, в его-то годы!.. я возьми да брякни, мол, на звание «героя» тянет. Он помолчал и говорит: «Железки всё это, побрякушки. В молодости гордился, если куда идти – надевал, а теперь...» – и махнул рукой. Ты понял?!

Самсонов смотрел Виктору в глаза, ожидая реакции.

– Что понял? – не сообразил тот.

– Какая переоценка! Взгляда на орденишки-то! На войну. Потому как грязное дело. Не медали важны, а «марание души» цепляет, трагедия. Гнетет. Никулин-то это и понимал – не мог говорить о ней. А мы – не хотел, не хотел.

– ???

– Марание, марание. Каждому воину пришлось. Мы на гражданке-то через одного... – он осекся.

– Да-а-а, – протянул Бочкарев. – До сих пор смотрю его фильмы с удовольствием.

– Между прочим, церковь с давних времен советовала воинству год не причащаться после ратных дел. А тогда в душе толк знали! – Самсонов подвигал по столу алюминиевую тарелку. – Убийство оно и есть убийство. Грех. Я вот думаю – неужели девяносто лет надо прожить, чтобы войну понять. А за наградами и без войны лес рук тянется, ты в телевизор глянь! И ведь гордятся!

– Выходит, слово лишнее? В языке-то? – Бочкарев усмехнулся. – Награда.

– Выходит, бой не тот.

– Чего? А какой еще есть?

– Да тот, который всю жизнь ведешь... Думаешь, солдаты потом просто так к вере-то приходят? Путь им такой положен, видать. Самый тяжелый. Крест такой нести, не дай бог кому... – Самсонов вдруг опустил глаза и стал тереть пальцем закопченную тёсину стола. – За другой наградой приходят – остаться живым... и не в бою на земле, а на небе... по-настоящему.

– Ну, ты дал!.. – Бочкарев в который раз с восхищением посмотрел на него. – Людка? Выкрутился!! Колись!

Тот смущенно улыбался.

– Не, Витька, не выкручивался я.

– Да ладно, все верно – сколько народу положили... – друг повертел в руках пустой стакан, разглядывая. – А все-таки подобие справедливости построили. Даже после всего. Мне батя рассказывал, когда учился на энергетическом, одной стипендии хватало, чтобы жить. У них в общежитии парень был, Климом звали, даже фамилию помню, Агалаков – запомнилась по необычности. Из деревни, многодетная семья... родители денег не присылали, так он в общий котел стипендию отдавал... хватало еще и на ресторан! Раз в месяц. Так что, катаклизмы катаклизмами, а кривая всегда выводила на империю! Помнишь? За что русские ни возьмутся – всё выходит автомат Калашникова!

Оба снова рассмеялись. Настроение вернулось.

– Так и лечили бесплатно.

– Да лечили-то так себе.

– Не скажи, – Виктор покачал головой. – Здесь в компании медиков гулял – там одна пара из Америки вернулась. Он гражданство даже получил, пенсию заработал – лет двадцать там сидели. Такое порассказывали! Знакомая родила – ей счет на тридцать тысяч зеленых пришел. Сейчас рожать в Москву летают. Бесплатно ведь! Я уж молчу про аппендикс какой или чего посерьезнее – пиши пропало. В кабалу пожизненно. А у нас – бесплатно. И вообще, если страховка дешевая – выкатят на коляске из больницы прямо на улицу и всё! А до пенсии дожить еще надо – женщины в шестьдесят семь уходят. А у Галки мать – в пятьдесят. Ну, по северному стажу, как здесь.

– Мож, роды сложные были? – равнодушно заметил Самсонов, жуя. Что-то мешало вниманию.

– Так пара из «цирковых», в «Дю-солей» работали, слышал.

– Еще бы!

– Парень «Лесгафта» в Питере окончил – гимнаст. Так вот, жена лет пять назад бедро сильно ударила на манеже, да сама, слышь, сама в «скорую» пришла. Там снимок сделали и кровь взяли – все в порядке, говорят, можете работать. А через неделю – пять тысяч счет выставили! Моя зарплата за восемь месяцев работы! Я спросил, сколько же аппендицит будет стоить? Тысяч десять, говорит. И живут простые амеры-то – от зарплат до зарплат да правительство ругают. Не напоминает чего?

– Как у нас.

– Как во всем мире!

– Так у них там что, обязательной медстраховки нет? Как наша? А если впрямь аппендицит?

– И никогда не было! Сам покупаешь страховку и платишь каждый месяц под тысячу, если не в «Дженерал Моторс» пристроился. Это как наш «Газпром».

– А вдруг язва там или посерьезней чего?

– Если работаешь в банке, причем на высокой должности или в крупной корпорации – страховка покроет. Если простым клерком – пожизненно будешь расплачиваться! Да что медицина! У них знакомая дома лишилась. Пожилая женщина. Тридцать лет назад взяли с мужем в кредит. Потом развелись, и она сама платила проценты – четыре месяца оставалось, считай, три дома выплатила. А здесь кризис, работу теряет. Платить перестала – влет отобрали. В один день! Сейчас живет в социальной «однушке». А сам парень – муж, как-то проблемы с позвоночником заимел – выгнали с работы сразу! Теперь вернулись в Севастополь – сам-то оттуда. Дом будут строить.

– Веселая история. – Самсонов озабоченно почесал щеку, глядя на бутылку. – Да... быстро коньяк закончился. Жаль на него страховки нет.

– Нам Путин все повторяет – строим социальное государство. Да мимо ушей проскакивает... никто не задумывается, что мы одни и строим. И те, кто хвалит запад – сразу рот на замок обо всем этом. Оттого из тренажерных залов там не вылезают – болеть нельзя! И авто водят – ни-ни. Пожизненно в кабалу!

– Чего ж они не бегут оттуда?

– Тоже спросил. В кредитах все, как в паутине – за машину, телевизор, ипотека как доильный аппарат... да за все! Как сразу отдать? Говорю, живут от зарплат до зарплат. Если на врача выучился, не уедешь ни за что – лет двадцать расплачиваться с банком за диплом будешь. Дорогущее обучение. Ну, и сам прикинь – вот ты на Кубань или в Крым хотел бы из Сибири уехать? Хотел бы. А практически? Годами налаженное хозяйство, гараж, работа, дети пристроены тут же... квартиру продавать, ехать в неизвестность – как и что там сложится? Так же и они. Затягивает. Петля. Да и половина русских там в тюрьме сидит.

– Я говорил – первое место в мире по числу заключенных на душу населения.

– Еще и тюрьмы частные бывают!

– Частные?!

– Лет десять как закон приняли – теперь доходный бизнес! Заключение мобильники, электронику всякую собирают – прямой интерес наполнять камеры! Думаю, оттого и первый срок у них сразу большой, помнишь? Это у нас – трешник, да еще выпустят по половинке.

– Не знал.

– Та что в раю живем. Отпусков да праздников в два раза больше! Сердчишко прихватит – сразу в «скорую», и бесплатно.

– Да... была страна, – повторил Самсонов. – Оттуда всё и сохранилось... как звали, говоришь? Клим? Мало, что бесплатно учили, так еще и приплачивали, чтоб учился! Кое что и растеряли, выходит. Ну, хоть у нас сегодня чудо! М-м-м! – и облизал пальцы, – еще бы малость накатить...

Бочкарев вытер руки, встал и прошел к бушлату на стене.

– Во! Еще про собак вспомнил – будь они не ладны! – Самсонов поднял руку. – Лайки в Ванаваре тоже необычные, огромные. Видать, не пришлые – не завозили, как везде. Настоящие, сибирские.

– Тоже Серега рассказывал?

– Ну да. От староверов, видать, псы. Бродят по улицам, аж боязно с непривычки.

Виктор картинно повернулся – в руке отливала сталью маленькая фляжка.

Самсонов развел руками, лицо довольно расплылось в улыбке: Иллюзион! А как в тему!

– Может на свежем воздухе? Дождь вроде кончился.

– Пошли! – друг весело махнул рукой.

Россыпь огромных, не забитых светом города звезд, раскинулась по ночному небу. Бездна, не дыша, с интересом оглядывала двух людей, затерянных на просторах великой страны. Удивляясь им, как и стране, дерзнувшей когда-то поколебать веру, что скрывала в глубинах и сердцах. Позволяя людям рушить, топтать и предавать забвению, но заставляя и вспоминать. Возвращаться и строить. Потом снова топтать, и снова строить. Оставляя в тайне всякий раз, великий смысл той игры. Она будила в человеке разум, лечила его от помутнения лозунгами и площадями. Учила созидать. Созидать здесь, в России то, что мало интересует остальной мир, утянутый водоворотом разнузданности воли.

Бездна сохраняла на земле место – колыбель поразительной гармонии противоречий – добра и зла, желаний и результатов. Колыбель «загадочности русской души», о которой судачили в баварских кабачках и на берегах Темзы и которую не могли постигнуть далекие от этих просторов люди. Не было у них понимания удивительной щедрости рек, тайги и сопки на горизонтах, щедрости бескорыстия, которую оценивали только чеками и счетами. И подменялись в кабачках вера и память, и начала. И «хлебом единым» был сыт в них человек.

Россыпь мерцала, говоря и вздыхая.

Каждый из друзей думал о своем.

– Да-а-а, – наконец, протянул Бочкарев, – говорят, можно бесконечно смотреть на огонь и бегущую воду. Я бы добавил на звездное небо.

– Ну, я готов и на банкомат, непрерывно выдающий деньги! – засмеялся напарник, оправдывая свое место и роль не только в эти чудные мгновения, но и в жизни друга.

Всю эту историю Самсонов вспомнил, когда однажды утром, в воскресенье, побрившись, вышел из ванной. Тишина не удивила его – Людмила предупредила, что уйдет делать прическу, и странное чувство располагать собой как пожелаешь, пусть временно, недолго, тешило надеждой. Это было тем более уместно, что вернулся он вчера непростительно поздно. Более того – Самсонов поймал себя на этой мысли – было даже приятно побыть одному в тишине. Ведь мужчина, как и все люди, давно смирился с тревогами вокруг, которые лились с экранов, газет,

из виртуальных новостей. Но ради справедливости заметим, приятно ему было укрыться и от косых взглядов соседей, лицемерных улыбок, пожеланий доброго утра с лукавым прищуром. И потому даже легкая ностальгия по самому чувству свободы, оставленному в прошлом, когда был холостым, делала утро комфортным и спокойным.

«Удовольствие и временность», – подумал Самсонов и, подойдя к зеркалу трюмо, погладил подбородок. Отражение говорило одно: годы мои, годы. Хоть не летят еще, но пробуют встать на крыло. Локомотив набирает обороты. А может, сбрасывает? Он наклонился к столешнице. Баночка с изогнутым ярлыком будто улыбалась. И за что плата? Ну, сходил раз налево, ну, скребет. Да что ж поделать... все так. Прочь переживания!

Он натужено кашлянул. Однако не проходит. Н-д-а-а. За всё надо платить. И за всякое удовольствие тоже. Вот почему так? Перепил – похмелье. Перекупался – простыл. В любом удовольствии подвох. Может, чрезмерность? Много денег – боишься потерять. Приметишь чего – ан, у другого еще слаще, вкуснее и больше. А чем я хуже? И пошло-поехало... Там не был, того не пробовал... ищешь, хватаешь... но опять ускользает. Не то всё, не то. Мысль становилась навязчивой. А есть ли она? Чистая радость?

«Крем для лица» – прочитал Самсонов на баночке, поворачивая ее в руках. А здесь за что плата? – и ухмыльнулся, пробуя на палец «сливочное» содержимое.

Намеченное произошло секундой позже.

– Хм, крем, удовольствие и годы. Какова разнозначимость! Первый – жидкая субстанция, второе – лишь короткое, неизменно влекущее к себе чувство. И то, и другое убывает. А вот годы-то прибавляются. Однако все исчезнет одновременно – одно убывая, другое прибавляясь. Вот, парадокс. Он всмотрелся в слова на этикетке: «Способствует проникновению кислорода в клетки вашей кожи». И по склонности к анализу проворчал: «Где-то на такой же баночке я читал: «хороший антиоксидант». То есть – антикислород! Это же противоречие! Так препятствовать надо проникновению кислорода или способствовать?! Эх, неучи! Дурачите женщин! У них и так любимая реклама: «Тефаль» думает за вас!»! Самим надо думать! А как поймете – начнете выходить замуж! Не за положение или деньги, а за мужчин. Вот где-то там и тогда, исчезает плата за удовольствие И радость не покупная. Хм, неплохо, трезвеешь, дорогой.

Самсонов довольно подмигнул зеркалу.

– А какая плата сегодня? Может, на «стезю»? Опрокинуть? С утра? А свалить всё на «Тефаль»? Ах ты, поросенок!.. «Кот за двери – мыши в пляс» – слова Людмилы впечатали желание обратно.

Молодой человек недовольно одернул халат.

– Вот тебе и вечный спутник удовольствия! Пстой, рюмка? Спутник? Или «кот за дверь»? – Самсонов поморщился, всмотрелся в отражение, где левый глаз был правым и наоборот, понимая, что забрел мыслями не туда. «Вчерашнее» бесследно не прошло.

«Тик-так, тик-так»... – отозвалась секундная стрелка настенных часов, одобряя вывод.

Намедни они с Бочкаревым снова «гудели» в пивном баре, во дворах позади «драмтеатра». И снова он начал спьяну приставать к женщинам за столиком рядом. Нет, нет, без особых целей. Бочкарев, как всегда, пытался его урезонить, но соседки парой веселых шуток поддерживали порыв, а потом и вовсе пересели к ним. Остаток вечера уже Самсонов поражался способности друга – менять настроение, желания и «табу».

Финал же «праздника» был до удивления знаком всем любителям «оторваться». Но его, финала «знакомые» – оба «тысячеликих» пола неопределенного возраста – точно знали степень дозволенности и те слова оправдания, которые привычно разделяло снисходительное общество. Однако, ни первые, ни вторые так же «привычно» не видели и не хотели видеть поправление других планок и совсем иных степеней. Которые неизменно стучатся и требуют того же, видя снисхождение прежним. Как и случилось далеко-далеко от барных стоек Иркутска, на улицах соседней Украины, где «оторваться» решили покруче. Где стреляли и калечили, также

рассчитывая на оправдание и снисходительность. Называя все чаще и чаще могилы «массовыми захоронениями», декларируя «новые» степени дозволенности в деле попрания человечности.

Несчастье же, по мнению «столиков» по всему миру в этот вечер, заключалось в другом – соседям просто не посчастливилось урвать лишний кусок удовольствия, как сегодня им. А вовсе не в страданиях, которые и были результатом такого мнения. Которые уже когда-то и где-то приводили к печальному финалу. Снисходительному обществу претила память о неприятном. Оно не хотело понимать масштабов собственных захоронений, его размаха у привычных «стойких», в умах и «шалостях».

Однако вернемся к нашему персонажу. Ему, в отличие от миллионов, уже «подана рука». Супруг Людмилы уже не боится. Он симпатичен, не так ли? Потому коллега Бочкарева и получил звание «героя», правда, всего лишь романа, что, замечу, предпочтительнее, нежели от власти. Герой не должен страницам ничего. Помните слова пажа? «Если вы героиня романа, вам уже ничего не страшно». Герой же власти обязан последней. Герою в бою обязаны спасенные. Вы сообразили уже цепочку, да, пожалуй, цепь... а, может, оковы? Ведь обязанность – форма страха, чего и так хватает, скажем, Виктору. А потому давайте освободим и его, подарим «бесстрашие» – вот так, запросто, одной строкой. Но не сейчас, а где-нибудь... на набережной. В конце концов, согласитесь – друзья оба классные парни.

Итак, к зеркалу.

Самсонов, придя ночью, знал, что завтра жены не будет, и это преимущество использовал сполна. Сон был крепким. Утром, как мы уже видели, поразмышляв на отвлеченную тему, он слонялся по квартире в ожидании обеда, после которого Бочкарев с Галиной обещали разделить прогулку молодоженов к острову «Юности». Нет, нет, это не метафора – такой остров действительно существует не только в грезах каждого, но и в Иркутске, на Ангаре. Если же читателю таежный город покажется далеким – он ошибается. Этот город очень близок любому, как и размышления людей, живущих в нем.

Но что же Бочкарев? Друг Самсонова, напротив, ворочаясь всю ночь, так и не уснул, мучился. Таков уж был Виктор. Он никогда не планировал «финалов» и загулов – всё происходило само собой. Как никогда не отзывался на приглашения, если компания была незнакома. И терпел незнакомых, точнее незнакомок, только в ситуациях, подобных вчерашней.

Все усилия последние годы Виктор направил на комфортный быт – ясный и размеренный. А главное – предсказуемый. Сторонясь неожиданностей, но полагая, что от некоторых увернуться нельзя, терпел, страдая... как было замечено. Сам же не искал. Однако, жизнь, угадав слабость, поставляла неожиданности, уже не спрашивая.

Он понимал это, однако усилий «ограничить» и сторониться не оставлял. К примеру, Виктору были неприятны даже тень надменности в человеке, всего лишь намек на довольство положением или просто неискренность. Качества, склонные вертеть не столько хозяином, сколько компанией, ее настроением, навязывая выбор – ставить нарушителя на место или не замечать. А значит, портить вечер в любом случае.

Среди приятелей были люди разных манер и увлечений – в большинстве поклонники альпинизма: работяги с авиазавода, врачи, коллеги по холостяцкому обороту и даже пилот – всех объединяла любовь к вершинам. До самозабвения. Последнее Виктор не разделял. Но в упорстве и риске, свойственных большинству «альпинистов», Бочкарев находил особую привлекательность. К тому же импонировала немногословность людей такой породы, некое одиночество среди своих, что в избытке давали горы. Думаю, многие разделят столь полуинтимное чувство, узнавая себя. Что поделать, он нуждался и в этом.

Ведь Самсонов, к которому тянулся, которого по-своему любил, обладал совсем другими качествами, коими и восполнял «перерывы» после восхождений. Вы удивитесь, но качества те

казались чем-то сродни главному увлечению Виктора: «спуски» уже их с Самсоновым были тоже разного рода – крутые и не очень. Как и подъемы. Что, согласитесь, сближает.

«Крупняк» в команду не допускался по молчаливому согласию «клуба». И вообще, для тех, кого со временем покидает обычный человеческий облик, благовидный предлог становился «форс-мажором».

И все-таки при «осторожности» и умеренности Виктор «прокалывался». Как в «подборе», так и в личных поступках. Случалось это с завидной регулярностью. Делал иногда то, чего не хотел, затем, сожалея, впадал в хандру. Но с помощью коллеги забывал, гасил, приходил в себя. Оттого Самсонов и занимал особое положение. Муж Людмилы вызывал симпатию окружения простодушием. Этакая «нескрытность» друга объяснялась просто – скрывать было нечего, хамить не умел. Не завидовал и не хвалил, потому как получал удовольствие от малого, умея превратить «малое» в праздник. Был прост и понятен. Последствия же «приключений» всегда сглаживал юмором, столь нужным и полезным не только «после», но и вообще – в рутине дней кафедры, вечеров у телевизора и ворчания женщин. К тому же Самсонов умел так раскрасить мотивы собственного понимания жизни, что становилось легче всем – и расстроенному разговором с женой Байтемирову, и неудачнику Птицину, да и любому просто огорченному новостями или бессонницей. Природная же память и способность друга размышлять нравилась Бочкареву и подавно. Именно поэтому сейчас так не хватало Самсонова, поэтому и ждал встречи, где не останется один в неприятных мыслях «тяжелого» мужского утра.

Однако в десять он еще лежал в постели. Бочкарев повернулся, чтобы встать, но резкая боль в груди остановила. Он присел на кровати.

Последний год в минуты одиночества Виктору всё чаще вспоминалась первая любовь. Сейчас же, неведомо откуда взявшееся сожаление о ней, усиленное вчерашним, будто хлестнув по сердцу, унесло мысли в прошлое. Где любовь виделась чище, где трогала иначе, меняла мир. Память в этот раз сжимала сердце укоризной сильнее, делая минуту больней и мучительней.

За этот год многое изменилось – время настойчиво вело его к тому первому чувству. Раньше все было наоборот. Именно сила желания диктовала свою волю, определяла выбор. Чистота лишь напоминала о светлых страницах и только. Но не могла соперничать. Не могла еще отодвинуть, не допустить «обычных» мыслей в таких известных до оскомины ситуациях. Объяснения этому Бочкарев не находил, как и сегодня ответа на вопрос, почему боль подступила не так как раньше, ведь подобное вчерашнему случалось не раз. Раньше ею, болью были воспоминания, а сейчас он ощутил ее физически.

Губы Виктора сжались.

Не помогло и оправдание великого предательства, которое выручало столько раз: «Со всеми бывает». «Возможно, время опять сотрет, облегчит? – затлела новая мысль. – Ведь именно унося память, притупляя, оно подталкивает тебя к подобному снова и снова. Да будь оно неладно, это время! «Ну вот, нашел виновного, приехали!» – подумал он и волевым усилием заставил себя встать.

Мужчина заходил по комнате.

«Успокойся, плюнь, всё пройдет, наступит день, в котором светло и хорошо, – бывшие помощники не дремали. И будет следующий, потом другой, где уже другие фигуры на другой шахматной доске займут те же места, начнут «новую» партию – с выводами, уроками и надеждой. А кто проиграл или выиграл в прошлой – неинтересно. Уже все равно. Та доска треснула, она же и разбросала старые фигуры. Ты хозяин ладей и пешек, а не доски – ее поля и границы неподвластны. Начинай сначала».

Бочкарев щелкнул пультом от телевизора.

Но его уже затягивал водоворот размышлений, где надуманная «случайность» событий не давала уже оправдания, которого ждал и дожидался прежде. Целый год другу Самсонова

снились одно – те самые, первые шахматы, с теми самыми, первыми фигурами... первыми ходами... и проигрышем.

Но странно, минуты все чаще приносили ему знакомый голос... голос из прошлого, как и та встреча у метро, где увидел Ларису много лет спустя. Виктор помнил только слова: «Живу, просто живу. Развелась, детей нет. Прости, спешу».

И всё. Пустота и ноющая тоска до вечера. Нет... еще телефон... он дал его... как бы извиняясь, пытаясь подменить тяжелые мысли обоих наигранной обыденностью встречи; привести отношения, их отголоски хоть в какую-то приемлемость, в какое-то подобие нормы. Она тоже дала свой.

Но звонка не случилось. Сколько уже прошло времени? Виктор вздохнул и с досадой оглядел пустую комнату. Кроме мебели в ней ничего не было. Даже его самого. Кулак до крови прижал губы.

– А сейчас?! Дочь давно в другом городе. Он свободен, а Лариса... – щемящая боль, тронув, исчезла, уступая другой:

– Свободен ли?!

И снова:

– Она где-то ждет. Ждет?

Бочкарев опять сел.

– А ты? На что тратишь дни?!

В висках застучало. Ладони вдавились в них, принимая силу ударов на себя. К горлу подступил ком... и вдруг он услышал:

– Вставай, палач – пришел и твой черед!

Виктор в ужасе отнял руки и лихорадочно осмотрелся.

– Не всё равно: кто выиграл или проиграл! – голос гремел. – Не доска треснула и не тогда, а душа и давным-давно. Не лги! Взбирайся на Голгофу! Не «новые» партии нужно начинать, а переписать первую, с теми же фигурами. С одной единственной королевой!

Сердце бешено заколотилось.

«Вот такой приговор тринадцатому чемпиону мира по шахматам вынес четвертый – величайший гроссмейстер в истории... – обычный тон привел «мученика» в чувство. – На этом телеканал «Культура» заканчивает свое исследование разницы между «церебральным сортином» и болезненных претензий на исключительность самого автора идеи». Брошенный пульт покатился по дивану. Экран погас. Пот с лица он вытер уже в ванной.

Друг же его, Самсонов, несколько пришел в себя и старался принять день с оптимизмом, победившим «значимость» вины. Однако три коротких звонка в дверь заставили вздрогнуть.

– Ну... что скажешь? – Людмила поставила сумку с продуктами на стол.

Оптимизм улетучился.

– А почему холодильник открыт?

– Да... как-то забыл...

– Следующая – ширинка, – супруга покачала головой.

Тон оставлял надежду.

Людмила, в отличие от других, поступала в таких случаях разумно – откладывала неминуемый «допрос», понимая никчемность сиюминутной порчи настроения. Ей нужен был результат, который, в чем и была уверена, медленно, но приближала. Два часа молчания казались мерой, достаточной.

Она включила телевизор. Первенство Европы по фигурному катанию женщина смотрела еще вчера, допоздна. Но и повтор успокаивал мысли, выстраивал. Время шло и делало работу.

Всякий раз, бросая взгляд на мужа, она думала: «А пауза хороший врач. Для начала самое то». Слишком знала прошлое Самсонова, его собственные оценки жизни. И потому понятны

были провалы, где, будто срываясь, он млел и «отпускал» себя в загулы с друзьями. А потом переживал. Но «гулял» все реже и реже, приближая тот самый результат.

Виновный, «отсидев» положенный срок, нехотя встал, сходил на кухню, где погромел для видимости посудой и, кивнув на экран, спросил:

– Ишь, как за границей принято – сердечко пальцами выкладывают... и с ладошки сдуют. Культура, что ни говори.

– Да... и сердце показывают, и кольцо целуют, а потом расходятся на всю жизнь и даже не помнят имени того, кому все это посылали.

– С чего ты взяла?

– Не я. Тарасова Татьяна Анатольевна²² подметила. А она их видела-перевидела, европейцев-то. Знакома с «людским» материалом – пятьдесят золотых медалей учеников... поди, повтори.

Имя-отчество этой женщины Людмила всегда называла полностью, в той уважительности, которую ценила и в себе. Самсонов понял, что час пробил:

– Прогулка не отменяется?

– Да уж одевайся...

Экран мигнул, но в отличие от собрата в другой квартире, погас, довольный примирением.

Байтемиров допил чай, отодвинул масленку и, прищурившись, уставился в окно. Ясное от легкого морозца, утреннее небо наводило на раздумья. Он женат уже тридцать лет. Самсонов только сейчас, а Бочкарев уже и развелся. Опять же Галка... видать, мужику без женщины никак. У каждого своя судьба... и все разные.

Тимур Егорович повернулся к жене – та мыла посуду:

– Да-а-а... ловко Толстова парня захомотала... раз-два и в дамки!

– Не захомотала, а осчастливила. Так и покатился бы вниз – еще и Виктора прихватил бы.

– А Галка тоже осчастливит? – с утра мужчина всегда ощущал прилив сил. – Так одна уже осчастливила, хватит – дочь вона какая вымахала! Да и не подходит она ему – не по Сеньке шапка. Не потянет.

– Ой ли! Да и кто не потянет, я что-то не пойму? Он или Галка? Знал бы ты баб... знаток выискался! Опыт у тебя не тот, чтоб судить-то! Или забыл? Сам два раза уходил! Головенку-то кружило по молодости! О-о-х! Саночки-то заносило! И туда же!.. не потя-я-нет! А у нас? Кто кого тянет?! – жена намеренно загремела посудой.

– А вот и не развелся же! – рявкнул с досадой в ответ Тимур, не ожидая поворота и жалея об утрате благодушия утра. – Хотя неизвестно, лучше было бы... – и тут же осекся, вспомнив загулы в беременности супруги, аборт, лишивший его второго ребенка, вину за который так же приписывал себе. Да и нрав жены изменился – тридцать лет срок боевой. Оттянул, как говорится, по полной. Со всеми «штрафбатами». Теперь по струнке вытягивался он. Это на людях та выказывала себя простоватой. Но дома... дома последние годы Байтемиров чаще соглашался. И не жалел. «Да-а-а... верно говорит Самсонов – за всё надо платить» – последняя мысль заставила его два раза кивнуть самому себе.

– То-то! – жена приняла движение за согласие и успокоилась. – Сами разберутся. Господь управит.

Ровно в два Самсонов с Людмилой стояли у памятника русскому самодержцу и стратегу Александру III на берегу Ангары, который сделал величие страны явным, положив начало строительству железной дороги, что соединила столицу империи с Владивостоком и Порт-Артуром, впоследствии – порт «Дальний» на Тихом океане. «Дальний», ныне, уже китайский

²² Великий тренер по фигурному катанию.

«Далян» даст фору любому курорту Европы по бесконечности и комфорту пляжей. Сегодня мало кто вспомнит, что именно в этом городе японцы в начале прошлого века вырезали двадцать тысяч жителей, невзирая на пол и возраст, оставив 36 человек для сожжения тел. Десять дней факел самого страшного костра в мире освещал пир нелюдей. Через четыре года японцев выбили оттуда русские войска. А как они «попируют» с человеческим «материалом» чуть позже, во Вторую Мировую, государю не суждено было увидеть.

– Вон, идут, – Самсонов заулыбался. Утренняя ноша нехотя полегчала.

Галина Андреевна была спокойной. Доля жены и хозяйки дома была ей незнакома. Разговор с Людмилой касался тем обыденных, интересных любой женщине, независимо от формы отношений с другим полом. Если же взгляды расходились, а неловкое замечание срывалось, грозя неприятностями – поведение менялось, но не до крайностей.

Самсонов с Бочкаревым двигались чуть впереди.

– Ну что, с Галкой-то у вас скоро? Я имею в виду отгулять бы хорошо, по-русски! А то мне одному «вышака» тянуть скушно! – муж Людмилы загоготал.

«Началось», – услышали они позади громкий голос подруги Виктора.

Друг поежился:

– Давай прибавим шаг.

– Я, чес говоря, даже не похмелился. – Самсонов пошел быстрее. – А... думаю, настроение река поднимет... погодка опять же... – он посмотрел на воду, – короче, решил на сухую прогуляться. Чуешь, какой студеной воздух с Ангары! – и с шумом вдохнул бодрящую прохладу.

Бочкарев получил то, что ценил в нем больше всего – не продолжение «неудобного» расспроса, если ответа не следовало, а «забывчивость» и замену.

– А ты знаешь, друг мой сердешный, – продолжая смотреть на водную гладь, пробормотал спутник, – я читал в одной книге, что несколько водородных бомб, взорванных в русле Гольфстрима, изменят его течение настолько, что Европа исчезнет под ледниками в течение года. А Канада и Нью-Йорк станут Аляской. Какой-нибудь мировой террорист замыслил пакость... и все прошлое цветочками покажется.

Такой «замены» Бочкарев не ожидал и усмехнулся:

– Вот залезет же тебе что-нибудь в голову, Самсонов! Сплюнь!

Тот весело, как ни в чем не бывало, повторил:

– А ты знаешь, друг мой сердешный, какая удивительная мысль посетила меня наперед? – он заинтригованно подтолкнул соседа вперед, давая понять, что сменил тему.

– Какая?

– А что Израилю – конец! В смысле государству.

– Так все-таки принял с утра? – Бочкарев хмыкнул.

– Да нет, я серьезно! В Библии прочел.

– Где?!

– В Пи-са-ни-и! – по слогам повторил Самсонов. – Людка закладок понаделала, ну я и... Оччень интересно! Пару фраз точно помню: «И рассеет тебя Бог твой по всем народам, от края земли до края...».²³ Это о евреях, которые Христа распяли, точнее об Иудеях. Чуешь? Почему они по миру разбрелись? А дальше: «Ныне оставляется дом ваш пуст»!²⁴ Ушел от них Бог.

– Докатился! – Виктор вздохнул и задрал голову, показывая, как мало ему это интересно.

– Ну чего ты? – Самсонов дернул его за локоть.

– А как же «человеколюбие»? Бога-то? Его милосердие? – снисходительность, которая звучала в вопросе Бочкарева, показывала, что и он знает кое-что.

²³ Библия. Втор. 4:27

²⁴ Библия. Мф. 23:29-24:1

– Людка говорит – человек забывает Бога, если перестает обращаться к нему за помощью. Короче, перестает верить, хотя не догадывается об этом. А те вообще прогнали.

– Да-а-а. Кому что в голову лезет по утрам.

– А тебе?

– Вот, про Канта думал.

– Так это ты докатился!

Спутник будто не заметил укола.

– Помнишь, Канта удивляли две вещи – звездное небо над головой и нравственный закон в нем.

– Известное дело... уж как-то удивлялись. На охоте, помнишь?

– А меня всего одна вещь!

– Рвёлся в туда же? – съязвил Самсонов.

Бочкарев с досадой посмотрел на него:

– В кошмарном сне, который все чаще называю «жизнь», я могу потрогать пуговицу на твоём пиджаке, Самсонов. А не только терзать себя по навороченному вчера. Представляешь, какая там силища, – он глянул на небо, – если нас убедили, что вокруг – явь! А мы еще и менять способны. Участвовать... в замысле того, кто разбросал по небу звезды! Кто придумал боль нетелесную – ведь никому больше не дал такого! Ни животным, ни рыбам.

– Вот так поворот, старик! Тогда... вчера именно он нас и затянул в сон! Взял, да убедил в реальности происходящего! Виртуозно ты меня реабилитировал! Жаль, Людка не поверит. Ладно, дружище! – Самсонов хлопнул друга по спине. – Лучше про Израиль дослушай – любопытный случай... просто не отмахнуться!

– Из Писания, говоришь? Нам... лучше исследовать преисподнюю, – уныло реагировал спутник.

– Ну, прекрати, я же серьезно, – муж Людмилы оглянулся и замедлил шаг. – Вот посмотри на историю земли обетованной. И обобщи с историей человечества. Ты ж математик! Ведь так оно и должно быть!.. идеальное повторение – копия бунта и последствий! Сначала в Раю, потом – уже на земле против Бога. И вся трагедия евреев становится нашей, потому как всемирный бунт набирает обороты, делая нас соучастниками уже третьего акта. А вина раскладывается на каждого.

– Или вина «раскладывает» каждого? По частям и... наклонностям?

– Не умничай.

– Так кем все-таки нужно быть? Математиком? Как я? Или таким верующим как ты? – с иронией спросил Бочкарев. – Тоже мне, нашелся пророк.

– Не, ну, конечно, верить надо... Библия... это ж, пожалуй, даже не книга. Ну, хотя бы надеяться...

– На вечную жизнь? – перебил спутник. – После смерти? – и хмыкнул. – Так надеяться? Или верить? Останови любого, спроси? Да почти все ответят, что не нужна им никакая вера. А жить хотят сейчас и от души.

– Это пройдет. Все великие умы поверили в конце жизни. Если не полный отморозок, любого такой факт смутит. – И гордо добавил: – А я себя к умам отношу! Годам к сорока начинаешь задумываться, для чего строят церкви? Не заставляют, денег не берут, хошь иди, хошь нет. Значит, внутри у нас требует что-то, раз нет-нет и зайдем. Потом уже размышляешь дальше – для чего вообще живешь? Ведь до этого думал буду жить, как живется. Кто-то ради семьи, другие посмотреть мир, третьи – в карьеру. Но это куча мелких целей – их тысячи. И вот в сорок что-то начинает смущать. Семья, дети, построить дом – не очень укладывается в смысл. Этим «обзаводишься». И как цель не годится – потому как впереди смерть. Дамочка с косой. – Он гоготнул. – А у нее любимое наставление: «Всё равно как, все равно что, все равно с кем» – все равно ко мне. Но что-то не мирится в тебе, протестует. Задешево тебя покупает

дамочка. По молодости пролазит, а сейчас здорово колеблет. Вон, полно и без детей и дом не построили, а живут – для чего? Если верить, что Бог дает жизнь. А дауны? А дети, что умирают не вырастая? Видать цель другая. Другой дом строить надоть!

– Ну, многие думают как раз наоборот.

– Этих многих, как говорит жена, объединяет другое – атеизм.

– А что она по главной цели?

– Надо из себя делать человека.

– Невелика находка.

– Чтобы и мышца, и кровинка всякая, и разум – все было из доброты. Говорит, такими и были мы созданы.

– Хм, вижу, поддаешься? – друг впервые улыбнулся. – Великие умы, говоришь? Например?

– Пожалуйста. Ньютон, Галилей, – Самсонов был готов. – Да тот же Макс Планк – основатель квантовой теории. Космонавт Гречко, маршал Жуков!

– Добавь еще насельников «Оптиной пустыни».

Скепсис Бочкарева не смутил спутника:

– А что? И Афон. Вроде как нравственный образец! Ни семьи, ни детей... и вообще людей сторонятся.

– И что из этого следует?

– А то, что есть другая цель появления на свет. Вот они поняли, почему нам дана эта, как ты назвал ее... неплотская боль... души. Не воспитанием же, не ремнем отец ее вбил! Кем-то встроена. С умыслом. – Самсонов, довольный аргументами, ударил кулаком в ладонь другой руки. – Так-то! А значит оценивать жизнь надо как-то иначе. И ни дети, ни семья тут не нужны, они для другого. Людка говорит – крест, не дают упасть.

– Да куда ниже-то.

– Ну, рухнуть! – отрезал Самсонов.

– Получается, мы ничего не сделали? До сих пор? – Бочкарев о чем-то задумался.

– Выходит. Но к моим баранам, с которых начал, – Самсонову явно не нравилось, куда Виктор «заташил» его. – Последний третий храм, иудеев-то, был разрушен, и те рассеяны по миру. А четвертого им не построить – в писании о нем ничего нет. Читаю в инете всё это, и приходит мне в голову мысль – а мы-то!.. мы, выходит, свой храм рушим! Ну, если всё за ними повторяем! Также! Ясен пень – параллель. И храм этот – доброта в людях. Или чистота помыслов, как говорят старцы из «Оптиной».

– Я смотрю, ты всерьез намерился.

Самсонов махнул рукой.

– Вон, узаконили однополые браки, педофилию, инцест и катим, и катим... Ловишь? Скажешь, совпадение? Так вот сначала атеисты узаконили одни цели – семья, дом, универ, там, карьера – вполне безобидные, но время идет, всё меняется и теперь уже пошли дальше, узаконили другие – те же самые браки, извращения, ювенальные изыски. Завтра объявят третьи – в обморок упадем. И обществу конец. Сначала расколом. Потом стравим. Примеров уже пруд пруди. А религия как столп – заповеди и всё. Не моги! Непреложный закон стабильности и мира среди людей. Этим и объединяет. Тыщи лет!

– А Израиль при чем?

– А при том. Если библия права, попытки собрать народ снова – жалкие потуги. Не даст тот, кто разбросал по небу заезды! Звезды... – повторил Самсонов, – экий выдумал политкорректный оборот! А евреи уперлись и мочат всех направо и налево ради этого, – он размахисто рубанул воздух. – Вообще, Библия – удивительная книга. Вот сказано... – он поморщил лоб, вспоминая, – «...и ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать

взаймы; и господствовать будешь над многими народами...»²⁵. Это тоже про евреев. Как тебе? Вот теперь вспомни, кто у нас банкиры? Во всем мире? То-то же! Чистая правда написана. А значит, так тому и быть.

– Ну и нам, выходит, бороться бесполезно, если аналогию проводишь?

– Так и есть. «И дано зверю победить» – тоже из Библии.

– Да ну тебя! На людях такое не брякни. Тоже мне, новоявленный Сократ! И потом, среди евреев полно христиан. Ты уж говори – иудеи.

– Не...это понятно. А вот начни, полистай книгу-то! На всё по-другому смотреть начнешь.

– Сложно всё это. Особенно сегодня. А вот ты другую книгу почитай. Мы ведь сами создали Израиль. Если я правильно помню, Громыко – наш представитель на генассамблее ООН – еще до всяких «де-факто» заявил: евреи заслужили своё государство, и оно должно быть! А у нас было две трети голосов. Короче, мандат как государство, Израиль получил от Сталина. Потом и «де-юре» признал первым. Да и воевали с первого года нашим оружием – штаты наложили эмбарго на поставки. Не Сталин – смел бы арабы как пыль в море. Чего сейчас об этом говорить.

– Только у них по всему Израилю памятники Трумэну! Но я ж не к тому!

– А... – Виктор махнул рукой. – Ну, назначили лучшим другом сионистов. Так если бог отказался, как ты говоришь – компания подходящая. Тот бомбу на Хиросиму, эти... ладно, проехали.

Некоторое время они шли молча. Двое мальчишек обогнали пару, пиная банку из-под пива.

– Батя говорил, в каждом дворе хоккейная коробка была, – пробурчал Виктор. – В стране-то при коммунистах. В секции зазывали – хочешь на бокс, хочешь хоккей. Лыжи на базе бесплатно давали – только ходи. А сейчас, вон, бесплатно только ...

– Проехали, говоришь? Не скажи. Обреченность Израиля – бомба, – Самсонов взялся за свое. – И мы все дальше от храма. Только атрибуты оставили... кресты, там... Вот ты, когда в последний раз свечку ставил? – он цокнул языком. – То-то же. Ничего не построим. Среди барахла и жратвы – другое вообще мозги не занимает. Пипец миру подходит.

Бочкарев усмехнулся:

– Давай-ка, пророк, другие варианты, оптимистичней. В твоём стиле, а то затеял...

– Да пожалуйста! Ведь у нас неразлучная связь с Израилем-то! – Самсонов хихикнул. – Крым и Тель-Авив в одном часовом поясе! А значит, в Севастополе футбол садятся смотреть с евреями одновременно. Как и пиво отхлебывать.

Бочкарев отмахнулся: короче, хорош об этом.

Друзья с минуту шли молча, как вдруг громкий голос заставил их остановиться:

– Молодые люди! Разрешите с вами познакомиться!

Женщины сидели на скамейке, чередой которых слышала и не такие разговоры.

– О! Дамы! А как впереди оказались? Мы чуть мимо не проскочили! Потеряли бы, – Самсонов улыбался.

– Ты бы точно не сожалел, – жена иронично усмехнулась. – И Виктора бы утащил.

– Ну, кому наступить-то на хвост есть! – Галина Андреевна решительно поднялась и направилась к ним.

– Дорогой, – она поправила Бочкареву шарф, – дамы желают по чашечке кофе, – и кивнула на маленький павильон в глубине сквера. – А поклонникам чая разрешается через часок забрать нас оттуда. Если их не опередят.

– А... может, и мы... – Виктор, было, тронулся туда же.

– Отлично! – дернул его за рукав Самсонов. – Свежий воздух нам к лицу! Неужели душная «кафешка» заменит удовольствие от прогулки?

Галина Андреевна с подозрением глянула на него:

– И так уже красный... в зеркало-то глядел?

– Это только снаружи! – парировал Самсонов. – Внутри – я либерал!

– Не перевирай Довлатова, – женщина с досадой махнула рукой.

– Знаете, что... – сухо вмешалась Толстова, вставая, – постарайтесь получить удовольствие именно от прогулки, а не от чего-то другого. Ты меня понял, либерал?

– Ну, Люд, прямо...

– И недвусмысленно, – та строго глянула на мужа. – Пошли, Галь.

Подруги направились в кофейню. Через минуту они уже сидели за столиком.

– А ты кремень, Людка, – Галина разорвала пакетик с сахаром, восхищенно глядя на подругу. – Я так открыто не рискую.

– Знаешь, если муж заявляется в три часа ночи, должен следовать один вывод – не дать ему продолжить «карнавал» утром.

– И всего-то!? А шкурку спустить? Легонько так...

– Я имею в виду женщин, которые планируют замужество более чем на год.

Соседка недобро усмехнулась:

– Возможно, это рациональнее, однако позиция имеет минус – распустить недолго.

– Это как доведется.

– Ну, я-то ставлю пресс. Усугубляю вину. Так руки заламываю... Чехов отдыхает!

– Да брось ты, Галь. Какой там Чехов. Я ни в нем, ни в поведении Самсонова драматургии не вижу. В первом – нет, во втором – предсказуемо и пошло, чего уж там. Больше тянет на болезнь, чем на желание... причинить боль. Проще всё – держит его привычка, не отпускает... и вижу – рвется, да не выходит... потому и прощаю, как Ермолова.

– Ермолова? – Галина пропустила вывод. – Просвети-ка, милая, – ей нравилась «замороченность» простоватой с виду коллеги на вещах малоизвестных. Отхлебнув кофе, она хитро глянула на собеседницу.

– Была такая прима на русской сцене, – Людмила взяла салфетку.

– Уж слышаны... Станиславский называл ее величайшей из актрис. Знакома с фактом? – Галина Андреевна любила уколоть.

– Так вот, она никогда не играла Чехова. Ничего из его пьес, – Людмила простила.

– Не устраивала драматургия? – хитринка дополнилась поджатой губой.

– Где ты видишь там драматургию? Я же сказала. Только «Дядя Ваня». Думаю этой пьесы одной хватило бы, чтобы признать Чехова драматургом. Остальное... дань чему-то другому. Превратили хорошего прозаика в идола чуждого ему жанра. Вот и всё. И Ермолова, в отличие от нас, поступила честно.

– Жанра? Чуждого? Интересно какого?

– Про БАДы слышала? Добавки? Тогда тоже были – безысходная апатия духа. Добавка, убивающая драматургию. Веры не хватало Антон Павловичу. Герои не живут... даже не существуют. Какие-то «вечно говорящие пиджаки», как писал кто-то. Безжизненное пространство. Природа молчит, усадьбы разваливаются, люди пусты. Ни эмоций, ни переживаний, ни зова. Ну, хоть куда-нибудь! На сцену выползают тени из «ниоткуда». Говорят ни о чем. Да что там, – Людмила махнула рукой. – Какой-то уездный городишко вне времени, жизни, в «нигде». Из пьесы в пьесу. Зачем? Какая цель? Что несут и кому? Вон, в «Воскресении» те же БАДы повержены, и книга бьет наотмашь! Каждой строкой и каждая – глоток. А здесь? Я тебя умоляю...

– Ну, прямо революция! Куда же подевалась драма? И откуда начитанность?

– Есть один поучительный роман, – Толстова была расстроена. – Кстати, об Иркутске, о сибиряках. Пожалуй, о нас.

- Да ну тебя. Я же серьезно.
- А здесь драма сбежала, ручку-то ей так и не подали. А потом критика, следуя законам канонизации виртуозно изворачивалась, «находя», «открывая» и обманывая.
- «Воскресение» все-таки проза.
- И драматург это вовсе не тот, кто пишет пьесы. – парировала Толстова. – Антон Павлович и в прозу пытался ее вставить. Да не получалось. Характер у драматурга по иному сложен. Мысль бежит, а не...
- Например?
- Ну, возьми рассказ «Володя», о мальчишке, который на даче готовился к экзамену и увлекся вполне взрослой девицей. Возмнил, так сказать. Девица же, заметив серьезность в прыщавом мальце, поиграв, дала тому отставку, и тот просто уехал с матерью домой в злости, что провалит экзамен.
- Да он вроде застрелился?
- Огорчу. Требование издателя. Дело выглядело примерно так: «Знаете, Антон Павлович, ну хоть в этом-то рассказе давайте чем-нибудь уж кончим». Автор тут же взял перо и добавил револьвер. Вот и вся драматургия. Если это она, то и некормленную кем-то кошку можно помусолить... этак страниц десять. А потом, по совету издателя, руками соседа, которому надоело мяуканье, отрубить хвост, превратив в драму. Продается заведомо лучше.
- Что ж, согласна – не «Митина Любовь».²⁶
- Да уж точно нет. У Бунина не просто драма. Там глубокий анализ, вскрытие вен мотивам, которые могут толкнуть человека на что угодно. Короче, «соха», а не лузганье семечек. Даже если семечки дворянские.
- Раскладка по наклонностям? – Галина ехидно прищурилась. – Я где-то читала об этом.
- Об их противостоянии любви. Вечном.
- Ладно, ладно... догадываюсь, ты для другого привела пример. Хочешь сказать и в «Чайке» с револьвером та же история? – Подруга Виктора откинулась на спинку.
- Именно. Потому как слова других издателей архивы не сохранили. А мы: «Ну почему, почему застрелился Константин?!» – и за голову, и за голову! Нашли, чем ударить в грязь лицом! Увольте. Заламывайте руки без меня.
- Ну, Антон Палычу досталось, давай за Толстого – у него не только «Воскресение».
- Кстати, – Людмила оставила слова без внимания, – Бунин считал столь почитаемый и нынешними либералами «Серебряный век» – сплошной вальпургиевой ночью. И кто поспорит? Если положить руку-то на сердце. Ты слышала об отмененном в Большом театре спектакле про Нуриева?
- Про всероссийскую обнаженку? Говорят, поправили...
- Она оттуда же. Новые «серебряные» или как их там нынче... на новую вальпургиеву замахнулись. Вот где уж точно драма. Та самая драма маятника, который раскачивают наши либералы. И раз в сто лет им удастся столкнуть людей в свальный грех братоубийства. Но сначала – притворное заламывание рук! Но притворство, как и фальшь богата ложью, а не правдой. Бедолаги и пытаются отгнать ее естественностью. А на самом деле – тем, что под ней понимают, заблудившись в ответвлениях от древа-то. Ползут по веткам, что чураются ствола, к миражам идолов. А здесь до пропасти один шаг – веточки-то все тоньше. И будет край, и обязательно обломаться. Но прежде попотрошат вволю дух-то человеческий! Топтать «веру, надежду и любовь» у «серебряных» было даже модным! Ведь называли этим совершенно другое. Так и раскачивали, так и вели. И стихами, и обнаженкой, и беспредметным бредом на полотнах – думаешь в «Большом» что-то новое открыли? А потом и к самой кровавой революции. Помнишь Столыпина? «Им нужны великие потрясения, нам нужна – великая Россия»!

²⁶ Повесть И. Бунина.

А теперь скажи, научило их время чему-то? Таких-то? Вон, режиссер Андрей Кончаловский призывает народ очнуться. Уже сегодня. Аккурат через сто лет после «потрясения». Ничего не напоминает? Им-то нет. А мне – да. У меня ребенок будет от этой страны. Каждая травинка ее будет в нем. Зажился в Европе. Наглотался русофобии.

– Что ты хочешь – гражданин другой страны.

– Возомнил себя пророком. А России-то как не знал, так и не знает. Наши либералы совсем лишены фантазии – всегда одно и то же. Один и тот же долодон. На баррикады! Смуту! Хотим смуту! И двадцать лет назад, и за век до этого в феврале семнадцатого. Извилина будто схватилась, оледенела в мозгу.

Людмила махнула с досады рукою.

– Правильно говорится «долодом», – поддела подруга.

– А мне так нравится. Вот послушаешь таких «режиссеров» жизни и хочется сказать: очнитесь вы, Андрей Сергеевич. И сразу поймете, как легко на закате лет растратить нажитое, замарать доброе имя, потерять родину и нас. Как бы вы не убеждали себя в противном.

– Ну, ну... оставь его в покое.

– А ты оглянись назад – история не знает правительства, которое устроило бы их. А миллионы в ту яму. Как в гражданскую. Только не сами либералы. Им всегда есть куда сбежать. В «небесной» сотне жертв майдана в Киеве ни одного, кто звал «очнуться». И в десятках тысяч погибших на Донбассе нет имен из этой когорты алчных псов. Только гильотина добралась до них во времена французской революции.

– Да ладно, Люд. Публичность – вот, что нужно им. Быть на слуху. Напоминать о себе. Владеть умами.

– Один из миражей. И тщеславие – смертный грех, между прочим. Только причина в другом.

– В чем же?

– Христианство для таких пустой звук. Даже не так – хитон добропорядочности. Важно слыть, а не быть. Помнишь книжку «Как прослыть интеллектуалом»? И первое, и второе удалось. Семейные отношения в Европе ставит в пример, а у самого пятая жена. Вещает о падении численности населения, а оно выросло за десять лет на миллион даже без Крыма. Фальшь во всем. Прямо снесло головенку от медных труб. Как же низко должен пасть человек, чтобы презирая наш образ жизни, наш собственный уклад, да что там, народ!.. обманывать его, прикрываясь заботой о нем же. Чистое идолопоклонство, – и она снова махнула рукой. – Да Бог с ними... а вот, что до Толстого...

Галина Андреевна лишь успевала удивляться переходам.

– Лев Николаевич подобно Иакову,²⁷ – Людмилу, казалось, было уже не остановить, – боролся с Богом, не сомневаясь в его существовании. Считая, что Христос пришел научить людей нравственности и только. А к искупительной жертве относился скептически. Но, если обманщик Иаков добился благословления, то почему все думают, будто Толстому не удалось выпросить того же? В его-то борении? Кто бросит камень?

– Без исповеди? А круче поворот можешь? – Галина была в восторге – она получала всё, чего желала.

– В прошлые выходные свечку пошла поставить, – уже спокойнее сказала подруга. – Дядьке год был. А там служба закончилась. Ну, батюшка напутствие, благодарит всех... и тут кто-то громко его спрашивает: а у меня, мол, соседка говорит, что не так уж и важно по воскресеньям в церковь ходить. Главное быть верующим. Батюшка попросил подойти поближе и отвечает: «Верно говорит соседка. Только верующий – кто начинает иную жизнь, именно начинает!.. а не тот, кто знает наизусть символ веры и молитвы». Среди последних полно таких,

²⁷ Библейский Патриарх.

кто называет себя и христианином, и даже священником. Но коли ты не самозванец, ноги-то в храм тебя сами приведут.

Она на секунду замолчала, будто вспоминая тот день.

– Так вот Толстой и начал ту самую «иную» жизнь. И вера у него была покрепче нашей с тобой. А исповедь... Ведь и ушел к ней из дома-то. Знаешь, иногда желание вменяется в исполнение.

– Да, надо же.... А я всё священников на «мерседесах» ругала. Оказывается, достаточно желать. – Галина недобро усмехнулась. – Но, помнится, Иаков получил и новое имя – Израиль, в переводе «борющийся с Богом». А Толстой – «зеркало русской революции»? ²⁸ Правильно цитирую Ленина?

– Не юродствуй, Галя. Между Толстым и революционерами – пропасть. Его собственные слова.

– Ладно, а современники? Давай уж им тоже по серьгам.

– Господи, современники. Откуда? После Шолохова и Фадеева – никого.

– Ну, Шолохов! Скажешь! У Чехова просто не было таких знаменательных событий – времена были другие. Переломы и потрясения миновали его.

– Времена всегда одинаковые, Галь. Толстой тоже не жил при Наполеоне. Художник не ждет присоединения Крыма или путешествия в город «ноль».

– Куда?

– Забудь. Самсонов плел окоlesiцу.

– А Солженицын?

– После Шаламова-то? Брось.

– А Петр Фоменко? – Соседка вспомнила, как подруга восхищалась им.

– Удивительный художник. Но там другое. Свидетель того, что переломы не так уж и важны. Вот тебе и к теме – крах Советского Союза ничего существенного литературе не дал. Эпохальность прошла мимо. Имен не родила.

– Боюсь, народ тоже не согласится.

– Народ и от «черного квадрата» без ума был, и от Гогена, Бродского, Набокова. Вагнеру и Скрябину до сих пор быют поклоны, – и с сожалением добавила: – Господи, сколько их «упало» в эту бездну! А я ум включаю и вижу в них ту же борьбу, только неудачную, в отличие от «зеркала-то революции». Да, в общем, в каждом человеке драмы по горлышко. И выдумывать ничего не надо. Вон, Никита Богословский, написавший главную песню страны «Темная ночь», не пришел на похороны сына. В скольких людях возродил надежду, а от второго сына вообще отказался. Какими весами мерить такое? Кто, скажи, убил в нем человека? Да их, на той же стезе – экран пучит каждый вечер!

– Ну да, – Галина кивнула. – И револьвер вкладывать не надо.

– Выходит, растерял что-то более важное, чем талант. Преступно на первое место таланты ставить.

– А Бродского ты все-таки зря, – поморщилась подруга. – Он, конечно, обусловлен временем...

– Вот именно, – перебила Толстова. – Тому, кто не жил рядом, а если еще и не читал о тех временах – попробуй, пойми. Я противлюсь ультиматуму поэта – непременно знать то время. Я за Пушкиных, за безусловные и безвременные дары в любой строке.

– Ой-ё-ёй! Какие мы! – Галина Андреевна вызывающе ухмыльнулась, и кисть грациозно описала полукруг:

²⁸ Выражение В. Ленина.

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.*

– Именно. Чудные стихи – узнают и через сто лет. А строки лягут и унесут, – Людмила вдруг опустила глаза, поколебалась и загадочно посмотрела на подругу: – А вот я тебе прочту другие стихи о Питере... чем и когда переболел город, что принял, отпечатки времени... – всю историю в одной странице. Между прочим, лучшее, что написано после Пушкина.

– Даже так! – подруга рассмеялась. – Уже? И премия «Андрея Белого»²⁹?

– Во, во – это как «Пильняк – тень от дыма, если «Белый» – дым». Помнишь Шкловского? А вообще, я не шучу, – обиженно заметила соседка. – Слушай:

*Я увидел во сне Петропавловский шпиль
И балтийского рейда предутренний штиль,
И невзятую Зимнего гордый фасад,
И пронизанный солнцем Михайловский сад,
И могучие торсы ростральных колонн,
И напичканный сплетнями светский салон,
И строки гениальной небрежный полет,
И мятежную гвардию, вмерзшую в лед,
И на вздыбленном, неустрашимом коне
Усмиряющий воды шедевр Фальконе!..
И такой ностальгией аукнулся вдруг
Этот сон: «Возвратите меня в Петербург!».*

*И надменный лакей мне промолвит в ответ:
«Полно, барин! Такого названия нет».
И добавит, скосив подозрительно глаз:
«Пропускать, извиняюсь, не велено Вас!».
И обступит меня петроградская тьма.
Как не велено?! Вы посходили с ума!
Он же мой – я отравлен им с первого дня –
Этот город, кормивший с ладони меня!
Где я горькую пил и бумагу марал,
Где в блокадную зиму мой дед умирал,
Где балтийское небо кромсала гроза,
Где на летние ночи, расширив глаза,
Мои тезки глядят у чугунных оград!..
Я прошу, возвратите меня в Ленинград!*

*И убитый комбриг мне промолвит в ответ:
«Ты забылся. Такого названия нет».
Так он скажет, окурок втоптал сапогом.
И добавит чуть слышно:*

²⁹ Андрей Белый – поэт начала XX века.

«Свободен. Кругом!».

*И вскричу, как Фома я: «Не верю! Не ве...
Я же помню дворцов отраженья в Неве!
Я же помню: в семнадцатом – это меня
По Кронштадту вела на расстрел матросня!
Я же помню, как он отпевал меня вслух,
Я же помню, как я в нем от голода пух,
Как несли репродукторы черную весть!..
Он же был, этот город! Он будет. Он есть!».*

*И качнется Исакия гулкая высь:
«Ты добился. Иди. Но назад не просись.
Не пеняй на сиротскую долю потом.
Этот город – мираж, наважденье, фантом.
Кто попал, как пескарик, в его невода –
Причастился небес и погиб навсегда!».*

Глаза Людмилы увлажнились, она на секунду замолкла и дрожащим голосом продолжила:

*И шагну я, набрав словно воздуха в грудь,
Самых ранящих строк, – в этот гибельный путь!
И с моста, разведенного в черный пролет,
Рухнет сердце в разбитую крошку, под лед.
И поднимут меня, как подранка, с колен
Шостаковича звуки средь воя сирен!
И в кровавый рассвет, уходящий без слов,
Мне с Лебяжьей канавки махнет Гумилев.
И, как пьяный, я буду бродить до утра
По брусчатке, что помнит ботфорты Петра!
Я, оглохший от визга московских колес,
Я вернулся в мой город, знакомый до слез!
Чтоб скользить по каналам его мостовых,
Удивляясь тому, что остался в живых!
Чтоб в горячую лаву спекались слова,
Чтобы к горлу, как ком, подступала Нева.
Чтоб шальные друзья и лихая родня,
С ног сбиваясь, напрасно искали меня.
Чтоб угрюмый ключарь им промолвил в ответ:
«Спать идите! Его... в этом городе... нет».*

- Это кто?! – Галина откинулась на спинку. – Где нашла?! Ушлая ты мандаринка?
- Болдов, Лев. Умер в сорок пять. Совсем недавно. В самый разгар поисков гениев.
- Умер?
- Настоящие поэты долголетием не страдают... впрочем, как и моржи.

- А как же закалка?!
- Долгожителей среди моржей нет. – Толстова махнула рукой, взяла салфетку, сложила ее вчетверо и, глядя на свою чашку, продекламировала:

*Прозаик не имеет прав поэта
В любви народной, вольностях, в судьбе...
Других. Но скоротечна Лета...
Печальных судеб, как и прав поэта.*

- А это кто?
- Да так...
- Хм... Болдов. А почему не в курсе «современная поэзия»?! – Галине была потрясена стихами.
- Сегодня не в «Литературной газете» надо искать – по дворам. Вот Болдова-то «эпохальность» там и родила. На переломе. Да кто заметил? – и, помолчав, добавила: – Говорят, в Союзе писателей однажды слушали, в секретариате.
- Ну, и?
- Обкакали. Один Богданов встал, походил, походил и говорит: сильно. Давно подобного не было.
- Нет, а ты... где ты зарплату получаешь?! Или забыла? Дай Метелице прочесть.
- Давала.
- И ничего?
- Как видишь.
- Чем же тогда живем?!
- Хлебом единым, – Людмила в такт словам дважды наклонила сложенные ладони.
- Ведь столько вбивали! Воспитание! – Галина, оставаясь собой, лукавя, все-таки извлекала полезное. Вдвойне довольная удачей с наживкой, она продолжила тему: – Так чего боимся? Власти – нет. Народа? И здесь не поймет? А студенты? Наша кафедра – не Союза писателей! Не голову же на плаху!
- Народ... – небрежно бросила Людмила. – Немецкие мальчишки, с роялем в каждом доме, нацепив погоны, шли расстреливать еврейских женщин и детей прямо с оперы. Воспитание потерпело крах. И Шопен... не помог, как выразился один романтик с тонушими в пустоте глазами. А на Украине? Каратели? Тоже народ? Те за безвизовые пряники – зверьми стали. Больше трех лет зверствовали, пока дали! Смотрела по телевизору? Ванечка семилетний из Донбасса? Без рук, нога ампутирована, еще и ослепший от взрыва около школы. Увезли в Москву всего обожженного. Уже не плачет – выплакал. И ведь просит-то чего? Глазки чтоб видели! – она вытерла платком слезу. – Не понимает, что он «ватник» для нелюдей. А в Москве уже все детские клиники полны донецкими. Не народ я. Во всяком случае, не такой. И братья у меня другие, и много – от Бреста до Тихого океана. А детям и женам карателей, на ночь, до конца жизни мотала бы хронику их преступлений! Вот отскачут на очередном майдане, так сразу и крутить. Да не давать отворачиваться – чтобы выли... Семьями выли! И давай оставим, – с досадой добавила она. – Хочу быть просто женой... не скакуна, и не с роялем. И не режиссера. А Самсонов всем этим качествам отвечает.
- Нет! Кино, вино и домино! – соседка театрально всплеснула руками. – Из тьмы лесов, из топи блат и прямо, прямо, прямо... в ад! Да вы актриса, мадам!
- Ну, обираю-то их не я.
- В смысле?

– Не из тех, что отнимают у них хлеб. Вон, певички одна за другой снимаются безо всякого стыда. Не слыша проклятий режиссера, который лег под деньги родителя или кого еще... не задумываясь, сколько талантов банально бедствует.

– Ты же о бессовестных актрисах?

– И о них тоже. Эти на пару с певицами обворовывают. Одни хотят нас убедить, что талант передается по наследству, другие, что и половым путем.

– Как-как?! – Галина рассмеялась. – Ну, милая!.. интересный разговор у нас вышел! Вот так прогулка! – она отклонилась, уперев руку в бок.

Но выражение лица неожиданно изменилось:

– Я вообще поражена моим женским окружением последнее время. Раньше на вопрос: Вы из какого сериала?.. все отвечали: Из любого. А теперь окружение, виляя хвостом, пытается отскочить. А в сериале оставить одну меня! Ты ведь раньше так не думала! И Чеховым восхищалась, и Набоковым, и Малевичем. А Пелевин? А лапше-вешатели всякие с «Историей российского государства»? Туда же? Вместе с грантами Сороса на ложь? – Возмущение Галины было непритворным. Женщина, склоненной спины которой не видел никто, а выдержке завидовал, сорвалась. – Я ведь все помню! Может, чего проспала? Метелица в светском образе, ты выскочила замуж и рассуждаешь, как мать Тереза, Полина и та... вон как развела.

Она замолкла на секунду. Досада от проявленной слабости мелькнула на лице.

– Кстати, про оперу... не пропускает ни одной премьеры... – Галина прищурилась, меняя тему. – А ведь «бестужевские курсы»... не про нее. Или усвоила другое? Как думаешь?

– Ой, Галь, я тебя умоляю! – подруга не заметила перемены. – По Бальзаку «счастливая женщина не ведет светского образа жизни»³⁰. А уж он вольно трактовал порядочность.

– Уже счастливая? Или еще? – съязвила подруга. – Предлагаешь новое определение счастья?

– Гранты Сороса? – Толстова кивнула невпопад и задумалась. – Только отец лжи – дьявол.

– Ну, это-то понятно.

– А ты не завидуй. – Людмила вернулась в разговор.

– Кому? Полине? Одной из тех, кого я заставляю себя слушать?

– Моя фамилия в списке?

– Увы. Ты, подружка, кладезь. Порой такое узнаю... и самой блеснуть ворованным хочется. А у той даже в манерах щадящее воспитание. С книжкой не засыпала.

– А ты добавь: лицемерна и расчетлива, – Людмила усмехнулась и посмотрела в глаза соседке.

Галина недобро прищурилась:

– Ты о бревне? В собственном глазу? Спасибо за букетик в огород. А добавить «глупа» – забыла? Чего там околотками – прямо давай...

– А ты хочешь? – Толстова посерьезнела. – Так вот, я готова обсуждать манеры и потребности только одного человека – Самсонова. И только с ним. А тебе... лучше бы с Виктором и вообще-то, свои...

– Да с ним-то как раз понятно.

– Ну, ну. Мне бы такую проницательность, – подруга снова усмехнулась.

– О кей, закрыли. Останови каток.

Людмила и сама была рада примирению. Она помешала кофе и, вынув ложечку, нарочито внимательно стала ее разглядывать:

– Лучше расскажи, видела ее там?

– В театре, что ли? Ну, видела, – досаду опять сменило презрение.

³⁰ Бальзак О. «Побочная семья».

– Давай не будем о чужой любви, – Толстова продолжала наводить мосты. – Валентин прекрасный человек.

– Любовь?! Может, и у Елены? К Андрею? Или ты подсказешь другого мужчину? – усмехнулась Галина. – Где она?.. светлая, высокая? Я тебя умоляю! Сама-то любишь? Или поневоле? Как всегда на Руси? Как и я задумала? Или недостойна? Может, порода не та?

– Ну, что ты такое говоришь! – Людмила обиженно отвернулась. – И вообще, оставь мои отношения...

– То-то же! Любо-о-овь, у них!

– Сама-то что делаешь? Виктор... мучается... все видят.

– Оттого и мучается, что догадывается... не люблю.

Твердый голос собеседницы застал Людмилу врасплох – такого признания она не ожидала.

– Самой скрывать тяжело... да куда деться. Вон, Самсонова твоего терплю. Боюсь одного и всегда – напоит. У дружка-то набережная – предлог и возможность. А я так не хочу.

– Ну, да... – укол прогнал растерянность. – Только у Самсонова, как сам говорит, убойная отмазка – среди успешных особей алкашей почти нет. Есть, которые вообще не пьют и не курят. Представляешь, говорит, какая высочайшая степень страха и за что, должна владеть человеком, чтобы не давать шансов пороку?

– И к чему он это приводит? – насторожилась Галина.

– А предлагает угадать боязнь чего обладает таким волшебным свойством? И насколько они дальше от Бога, чем простой попивающий мужик.

– Ишь ты, кем прикрылся. Изворотливо оправдывает собственные грешки.

– Так и сказала. Ответил – очень может быть. Но лучше предстать честным перед... – она осеклась, – чем замаранным по уши презрением к людям.

– Отчего такой вдруг честный?

– Правильные решения, говорит, принимаются раз в год. Два месяца только правду.

– Какие два месяца?

– Великий пост.

– У-тю-тю! Новость. И этим побаловаться решил? А ты спроси – сам-то верит? В то, что говорит? Я бы его по косточкам быстро разложила.

Толстова отмахнулась:

– Так просто Самсонова не возьмешь. Кто по его замашкам скажет, что начитанный? Родители золото. Многое дали.

– Только не в коня овес. Одно вложили, другое прозевали. И теперь «у нашего Федорки на всё отговорки».

– Да ну его, Галь, – Толстова вздохом выразила согласие. – Мне тебя жалко.

Она действительно жалела Галину, переживала тотальное «невезение» в делах амурных и потому сдалась. Даже попыталась сгладить.

– Не обижайся, – женщина тронула руку собеседницы. – Ты ходила в театр? Ну, конечно... о чем спрашиваю... Виктора не надо уговаривать... это моего...

– Ну почему обязательно с Виктором?

– Ох, отчаянная ты баба... – Людмила покачала головой. – А мне – кремёнь, кремёнь!

– Да уж куда нам до ваших-то низвержений идиолов! – Галина резко отбросила волосы. – А вот скажи, я здесь у подруги ночевала – домой поздно было добираться, утром сплю еще, а ее кот как прыгнет мне на лицо! Обалдела! С чего бы? Как думаешь?

– Не узнал без косметики.

Подруга рассмеялась. Лицо Толстовой оставалось грустным. Она хрустнула пальцами и тихо сказала:

– Только смотри, есть любовь по расчету, а есть по просчету.

Галина Андреевна прищурилась, все еще улыбаясь, и голова закачалась из стороны в сторону:

– Ой, Людка, Людка... кто ты? – ложечка закружилась, размешивая кофе. – Как звать? Провидица? Пифия? Или блаженная? – и тут же опустила глаза, задумавшись.

С минуту обе молчали.

– Слушай, – ложечка уже была спокойной, – а Елена, помнишь, случай с Тургеневым рассказывала... на пароходе? Тот, что Панаева описывает. Всё подводила к тому, будто человеческое в известном имени важнее таланта... и если первого нет, второго быть не может по определению?

– Ну, и повороты у тебя, Галка, – Толстова тревожно посмотрела на входные двери. – Ведь только что прошли, видела. Куда понесло? А Тургенев... так и Достоевский о нем в «Бесах» то же самое говорит.

– Н-да... если так... сколько пьедесталов из песка? Кого в учебниках оставим?

– А я давно делю. И учу тому же.

– А в отношении себя как жены? Твое мнение? Такое же? Если человек в тебе весьма своеобразен, способен на некоторые, скажем... не совсем правильные проступки? – и, видя удивление в глазах подруги, уточнила: – В нас, в нас, чутких, нежных, ласковых... и не только с мужем... тогда звание «жены» какому определению подлежит? Или покушаюсь на терпимые вариации?

Толстой стало не по себе, но она промолчала.

Галина снова задумалась, снова отхлебнула и, будто перелистывая страницу, заключила:

– А может... в случае измены ни за что не признаваться мужу?

– Ни при каких обстоятельствах. Стоять насмерть, – Толстова, соблюдая ритм, медленно разорвала салфетку на четыре части, бросила на стол и звучно поставила сверху чашку. – Вот так!

Брови Галины поползли вверх:

– Ну, вот тебе «и взоры томные, и ветреные речи».

– Знаешь, иногда лучше быть доброй, чем правдивой.

Подруга вздохнула с облегчением:

– Хоть в этом мы похожи.

– Похожи, Галь. Как и все бабы. Только мотивы разные...

– Это уж как оценивать... и кому. Одинаковы они, Люд, испокон века. И мотивы, и оправдания. А называются «правдой жизни», ее модно нынче поминать и в слезах, и в литературе.

– Правда жизни?! Уволь. – Толстову передернуло. – Единственный аргумент бездарности, которая оправдывает пошлость! Читала «Русскую блудницу» Ерофеева? Ведь тоже – жизнь! И правда! Как и член у Нуриева на плакате того спектакля. Кто поспорит? И какой вывод? Писать? Ставить? Показывать? Только, правда и в том, что когда сжигали детей в печах Освенцима – они умирали не сразу, мучились! И кричали: мама! Мама!.. – это тоже жизнь! А давайте, снимем игровой фильм! С такими деталями. Да подрастняем кадры. Мук-то. Знаешь, какие деньги принесет? А вот «правдивые» знают! И актеры, Галь, сыщутся! За деньги те и уродуют своей «правдой» чужие души, прикрывая собственную разнузданность. Умирать-то в разнузданности поодиночке страшно! А вдруг все-таки суд? Нас тянут. Не-е-ет, добрым лучше, чем правдивым!

– Да он же не киношник! – попыталась сбить подругу Галина.

– А деньги от натуральных съемок подобного и на страницах пахнут! – Толстова даже не услышала замечания. – И запах у них – шакалий! Потому что... – не «правда» всё это! Или правда – не жизни. Потому что «невозможно как ни в чем не бывало, понимаешь, Галь, вот так просто!.. писать стихи после Освенцима»! Если это понимает Ольга Богуславская, критик и публицист, то я, читая ее «Сочинение на тему «Рай и ад», соглашусь и с остальным сразу.

Невозможно! Снимать картины, писать прозу, музыку... отхлебывая и затягиваясь! После «этого» книга должна только напоминать. – Она смягчила тон, – обязательно напоминать.

– Ну, приговорила! Ай да Людка! Тебе бы в прокуратуры! – Галина Андреевна была довольна. – Прямая дорога...

– Больше скажу, – перебила Толстова. – такие «художники» страшны тем, что учат, растят детей своего понимания человека. Своего. Мерзкого... понимания. Лицемерно смеясь над человеком и нами. Помнишь, как Дали называл своих поклонников? Так и эти – радуются низостям в нас. Беспомощности. Истошно крича: такова жизнь!!! Погоди, и это оправдание отбросят. Лет через десять начнут говорить моим внукам, что разнузданность – не просто нормально – здорово! Круто! А дальше будут заклинать, что необходима! Впереди сломанные души миллионов. Ими сломанные, понимаешь?!.. Дети как бы не родятся, не смогут... из-за этой гнуса. Ведь в роддоме только появляются на свет, а рождаются в семье, в окружении. От пения птиц, от цветов, от мыслей, которым тебя учат... от мыслей! Ими можно и пение заглушить, и цветы замарать, и... умереть не родившись.

– Постой, постой... Полина плела о нерожденных детях... – Галина Андреевна вспомнила разговор в театре. – Метелицы наслушалась... будто зал какой-то есть... а! – и махнула рукой, – очередной бред, короче.

– А может, и не бред! Гнусь агрессивна, алчна, плодovита. Их страницы смердят, а постановки убивают. Потом они станут телеведущими, нацепят бабочки – помнишь, что говорил Дмитрий Быков об Онегине? По-моему, на «Культуре» показывали.

Соседка сделала удивленное лицо.

– Ну? – В тоне Людмилы слышалось раздражение. – Он еще ведь и урок вел! Школьникам! Кафедра весь день гудела!.. «Пошлейшие письма Онегина!.. пустой человек... да какое у него образование!»! Только руки разве не заламывал! «А жены декабристов ехали к мужьям вовсе не из любви! И что там было!.. что там было!.. кто бы написал на эту тему страшный роман!»! И все это подросткам! Звал изгадить еще одну страницу нашей истории! Еще десяток душ. Вбивал. Мало ему...

Лицо Толстой покраснело:

– Главное – страну в сомнение свалить. Принизить значимость культуры. Величие подвига. Через насмешку, издевку... и ведь до сих пор пускают негодяя в студию! Печатают! Где понять таким слова Пушкина: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». С таких уроков и появился школьник из Уренгоя озабоченный безвинно погибшими гитлеровцами. Ошибка не в том, что озабочился, а в том, что прием-то известный. Это потом и победу отберут и его убедят. А пока – Онегин пошляк, да и подвига жен не было. Навязать исключительно косой взгляд на историю. Как литературы, так и событий. И все в один урок!

– Ну, ну, успокойся... Быков веры иудейской, простительно. Да и Пушкина вряд ли читал. Узнавать буковки – не значит понимать. Сама же говорила – пустую голову любит звон, а не мысли. Самолюбование.

– Да нет у него никакой веры. И взрослых ведь сбивает. Вон, у Макаревича башню как сорвало – видать в детстве «Быковы» учили родину любить!

– Близнецы-братья, что хочешь...

– А если бы Крым бандеровцы вырезали, как и обещали? – Людмила не унималась. – Брось Россия его? Как требовал «артист». Кстати, их отцы делали это с размахом во вторую мировую. С теми же евреями. Подзабыл в угаре самомнения? И что бы тогда пел? «Новый поворот»? На факельных шествиях? Так не спасло бы. Ни «Венедиктовых», ни «Макаревичей», ни «Шендеровичей». Потому как место им уготовано и опробовано в ту страшную войну. Безвинно» погибшими. Думать надо. А не верить, что «Тэфаль думает за вас». Как говорит мой Самсонов.

– Да что ты все Самсонов, Самсонов... заладила. Мало ли что говорит твой Самсонов.
– Не груби. Самсонов – мой муж. Правду понимает несколько иначе. «Где теплее там и родина» – не про него.

– Может, и про заповеди слышал? – злая ирония не оставляла подругу.

– Слышал. Не убий, не укради и сильно не прелюбодействуй.

Галина рассмеялась так громко, что в зал выглянула официантка.

– Не сильно... говоришь?

– А большинство живет именно так – не убивает, не крадет... остальное в меру – Самсонов правду замечает, – Толстова вздохнула. – Еще поучиться надо.

– Уж не у него ли? Больно остроумен. Не в меру.

– Остроумие всем нравится и такие люди желанны в любой компании.

– Только и по зубам такие получают чаще всего, – холодно парировала соседка.

– Именно, – спокойно ответила Людмила. – И всегда с пользой.

Галина и до этого с интересом наблюдала результат собственных манипуляций настроем подруги, но тут искренне удивилась.

– Позволь им шаманить дальше, на «уроках», сценах, в книгах, – продолжала Толстова, – будет как в Украине – брат на брата, сын на отца. «Гуляй-поле» как в гражданскую. А потом... «яценюки-то»³¹ – в Америку.

– Так у него гражданство американское.

– Гражданство у них Иудино! Будь уверена, пока люди стонут от этой мрази, я напоминать им об этом буду... как топтали, губили. Как стреляли в затылок и толкали в ров целую нацию. По смерти покою не дам!.. прости, Господи! – Людмила быстро перекрестилась и откинулась на спинку в каком-то отчаянии.

Галина Андреевна меж тем тонула в удовольствии: во, блаженная! В глазах стояло восхищение: каково! И тоже отодвинулась, сложив руки на груди – так раскрутить подругу редко удавалось. Особенно после замужества.

Толстова махнула рукой, огляделась и, довольная невниманием к ним, бросила:

– Давай о другом... что Полина-то? Кроме зала нерожденных? Ты про Метелицу спрашивала?

Собеседница ухмыльнулась, помня обвинение в «поворотах». Довольство не сходило с лица:

– Да она сама была в таком состоянии... как замороженная. На ходу перебросились – в туалет или куда спешила... а потом я в партер пробралась... чтоб с мужем-то поздороваться – так Полина будто застыла... как не видит. Тот ручку-то поцеловал и плечами пожал. На ее-то реакцию. – Галина назидательно качнула головой. – Меняемся на глазах! Вот от нее всегда была готова услышать: «Стоять насмерть». А сейчас и ты. Не-е-ет, с окружением непорядок, – голова покачалась иначе. – А вчера знакомая говорила, будто Полина вообще тронулась. Сама не своя. Может, и ты? Несколько не в себе?.. – брови с иронией поднялись. – Может, вся драматургия в этом?

– Я же просила!

– Ну, ну, успокойся. Знаешь... а я, пожалуй, пойму вас обеих... с Ермоловой. Нет, для начала, пока с Еленой Борисовной...

– И обниму, и напою... и с перстенька подсыплю, – добавила Толстова. – Эх, Галка, как ты живешь? Надрезаешь ниточки, подпиливаешь корешки... и будто рада. Своих-то уж сколько пообрезала? Не думала?

– Что-нибудь еще? – раздался голос девушки в переднике.

Действие просило недолгого отдыха. И вдруг голоса за столиком в глубине испортили всё:

³¹ А. Яценюк – первый премьер после украинского переворота 2014 г.

– Оставь это для тульских девочек! – грубо оборвал соседа парень с короткой стрижкой. – Вторая половина путинского правления – годы максимального потребительского благополучия русского народа за всю его историю. Включая царей, эпоху Сталина и брежневский застой. Россия никогда не жила так сытно, как в эти годы!

– Еще добавь: сейчас нам нужно очень много пленных! – второй пьяно захохотал.

– Не ёрничай. Любому видна открытая пасть. Сожрут и не подавятся! Зубы-то мы обло-
маем – деды научили. Но, кроме клыков, страшна иудина мораль! Прикладом не помочь.

– Говорю же – очень много пленных!

– Вот ты... опять в бабочке...

– Она не падает в суп, как галстук, если тянешься за салфеткой!

– Я не про то... каждый должен распознать главное дело жизни. Это может быть мгновение, поступок, роль, наконец.

– Роль?

– Ну, к примеру, как у Татьяны Ташковой в «Уроках французского». ³² Это тебе не лепить из бандита героя у Бёзрукова. До сих пор в роли – защитник и борец. Или «вытаскивать» фильм постельными сценами. Это пропуск на небеса! Сразу двоим!

– Намек на мои постановки? Я никого силой в койку не тяну.

– Вот видишь... и «приклад» не помог. А ведь бил прямо в зубы. Не ходил, старик, ты на уроки французского. Да и других массу пропустил... впрочем, как и я. Потому и вообразить сложно, откуда возьмется талант, который снимет подобное. То и погубит Россию. А не водка и санкции.

– А защитник и борец? Чего и с чем?

– А вотними фильм, который общество пополам расколет – сразу беги к нему. К Безрукову. Один балет в полусвинских декорациях представил, отстранили, перенесли премьеру – так самое время в ноги к защитнику – тот Путину уже надоел. Президент ему на ухо, мол, я понимаю, когда «учитель» там... Матильда, с кем не бывает, но здесь, простите, пенис и прочее... А тут и Райкин уже рядом вертится: а я тоже, Владимир Владимирович, «не верю людям, у которых, видите ли, религиозные чувства оскорблены». Так и сказал – «видите ли». Мол, свечку пусть ставят, куда ни шло, а трусы-то нам оставьте.

Обе женщины замерли, следя за диалогом.

– Режиссер! – Галина Андреевна сделала попытку приподняться. – Ну-ка, ну-ка...

Людмила удержала ее:

– Оставь. Пусть выпустят пар.

Соседка, пораженная словами, тихо опустилась на место:

– А ты, слушай, смотрела? Фильм-то? С Ташковой.

– Не могу досмотреть – плачу. Другой там учитель.

Улица меж тем жила иными мыслями, но только двое на набережной принимали ее сочувствие.

– Ты... про Галку спрашивал... – смущение выдавало Бочкарева.

– И чё? Куда тебя поволокло? Ну?

Самсонов замедлил шаг и повернул друга к себе. Тот, пытаясь отстраниться, с напускным равнодушием скользнул взглядом по голым деревьям.

– Ну! Колись! Раз начал. Что у вас? – не отступал новоявленный «Сократ», тыкая спутника кулаком в грудь.

Бочкарев с трудом освободился и пошел дальше.

³² Фильм Евгения Ташкова по одноименному роману Валентина Распутина.

– Пронюхала чего? – уже настороженно спросил муж Людмилы, лихорадочно взвешивая последствия.

– Да нет. А даже если так, – устало выдавил Бочкарев.

– Тогда чего? Или песочек в Португалии не тот? Ведь только вернулись. Как сёрфинг? Испанские сеньориты подпортили? Так пусть наши «русалочки» о том печалются. А ты в другой раз «без самовара»! – и со смешком ударил друга по спине так звучно, что заставил пожилую пару обернуться. Мужчина и женщина переглянулись, а две улыбки полетели в помощь нашему герою.

– Да какой сёрфинг?! – Виктор с досадой мотнул головой. – Волны нет, вода холодная – Атлантика. Вон, куртку себе купил, – и тронул лацкан синей замши, – с овцы хоть шерсти клок. Поехали... думал, всё устаканится, притрется. А вышло... Эта «забота», внимание... как-то натянуто... искусственно всё. Как душит. Пальчики, понимаешь, чувствую... вот здесь, – выразительный жест довершил картину. – И сейчас... тоже. А я покувыркаться в океане ехал, двух парней с «академгородка» кинул – собирались-то втроем. Отвлечься, развеяться – думал, в усталости дело. Оказалось, угадал... только не от работы усталость.

– Отель «Атлантик», говоришь? «Двухкушный номер»? – приводя слова известного комика, бросил Самсонов. Улыбки делали свое дело. – Опасается отпускать тебя одного, брат, и доложу, если понимать, с кем водишься, – он хлопнул себя в грудь, – обоснованно!

– Не... к тебе настроена мирно. В жизни, говорит натаскан. Или жизнью... Хоть и позволяет чего, но безвредный. А от вина, мол, отважу.

– Похвальное наблюдение. Но готов побороться и оправдать! «Поскольку истина в вине, то часть ее уже во мне»!

– Опять Губерман?

– А кто же? Попробую угадать ее следующий комплимент: хвалила за женитьбу?

– Точно, – утвердительно мотнул головой друг. – Только не до того мне. Всё Лариса из головы не выходит.

– Ого. Марш-бросок в прошлое? Пригнулся? Или уже сиганул? Вроде сам говорил: нельзя им жить?

– Не мои слова... Галки.

– Ну, спутал!

– Да нет, это я запутался.

– Так поправимо! – бодро среагировал друг. – Распутывают у нас в ЗАГСе! На раз! Зайдем?! – и опять хлопнул Виктора по спине. – На Киевской – рядом! Одна трамвайная остановка! Гильотина такая, в виде печати – враз сомнения отрубает. Ими там весь пол к выходным завален! Готов? Тогда прочь уныние! Или сначала «примем»? – настроение Самсонову испортить было трудно.

Теперь смеялись уже двое студентов – случайные свидетели разговора.

– Не... только не на Киевскую, – отшутился Бочкарев. – Скверные ассоциации...

– Хм, тонко. Понимаю... неудачный городишко для закладки счастья-то. Тогда пожалте на Декабрьских событий!

– Еще хуже! – Бочкарев возмущенно махнул рукой. – Да и не про то я...

– Так не тяни кота за лямки!

Виктор поморщился. Желание «исповедаться» не спешило, но и делиться больше было не с кем. Именно «неторопливостью» желание отличалось от обычных – приятных и безрассудных.

– Понимаешь, – он помедлил, – если бы как на остановке, помнишь, девчонок... или как вчера... а здесь, с ней... ну то же ведь самое, блин, только не на вечер а на месяцы, и не по пьяни, а сознательно, расчетливо. И что хуже? Понимаю... не то всё это, а ей сказать не могу. Там хоть без обмана, а здесь... надеждой. И свою жизнь корежу, и ей ломаю.

– Ты про Галку?

– Ну, да.

– У нее сломаеть! Она сама кому хошь...

– Да ты же сам видишь, рассчитывает, считает порядочным, – с досадой продолжил Бочкарев.

– Думает дожать, – поправил спутник.

– И ведь верно рассчитывает. – Бочкарев пропустил замечание. – Как приходит – помоем всё, приберет, вроде и светлее в окнах... думаю – чего еще надо? А на другой день думаю: что же ты делаешь, ну не твоя она. – Он вздохнул. – А бывает, присядет, задумается... грустно-грустно так, жалко... сил нет. И гадко мне после этого, и тяжесть на душе и... не поверишь, себе противен. Жить не хочется. Заколдованный круг, омут.

– Но-но! Жить ему не хочется! Ишь, куда заносит. Не любишь, что ли?!

– А ты?

Самсонов даже остановился.

Ведь не по «большой» любви и сам решился на поступок, который принес ему только хорошее. Да что хорошее – возможность жить по-другому, размеренно, в уюте. Только пользоваться этим еще не привык. Однако в правильности шага не сомневался. Такие мысли и заставили его ответить:

– Я любовь понимаю по-другому. Может, такая она и есть...

– А может, и нет, – Бочкарев пожал плечами. – Может, ты под другим подписался.

– Ну, хорошо, я под этим, а ты-то под чем намерился? Жить ему не хочется! – слова не давали Самсонову покоя. – Брякнешь тоже.

– Я тебе больше скажу, – Виктор не отступал. – Догадываюсь, почему самоубийцами становятся.

– Да брось болтать всякую чушь! – уже раздраженно оборвал друг. – Это вон, малолетки, неразделенная любовь... и всё такое! Зачем жить? А ты?! Крым и «Рым» прошел! Глянь на меня! – и дернул Виктора за рукав. – Послушать, так мне давно уж пора на суку болтаться!

– А ты знаешь... пора.

Самсонов будто запнулся о выступ и... замер. Такого он не ожидал. Вихрь мыслей пронесся в голове. Склонный больше к прощению, нежели к суду, мужчина лихорадочно искал повод оправдать товарища, цепляясь за каждую мелочь, каждую деталь в этом вихре; догадываясь, что Виктор многое передумал, «перепонял» этой ночью, если... решился. И все-таки, услышать такое наш герой готов не был. Никто и никогда не говорил с ним так. Насмешки, которые Самсонов «перешагивал» свободно, неудачные шутки или скабрзности в его адрес, не «взрывали» и не трогали. Даже зависть, прорываясь по неосторожности у других, была ему понятна и простибельна. Били по самолюбию – да. Оставляли осадок – еще бы! Но, как и многие из нас, «потолкавшись» в жизни, Самсонов умело защищался – возвращая обиду усмешкой, ставя неприятеля на место, впечатывая цитатами из прочитанного в неловкость. Наконец, просто игнорировал. Но есть у людей слова, которые ломают любую защиту. От них не увернуться, не обойти. Когда сказаны вовремя. Редко кто чувствует тот момент. И мало кто способен рассмотреть в них протянутую руку, не оборвать, не навредить. Ведь сила таких слов – необычайна. Они переворачивают всё. Свергают идолов и возвышают отверженных, зажигают сердца или гасят их же, оставляя дым на пепелище порывов. Даже смерть освещают подвигом, меняют цвет неба, побуждают жить так, чтобы сила земного притяжения уступала человеческому и не тянула больше вниз. «Слово» стоит за всем. За событиями, потрясениями и тишиной. Брошенное, написанное, оно возносит или толкает в петлю. А недосказанное, порою ранит – ведь обратить высокие из той когорты в чудовищные можно на раз. Потому что на два – ты убийца. И человеку доступна неслыханная сила. Только ему позволено владеть ею. Так же, как истязать «образ и подобие», тоже доступно только ему, человеку.

Вот и сейчас происходило чудо – четыре простых слова: «А ты знаешь... пора», которыми полон любой зал, день, любая ночь, улица или площадь, могли в секунды стать чудовищными. Но секунды те были даны и Самсонову: в эти мгновения он решал, как принять их – ошетиниться, отринуть или увидеть руку.

Если бы люди видели, *что* происходит в гудящем на весь мир потоке слов. Какая страшная битва добра и зла разворачивается в человеке из века в век, восхищая результатом или обдавая грязью. Но люди всё чаще и чаще остаются глухими к чужой боли. И продолжают легко поносить друг друга. «Свою бы перенести», – думают они, не понимая – своя терпима, а чужая – нет. И обретаешь, только когда отдаешь. Ведь о скрипаче знают немногие, да и то понаслышке. Остальные в легенду не верят.

Но сейчас глухота отступила. Нехотя, скалясь, по великому приказу свыше, приказу того, кто уготовил судьбу каждого.

– Я не в том смысле, – Бочкарев заметил неладное. – Пора не на суку, а как-то... выстраивать, что ли, себя. Угломониться. Тебе ведь тоже не комильфо, я вижу.

Уловив большее, нежели собственная боль, собственную неосторожность, он виновато тронул плечо спутника.

– Ты весельчак и оптимист... тебе легче переносить, – неподдельная «тронутость», участие стояли в глазах. У Самсонова напротив – растерянность, смятение, вопреки обыкновению быть скрытыми, будто в укор жестоким словам выступили на лице. Но уже просили сочувствия, надеялись. И эта «тронутость», сочувствие, очищая вину первого и выручая второго, заставили зло шагнуть назад, смятение отступить, а надежду... вспомнить плечо рядом.

– Но, брат... – тихо продолжал Виктор, – со временем придешь туда же. Лишь бы не поздно – привычка вторая натура. Переломить, это даже не сражение – войну выиграть. Редко кому везет. А иначе – плен. И пироги Людки в рот не полезут. Ото лжи. Стоять между вами будет. И высасывать жизнь потихоньку. Каждого. – И, будто помогая другу, оправдывать себя, добавил: – Людмила, конечно, тоже должна пройти...

Самсонов, не сознавая, что уже глотнул воздуха, что помощь пришла, а страшное миновало, только обдав дыханием, с тем же лицом двинулся вперед. Жизнь снова толкнула его, куда хотел и сам, с чем почти соглашался, но откладывал поворот, не решаясь.

– Ну, так же там, с Галкой-то, не понял, – промышчал он, держа удар, и посмотрел на прохожих впереди, удивительно одинаковых в эту минуту, которые, как ни в чем ни бывало, прокладывали в его, Самсонова минутах, свой путь, строили свои планы, ссорились и забывали о ссорах, верили и обманывались. Не догадываясь, что живут в эти мгновения вместе и одновременно. Накладывая свои судьбы на чужие, меняя, участвуя. Лишь подхватывая мысли и брошенные слова, а то и вообще, просто увидев, прочитав, надумав.

Бочкарев приотстал, вынул платок и высморкался:

– Да, прохладно и... пора кончать. Вот соберусь...

– Ну, ну... – муж Людмилы покачал головой. – Только «просто» не получится. Надо обмозговать... – он уже приходил в себя, – здесь надо шадяще.

– Да знаю, – Виктор задумчиво глядел на реку. – Но пора взвешивать варианты.

– Ох, дорогой, женщину не устроит никакой.

Вода, казалось, зашелестела говорком: «Никакой, никакой, никакой...»

– Если в шестьдесят ты скажешь ей, что не изменял... – Самсонов усмехнулся, – ответом будет: «Но всегда был в полной готовности»! Это из фильма. А ты не в кино – задача посложнее.

– Так и выхода нет, – усталость, неожиданная исповедь, как и весь разговор, сделали Бочкарева старше. Самсонову стало вдруг его жалко.

– Брось, Витька, придумаем что-нибудь, не скисай...

Такое обращение окончательно растрогало друга. Он отвернулся.

– Я и Ларису недавно встретил. Всё у нее по-старому... но так и не позвонила. Терпелива судьба-то... а, как думаешь? – мужчина повернулся к Самсонову. В покрасневших глазах теплилась надежда. – Телефон в этот раз дала.

– Ну, и разговор вышел у нас, – муж Людмилы уже думал о другом: засунув руки в карманы, он тоскливо смотрел на воду, стараясь понять то, чего коснулся случайно. И что зацепил в их отношениях. Старался осмыслить и оценить.

Темные гребни, шелестя, по-прежнему стремились вдаль, унося сказанное беззаботно и навсегда, чтобы разделить похищенное с другими людьми, в других местах матушки-земли. Чтобы повторить всё.

Вдруг Самсонов резко поднял голову к небу:

– Значит... говоришь... Колчака, русского адмирала, в эту самую ледяную водицу... только под лед. Ну, ну.

Бочкарев с изумлением посмотрел на друга.

ЕЛЕНА

Странное ощущение, что стена ливня разбивается о пол совсем рядом, не проходило. Прошла минута, другая, пока шок миновал. Грохочущая стена начала отдаляться вместе с контурами ванн. Елена обернулась и по знакомым створкам, еле видимым в бликах гаснущего света, поняла, что «отъезжает» вместе с ними. Всё повторялось. Пол, на котором стояла пленница, задрожал, набирая скорость, и помчал ее в темноту. Женщина напряглась: «Что делать? Что-то надо делать!».

Шум уже стих, свет померк и через мгновение превратился в гаснущий фонарь в конце тоннеля. Наконец, тьма скрыла всё. Неожиданно Елена вспомнила про адрес-календарь под мышкой. Только сейчас ей показалось странным невнимание к нему человека, который беспричинно, казалось, покинул ее. Да еще таким ужасным образом. Но с сожалением она опоздала. В перемешку чувств и впечатлений, она инстинктивно сжала кулак другой руки и облегченно вздохнула – дагерротип был с ней. «Облегчение» удивило своей неуместностью. Однако сердце не унималось – о чем-то ей всё это напоминало.

Женщина вслушалась: лязгающий гул, нарастая, нес ее в неведомое. Бегущие тени и сполохи заполняли пространство, в котором – о, ужас! дыхание перехватило – покачивалась уже створка, знакомая по тамбуру, где всё и начиналось.

«Боже! Неужели опять?! – Елена, как и тогда, вжалась в стену, лихорадочно соображая: контуры окон и дверь слева утверждали в неприятном подозрении. – Поезд! – мысль заставила ее вздрогнуть. Шум неумолимо нарастал. – Сейчас он перейдет в грохот, и потом начнется кошмар».

Вдруг догадка, которой в прошлый раз в смятении не было места, мелькнула в голове: бегущие тени оставались от света ярких панелей, «пролетавших» за окном.

«Полустанки? – лихорадочно перебирала варианты спасения мысль. – Я выхожу не там? Сколько?.. таких остановок в моей жизни?!» – голова инстинктивно повернулась вправо: так и есть! Стоп-кран!

Двери, стены и проемы тамбура начали изгибаться.

«Началось! – резануло в голове. – Врешь! Я знаю, что будет! Ты каждого уносишь дальше, если тебя не остановят! Но я уже другая!» – женщина, с трудом сохраняя равновесие, повернулась, переложив дагерротип в другую руку и сделала шаг вперед. Вагон сильно трянуло. «Ой!» – успела вскрикнуть Лена, зажмурилась и рванула кран на себя. Гул перешел в стон и потонул в скрежете металла. О голову что-то ударились, ее бросило на пол, но тут же, словно по льду, понесло вперед, туда, где секунду назад виделась переборка.

Всё стихло. Журчание воды напомнило, что жизнь продолжалась.

– Ты вернулась.

Тяжелый вздох не дал владычице-тишине разделить с ней минуту, которую подарила судьба.

– Из зала удивительных снов ты ведешь за собой мужчину. Зачем? – голос, такой знакомый, ровный и такой желанный после всего, что произошло, казался чудом.

Елена подняла голову. Она снова была в зале с яшмовыми стенами, снова слышала водопад, видела кручи гор, а в глубине – пленника этой красоты. Метелице показалось странным, что не было боли – ни физической, ни душевной, лишь сожаление о пережитом, как о чем-то лишнем и ненужном, в том удивительном сне, который не хотела также увидеть вновь. Однако не было и радости. Лена с трудом поднялась.

– Но я одна, – прошептала всё еще дочь и жена. – Со мной никого нет.

– Есть. Он рядом. Как и с другими. Я должен был предвидеть, – Великий Слепой оставался в прежней позе.

– Безухов?! – тихо вскрикнула наша героиня.

– Мы не знакомы.

Елена вскинула голову:

– Так получилось. Но ведь это всего лишь сон? Не правда ли? – с надеждой миновать какую-то угрозу в ответе, спросила гостя грез, иллюзий и разочарований.

– Не так просто. Если бы все просыпались рядом с кем-то из своих снов... Или в том месте.

– Не хотелось бы... – вспомнив события, что привели ее в старую Москву, ответила женщина.

Слепой усмехнулся.

– А как же быть, если жизнь и есть главный сон? В котором ты однажды пробудилась.

– Почему же тогда все видят одно и то же вокруг? Как глаза ребенка, только открывшись?

Мир одинаков для всех.

– Ты помнишь виденное при рождении?

Две складки на лбу Лены жили мгновение:

– Нет.

– Если бы кто знал, что увидел и почему закричал.

– Последнее, кажется, объяснимо. Больно.

– Увы. Один философ вопрошал: как же нам помнить то, что было до рождения? Если никто не помнит и первого дня.

– А разве... что-то было до?

– Человек, слова которого я привел, приподнимал завесу: «Христианство – это жизнь без смерти, а не жизнь после смерти».³³

– Христианство? Здесь? – Лена обвела взглядом зал.

– Еще ни один ребенок не захотел в этот мир. Сюда. Он принимает его за кошмарный сон, где не дают просыпаться. Потому и кричит. Отчаянно. Хочет жить дальше там, откуда пришел. Но потом мы свыкаемся... и принимаем кошмар за жизнь. За нормальную жизнь, считая и себя такими же нормальными, как мир вокруг. Начинаем жить по его жестоким законам, думая, что не мы, а кто-то дал нам их, полагая, что иного и быть не могло. Вряд ли задумываясь, что каждый получил такую «жизнь» от кого-то и кому-то... передаст.

– Что ж, выходит, не рожать?! – робко возразила гостя и покраснела.

Слепой будто не слышал:

– Ведь жизнь одинаково получают и головорезы, и негодяи, и добрые люди. Последних всегда было меньше. А в наступившие времена... – тяжелый вздох не дал состояться приговору.

– И все-таки, ответьте.

– Люди привыкли к удивительно простым ответам. И легко принимают их. И никто не спрашивает: для чего им дана жизнь? Для чего сами дают ее другим? Всё чаще торгуясь и оценивая выгоду.

– У кого? Можно спросить?

Пленник будто не замечал вопросов:

– Люди привыкли искать мистику, ждать чуда. Вот... маг белый или колдун сразу ответят, почему в пожаре погибла семья, или в чем причина странностей дома, в котором живут люди. И даже поговорят с умершим сыном. Вам всегда дадут, чего вы ждете. Только сын будет отвечать по-разному каждому колдуну. Ибо разным демонам служат они.

Женщина молчала. Водопад с готовностью заполнил паузу нарастающим шумом.

³³ Чаадаев П.Я. «Отрывки и разные мысли».

– Ожидание чуда ведет даже в церковь. – Шум стих. – Очереди стоят к иконам за исцелением, за помощью. Но никто не просит помощи в постижении собственной порчи, поврежденности. Не просит чуда излечиться от неспособности видеть себя погибающим.

– Что же плохого в ожидании чуда? Не самое страшное в жизни, – Елена не понимала последних слов. – Раве плохо желать поправить что-то им?

– Его дадут. И купятся все. Ибо сила желания чуда слишком огромна. Но женщины связаны с ним особо. С ожиданием. Оно – величайшая трагедия. Потому что в явленном померкнет всё.

– Женщины? – Елену как ударило. – Что же такое произойдет?

– Одна из вас родит антихриста.

– ???

– Сына погибели.

– Я ничего не слышала об этом, – гостья испуганно покачала головой.

– Что ж, это не самое страшное в жизни, как ты сказала. – Слепой усмехнулся. – Иначе... вы боялись бы рожать. Я лишь обозначил пропасть. Между небом и землей. Ответом, который ждешь от меня и новыми мотивами рожать, которые посягнули на святое. Еще между совестью и долгом.

– Совестью и долгом?!

– Долгов у всякого много и половина чужих, навязанных. А совесть одна и своя. Жены как раз между ними... с проступками, исповедью и слезами. Но среди вас одна... – Лена рефлексивно поежилась. – Каждая думает, что это чужой ребенок может выпить уксус. Помнишь? Но не ее. Не так ли? – пленник замка повернул к ней голову. – И родит чудовище другая. Однако и дьявол был красивейшим из ангелов. От красоты же антихриста мир остолебенеет!

Метелица стояла потрясенная. Недавнее отчаяние, которое сменилось было порывом, надеждой, возвращалось.

Слепой читал мысли:

– Совместила? Отчаяние и решимость. Долг и совесть. Красоту и трагедию. Притягательность свободы и чудовищность последствий.

– Подожду... – выдавила женщина. – Не совсем понимаю.

– Тогда помогу. Антихрист будет управлять молниями, погасит Луну, станет двигать горами и... убедит людей в своей божественной природе. Требуя одного – веры ему, а не кресту. Всего-то. В доказательство – любое чудо. Которого так хотите. Но купит именно свободой – изобилие удовольствий поразит. Именно тогда и будет разрешено всё. А верные другому погибнут.

– Я читала Апокалипсис и знаю, что его приход на землю – главный признак конца света. Потому и безразлична к воплям о конце времен чуть не каждый год.

– Ты не уловила главного. Люди поверят ему. Разнузданность перестанет быть кошмаром. Границы падут, буйство желаний затмит разум. Всех! И человек начертает символ зла. Даже младенцам! Что тебе после этого потомки? И нужно ли рожать? Быть может твой ребенок будет среди первых, кто откликнется злу? А может прервать род? Как знать, в чьей родословной ген чудовища.

– Ужасно, если так...

– Ты повзрослела. Держишь удар.

– Спорить не буду, – голос Елены звучал глухо. – Хоть не постарела, спасибо и на том. Если другие прошли бы через моё... держали бы не хуже.

– Уверенность за других или гордость за себя? Что ближе?

– Я не хочу об этом думать. Хочу только одного: отправьте меня к маленькому папу. Я бросила его, не подумав. И... мне нужен другой вход в Колизей. Не во сне.

– Тебе опять нужен Колизей... – голова Слепого опустилась.

– Вы будто удивляетесь?

– Мне казалось... муж.

– Андрей?

– Я сказал муж. Ведь он бывает не по паспорту.

– Пожалуй, так, – плечи нашей героини поникли. – Но... за отцом в Колизей отправился Андрей. Я знаю.

– Не за отцом, за ответом.

Женщина удивленно подняла глаза.

– Я напомним вопрос: какова цена бессмертия? И кто платит.

Лена безучастно пожала плечами – ее волновало совершенно другое.

Слепой двинул рукой, цепи загремели.

– Скажи, – вопрос был неожиданным, – что нужно совершить, чтоб не родить чудовища?

Гостья вздрогнула:

– Как? Этого можно избежать? – самообладание колебалось. – Не сделать... – слова отдавали болью, – это мне?! Вы хотите сказать...

– Ступай.

– Нет! Скажите! Ради всего святого, скажите! – голос перешел на крик.

– Не знаю, – Слепой опустил голову еще ниже. – И если бы знал, сказать не дали бы. Но до шести лет чудовище будет розовощеким малышом.

Лена готова была разреваться.

– Вот и всё, что мне подвластно. Оно будет служить тебе, – эти неожиданные слова остановили. – А теперь ступай.

– Куда?.. – несчастная огляделась. – Я заблужусь... снова.

– Заблудиться можно только в жизнях... продолжая не свою... а придуманную, – пленник герцога коснулся пустых глазниц, голова начала подниматься, пальцы медленно сползли по лицу. – Запутаться в отношениях, обмануться в спутниках, а потом скинуть себе цену и укрыться от совести, сводя счета, мстя за потерянные надежды, неразделенную любовь. И снова обманывать себя, думая распутать отношения, найти «подруг», разделяющих оправдания, одобряющих поступки. Но таких же несчастных. Которые лишь играют в сочувствие. Порой сами веря в него. Остановись, остынь... всмотришься и поменяй. Вернись в начало. В детство.

Эти слова Лена прослушала, замерев, понимая лишь отчасти.

Слепой взялся за поручни, чуть подался вперед, желая выпрямиться, но резкий рывок остановил движение. Попытка стать ближе к тому, чего не мог увидеть, не удалась. Цепи звякнув, решили по-иному. А тело, сожаление о котором незнакомо металлу, подчиняясь, опустилось назад. Он, металл, не причинял телу вреда, не мог толкнуть на низость, пока однажды в его семействе не родился желтый отпрыск, который вырвался и стал свободным, украсив оковы блеском.

– Господи, ведь оковы – ваше желание?.. – прошептала Лена. Слезы навернулись на глаза. Женщина даже не смахнула их, понимая – никто не видит.

– Ты можешь только мечтать о них. Так просто их не получить.

– Не получить?!

– Тебе ничего об этом думать – ты не принесла надежды. Обманула ожидания. Ты оставила мальчика, потеряла книгу и даже... прошла мимо меня.

– Я не хотела никому плохого! Не хотела причинить боль. А сейчас... мне нужно просто вернуться туда. Помогите! Просто вернуться!

– Другого мальчика... оставила другого... Не осознав преступную публичность доброты...

– Да за что же... – рыданий было уже не удержать. – И сейчас... – Лена стояла посреди зала, отчаянно смотря на Слепого. Ладонь касалась губ, приглушая всхлипывания. Другая сжимала дагерротип, поддерживая книгу. Пошло несколько минут. Всхлипывания гасли.

– Ведь у меня были и другие поступки... – тихо произнесла женщина, вытирая слезы. – Много. Я искупала, верьте!

– Взрослая... – сидевший поднес скованные запястья к глазницам, будто рассматривая: – Что мне оковы... сбросить их – одно движение. Хочу потяжелее, да не дают. И не на руки, на стихию, бездну, страсть...

– Мне кажется, если бы вы могли видеть, о многом судили бы по-другому... – Лена и сама понимала, что сказала глупость, но тот перебил ее:

– Я уже был зрячим. Когда-то. И поступал как все. Старался избавить мир от боли в нем, угнетения и зла. Долго шел, чтобы понять – заботы пусты, а траты радовали только зло, отвлекая от главного. Не вычленив из времени зла – оно само поражено им и только исчезнув, время прекратит соучастие в преступлении. Утянет причину в небытие. А тогда... – Слепой на мгновение умолк, потянул вверх сжатый кулак, железо неодобрительно звякнуло. – Тогда я уже понимал коварство улетающих минут, лет и соблазнов. Вселживость времени. Но не верил во всеисилие его!

Кулак с силой ударил в камень поручня.

– Я решил дойти до зала власти над ним, прекратить владение мною, желая только этой свободы. Поток дней сводил меня с людьми, подталкивал к действиям, стараясь подчинить, «вправить» в «назначенную» мне колею... но я избегал неискренности в людях, противился идолам сотворенным ими. Срывал маски, что плясали в жутком Хэллоуине той борьбы за иллюзии. Я не исполнял навязанного, не «вправлялся» и поднимался выше. Выбирал случайных прохожих и назначал свидания им. Сам, волей и разумом прокладывал собственную дорогу, создавая нужные мне события, а вовсе не те, что набегали на меня. Жизнь менялась. Я видел искаженные в ярости маски. Но шел. Шел посреди толпы, плюющей мне вслед, обливающей грязью. Ничего из этого не коснулось меня. Им только казалось. Они опаздывали – я опережал момент... или напротив – отодвигал, меняя обстоятельства вопреки. Сам писал свою книгу. Однако время все еще увлекало, подталкивало, сбивало.

Слепой вдруг выпрямился:

– Боже! Как долго я отвыкал от ресторанов и гортанобесия!

При этих словах рот гостыи приоткрылся, а книга скользнула из-под мышки, но она успела подхватить ее.

Пленник неумело кашлянул и, казалось, смущенно отвернулся. Голос зазвучал в сторону:

– Я презирал время... но до зала власти над ним было еще далеко. Как я злил мир! Какие казни мне обещали! Как ненавидели и насмехались надо мной те, что проносились мимо в обнимку с ним! Но я был упрям. Если велели признавать великим кого-то на земле – я не делал этого, зная, что каждый – велик! Эта горсть брошена в тебя, в него, в каждого при сотворении! Когда звали поклоняться очередному лозунгу – я смеялся над ними, бросая им под ноги такие же вековой давности! Если склоняли дать согласие и обрести, я не поступался и терял, приближаясь к цели. Мне говорили: прими! Это нравственный закон новых поколений! Ценности цивилизации! Разве не видишь?! Мир изменился! Я отвечал: нет человека, способного изменить нравственность во мне! Совесть неподвластна эволюции! Вы меняете только бытие и толкаете в катастрофу. Закон был дан изначально один, как и ценности! Новых не придумать! И не написать! Вы способны только оболгать! Наполнить грязью и подать как билль заботы о других! Но Гимны человеку остаются! Они звучат торжественно и властно. Вам не услышать – глухота роднее.

Говоривший не скрывал волнения. Лена в изумлении молчала.

– Меня звали спорить, бороться и отстаивать – я оставался в молчании, радуясь спокойствию и гармонии. А крики: Пришло новое время! Нужны новые заповеди! Нужна новая церковь!.. – не трогали меня. Я узнавал старые маски и тех же пляшущих, которых ждали уже когда-то на балу... пылающих.

Он вздохнул, но то был вздох не горести – облегчения.

– Господи, зачем?! – Лена воспользовалась паузой, мало что понимая. – Почему бы не жить как все? Ведь люди верят, что поступают правильно! Искренне. А раз так – повторяют поступки.

– Их убеждали в этом десятилетия и наконец, удалось! Да разве нацизм был неискренним?! И разве люди, став нелюдями, считали себя безумцами? Сколько тебе лет?! И сколько этому крючку! Те поверили в ложь тогда, в правильность и нужность. Ты – сейчас! Заклинания работают! Мотивы одобряются! Человек готов верить всему, что сохранит его благополучие!.. – на этом обещании строят всё. И всех! Уже сколочен «новый» крест, отсыпали Голгофу и снова тянут на нее святыню!

Голос уже гремел.

– Совершается великое предательство! Но пришел черед великого пересмотра! Не заповедей! А имен, иллюзий и парадигм! Кто-то должен сорвать маски! Начать! Все новые идеи и подходы – старые, как ископаемые кости! По этим «новым» – уже когда-то убивали, насиловали, жгли! Это они, ископаемые, вытолкнули человека из Рая. Это они стаскивают гробы с чудовищ прошлого и водружают ложь на пьедестал! И с каждым годом изворотливей, гнусней. Другое время пробудилось тут! – Слепой ударил в грудь ладонью. – И просит возвращения домой! В родную гавань. Запомни, Крым – везде, а не на Черном море! Пора нам дать проливам имена. Другие. А библиотекам почистить каталог! Открыть дорогу свету. Чтоб родников журчание услышать!

Шум водопада одобряя, заполнил наступившую тишину. Несколько минут ушли на осознание сказанного. Наконец, способность говорить вернулась к женщине.

– Получается... – слова давались с трудом, – поступать наперекор всему, что составляет жизнь... хорошая она или плохая? Обстоятельствам, в которых живем, наперекор окружению, логике?

– Чьей логике? Той, которая подсказывает? – пленник усмехнулся. – Той, что «вмонтирована» прошлым опытом, именами? А, значит, временем? Оно предало нас, если такая логика ведет к гибели всего живого вокруг. Разве не это происходит на земле? Или мы стали меньше убивать друг друга? Чем триста лет назад? Или отодвинули порог перед катастрофой? Ты еще увидишь, сколько погибнет в этом веке...

– Я?! – вскрикнула женщина. – Я ничего не желаю видеть!.. – и тут же поправилась: – Я не хочу дожить... – и осеклась.

Мимика лица пленника выразила огорчение:

– Эх... Лена, Лена...

Он впервые назвал ее по имени.

Гостья в изумлении замерла, но тут же выкрикнула:

– Я уже Елена! Мой фонд... я!.. помогаю детям!

– Твой? Елена? И где же точка ужаса, надлома? С каких пор что-то на земле стало чьим-то? Зачтется лишь тайное добро – не слышала? Всего три слова могут покорить вершины, стать выше любых денег! Помнишь? Надпись? «Папа, не пей!» – в них «благо» и «творение» – совпали!

Дыхание остановилось. Память возвращала в детство. Давным-давно они с бабушкой возвращались с юга. В окне вагона проплывали бесконечные окраины Москвы и такие же бесконечные ленты гаражей, исписанных подростками. Но эти слова, которые произнес Слепой, бросались в глаза любому пассажиру – во всю стену, красной, режущей взгляд краской они

кричали: «Папа! Не пей»! Крик тот, оставленный такой же девочкой как и она – Лена была уверена в этом, долетал до тысяч людей, которые проносились мимо. Тысяч глаз. Впитывая боль, делая во мгновение другими эти тысячи. Сколько человек вздохнуло, подумав о своем. Сколько заставил уйти в себя отчаянный крик! Сколько понурить голову, вспомнив дочь или сына.

– Бабушка, а почему она это написала? – спросила тогда Лена.

– С горя, милая, с горя... давай-ка собираться, скоро вокзал.

Внучка не знала, что такое горе. Оно представлялось ей какой-то вредной теткой, с большой сумкой и веником под мышкой. Детство спасалось от горя воображением, не зная – визит его не за горами. Встреча назначена каждому.

Жизнь потом дала много поводов вспомнить случай. А сейчас Елена была уверена – тогда, в детстве, провидение явило ей пример великой силы слова. Простого слова, освятившего место, где маленькая девочка встала на защиту своего отца и заслонила детской рукой от оскала зла тысячи чужих. Ей хотелось верить, что слова те и сейчас не были стерты, кричали, помогали и несли.

– Их писала девочка из прошлого, – Слепой читал мысли.

– Из какого?

– Ты хотела спросить: из чьего? Из твоего прошлого. Когда карета двигалась по улицам старой Москвы, такая же девочка сидела на финальном матче по регби и ждала... с грустными глазами. Тебе не знакомы глаза детей.

Лена вскинула брови, но тут же опустила.

– Они еще не могут понять, не могут распознать гибель, принимая ее за образы «взрослой» жизни, за норму. Но вот, однажды, кто-то рядом меняется... и пелена обмана исчезает – ваш сын, дочь видят уже «другие» глаза отца, матери, людей. Постигают обман. Душа ребенка и первый рубец. Несовместимые вещи слиты. Доброта искривлена. А тепло рук становится лишь памятью. Как бы те не обнимали. Душу не пленили еще новые «заповеди» – лишь коснулись. Но крик от боли – уже на весь мир. На той самой стенке.

Лена бессильно молчала.

– Душа ребенка не может так кричать, если мир правилен. Вторая, со стадиона, увидит еще тысячи детских теней на асфальте Хиросимы – города «победы» тех «заповедей». Именно тогда был сделан выбор: чтобы кому-то жить, надо кого-то убить. В категорию «кого-то» один «человек» вписал детей. Не счесть памятников ему. В Израиле названы школы, больницы, библиотеки. Его именем. Заметь, даже умирая, он мнил себя человеком. И зеркало не содрогалось, не плавилось, не рассыпалось вдребезги. Снесло. Что оно тогда?

– Господи, – прошептала Лена, – мертвые сраму не имут... оставьте его.

– Увы. О мертвых только правду! Иные мертвые так страдают и мучаются, что лучше бы им оставаться живыми.

– Зачем?

– Чтобы дожить до «Нечаянной радости».³⁴

– А... вторая девочка, вы сказали увидит...

– Бедняжка знала о своей роли в трагедии – она вскрыла черный конверт. И тоже написала на стене слова, пытаясь изменить чудовищный выбор. Но человек не любил читать и насмеялся над «Словом» каждый день. Хотя в нем текла ее кровь.

– Родная кровь?! Знала?! Какие слова?! – параллель повергла Лену в шок. – И кого ждала?!

– Она думала, что стала матерью антихриста. Но Бог миловал ее и подарил встречу.

– С кем?!

³⁴ «Нечаянная радость» – православная икона.

– С проходим. Вы не замечаете их днями, годами... Незнакомых и случайных. В поездах, на улицах и в переходах. Глаза ищут уже другое. А не великую доброту внутри. С которой начинается жизнь. Девочка ждала его, чтобы спасти тысячи жизней. И не в обмен на чужие.

– Девочка дождалась? – не вполне сознавая зачем, спросила гостя.

– Дождалась. Она попала на страницы и «Нечаянная радость» обняла ее. Мне хочется, чтобы и ты услышала когда-нибудь тоже: я пришел за тобой... дай руку.

– Что же он значил для нее, и что сделал такого?! Если ... – с каким-то отчаянием спросила Лена.

– Всего лишь поднес чемодан и не взял денег.

– Да разве... ради этого... не может быть!

– Однажды кто-то вымыл ноги своим ученикам... а мужчина – только ей. Но ничего важнее не было в его жизни. Он искал по всему свету любовь, которая одна не дает теням и шанса, оставляя асфальт для игры в «классики». Встреча искупила всё. А призраки исчезли.

– Как исчезли?! Этого не случилось?!

– Этого не случится никогда. Чисты страницы. На их просторах поплывут назад знамена крестоносцев, глотающих великое Имя. Там копия все летят обратно в руки. Страницы стены поднимают из руин. А бомбы все вернут назад, пославшим. И тени там трусливо убегают.

– Одна встреча?... и всё решится? А у меня? – Елене от-чего-то стало страшно. – Будет?

– Ты хочешь заглянуть в черный конверт – он ходит по рукам до сих пор.

– Да что в нем?! – отчаяние вернулось.

– Черные страницы каждого.

И тут Елену будто ударило током:

– Вы... вы хотите сказать я узнаю и... можно переписать?! Но ведь это прошлое. Есть и белые, и с пометками. Наконец и черные. И ничего уже не поделать...

– Многие верят.

– Боже, да я хочу просто жить! Делать ошибки, ездить отдыхать... хочу детей, – в тоне слышалась мольба. – И ничего никому не делать плохого!

– Не вышло ни у кого. За всю историю. Не выйдет и у тебя. Только через боль.

– Господи! А можно избавить меня от конверта? И вообще, от всего этого! – Лена обвела рукой зал.

– Проще простого. Пожалуй, единственное, что не требует усилий. Избавиться от правды можно когда и как угодно... хоть сейчас. Одно твое слово.

Такого предложения ей никто здесь не делал. Сердце Лены забило в радостном предчувствии. Она набрала воздуха в грудь и громко сказала:

– Так давайте же... – с губ чуть не сорвалась непоправимое, как и однажды, в солнечный день в Эдемском саду. Но женщина сдержалась. Ей урока хватило.

Слишком дороги были люди, ради которых пустилась в путь. Слишком много заплатила она, чтобы вот так, просто, сойти. Да и что сулила эта станция? Потерю мужа, отца... кого или чего еще? Возвращение куда? И хотя надрыв, с которым рванула ношу на себя, еще ныл, кровото́чил, выхода не было.

– Господи! – прошептала несчастная. – Пусть впереди не будет только хуже... иначе я просто умру. И пусть я ничего не сделаю плохого людям. – Мысли пронесли и погасли в тяжести решения.

– Я верил. В твой выбор, – голос звучал уже ровно. – И тени содрогнулись. Новых «Хиросим». Секунду назад ты обняла прохожего, говоря: «Всякий велик»! Судьба народа как и человека – его судьба. И никого другого. Изворотливость, коварство зла делает чудовищем всякую революцию. Смутьяны вечно во хмелю угара.

Тут Лене что-то в движениях мужчины показалось странным: голова склонилась в одну, потом в другую сторону. Пустые глазницы при этом оставались на месте, будто изучая гостью, словно выдавая неполную слепоту пленника. Она поежилась.

– Оглядись – сколько сытых и довольных даже не слышали о тенях! Не во дворцах – в трущобах. Считая себя зрячими и представь – живыми!

Женщина побледнела – это были слова мужа.

– И все вершат самоубийство. Ругая невестку, даже не ведают: будь другая – повесились бы.

– Боже, что вы такое говорите...

– Кто увидит в калек укор, говорящий о надуманности собственных жалоб? Несчастный протягивает не руку, а конверт – тот самый, черный, с ранами на вашей совести. Лекарство предлагает, а не просит. Ведь подавая, лечите себя. Но тратят на другое. Горе покупая. Потому что без главной заповеди, – кулаки мужчины снова сжались, – «Да любите друг друга», вы уже калеки. И всё пойдет прахом. Да разве не читала Бунина?! Второй том? Госполитиздат, восемьдесят третий год?

Метелица, уже не удивляясь обороту, опять вспомнила Андрея.

– Люди научились так изощренно топтать человеческое в себе, что онемел и главный инквизитор. Они объявили бесчеловечной веру, которая лишает их свободы! Да! Вера лишает их этого. Первая цензура. Ибо совесть – есть ограничение. И жизнь – цена запрета, данного в Раю – не вкушать ее! Свободу! Но тянутся к запретным плодам и умирают...

Лена не могла уже просто стоять и слушать. – О, боже! – произнесла несчастная, закрывая глаза ладонью. – Mamочка, мама, как ты там одна... – спасительная мысль о доме была отчаянным шагом разума, которому все равно как защитить плоть. Пусть на секунду, на мгновение. Право быть холодным, обретенное с кисловато-горьким вкусом того самого плода, не принесло человеку счастья. И сослужило плохую службу. Но не в этот раз. Разделенные временем и пространством, двое – мать и дочь, продолжали чувствовать друг друга, связанные незримой нитью, что сменяет пуповину новорожденного, становясь прочнее всех начал, сильнее всякого зла, храня и передавая отпечаток великой доброты, о которой и говорил закованный в железо. – Mamочка, – повторила наша героиня, – ты даже не представляешь, как мне тяжело, как не хватает тебя. Но обещаю, они не дождутся еще одной потери, еще одного шрама на твоём сердце – я смогу, – ладонь опустила, глаза смотрели уже прямо, – я вынесу, пройду и пронесу.

А голос будто добивал:

– И люди трудятся, не покладая рук, «обрастая» и накапливая, забывая, что именно «любящий деньги, именно такой человек чужд лени более других... слышишь?! – чужд!.. – ибо ежечасно повторяет слова Апостола: Не трудящийся, да не ест!.. а руки мои послужат мне и живущим рядом»!³⁵

Елену будто ударило током:

– Да неужели и... труд... не благо? Да как же?! Как принять?! Разделить такое?!

– Порабощенный наживой трудоголик никогда не сопьется, повторяя: я делаю это во благо и для людей! Как и жаждущий места своему имени на обложке глянца. Но оба посечены ржавчиной, и оба прах.

Лена только качала головой. Узнавая себя, своих знакомых. Невероятная связь взгляда принятого и того, что слышала убивала. Обыденность событий и неожиданных последствий такой обыденности давно не удивляла. Но слова касались ее близких, касались ее самой. Гвоздили.

«Неужели накормить ребенка грудью – всё, что осталось от хорошего и доброго? – горько усмехнулась женщина. – Неужели тепло короткой встречи с любимым, нечастая радость – такое

³⁵ См. «Лестница». Преподобный Иоанн Лествичник. Книга основ христианской этики. VI век н.э.

же зло? В этой-то жизни?! Пусть вне семьи? А искренность той теплоты? Куда девать ее? Она же была. Не наваждение, а теплота. Ведь я дрожала, чувствуя ее! Но были обязательства... обязательства...

Лена судорожно сглотнула от режущих воспоминаний.

А короткий отпуск вдали от суеты, жалкий остаток той же радости? Нет! – в ней снова что-то поднималось. – Неужели это преступление?! Неужели человек наслаждался жизнью, цвёл и дарил только однажды? В саду Эдема, где их было только двое? – Горечь душила. – А как же всё это? Потом? Зачем вообще существует страсть? Зачем тогда мужчина и женщина? Зачем нам глаза? Если это просто влечение плоти, почему отношения сохраняет старость, когда плоть бессильна?

Метелица вспомнила рассказ матери одной знакомой.

Почему жива трогательность, боль за близкого когда-то человека? Души боль? Нет, в этих порывах есть мораль. Пусть приниженная, осуждаемая, человеческая. Выходит... черный конверт... – невероятная мысль обожгла, – не такой уж и черный...».

Сердце заколотилось с утроенной силой.

Сейчас, здесь, в этой круговерти проблем «нечастая» радость, десятки ее мгновений показались вдруг россыпью таких же дорогих минут, как и остальные в череде лет и ошибок.

Неожиданная мысль, перемежаясь кадрами детства, моря, замужества, странного от искренности одного и холода другого, некой неуклюжести, неухоженности отношений, представляла иной, в кадрах темно-синей глубины бездны. Откуда Лена, будто во сне, пыталась вырваться тем «нечастым» и тянула, тянула изо всех сил кого-то за собой. Она помнила, что видела уже все это. Где-то, в каком-то эпизоде жизни, в забытии. Вязкая, тягучая боль сознания, как и боль от усилий всплыть, должны были вот-вот кончиться, свет уже пробивался над головой. Наша героиня, как и тогда, посмотрела вниз... и закричала – то, что держала в руках, оборвалось и медленно гасло в глубине. С надеждами вернуть и примирить.

– Вот видишь! – голос оборвал кадры.

Великий пленник будто не отпускал ее мысли на свободу. Будто порождая их, останавливал, где хотел.

– Успокойся. Так происходит со всеми. Такие нравы. Ведь нынешний век – время отчуждения. Жен – от мужей, детей – от родителей, молодых друг от друга, семьи от устоев, а веры от человека. В духе этом, ранящем, чуждом, смешалось всё. Стало реальностью. Глотком. Даже дельфин меняет кожу каждые два часа.

– Да что ж ищу я?! Тогда?!

– Отца и мужа. Во времени другом. В объятиях других. Таких же как твои, что прежде испытали. С одной лишь разницей...

– Какой?! Какой же, ради Бога!

– Отсюда ты уйдешь с ответом! – так громко Слепой еще не говорил. – Время наказало меня. Ты следующая. Внимай. – Он выпрямился.

– Я?!

– Оно безжалостно похитило мой путь. Мои победы. Я оступился... и потерял всё, – пальцы потрогали глазницы. – «Ты противился мне... – сказала время. – Попробуй противиться сестре ночи – беззвездной и безответной. Без шепота мерцания светил, которые доносят людям их ничтожность. Без «прóлива» Луны на гладь озер». И... – сидевший запрокинул голову, будто вглядываясь во тьму сознания, – время бросило меня в начало. Родило слепым. Как и тебя недавно... взрослой.

– За что ж меня?! Я ничего не просила! Не противилась ему! Не совершала! Я не говорила со «случайными» прохожими! Мне всё нравилось!

– А теперь? Нравится?

– А что? Что я натворила?! Чтоб испытать такое?

– Да разве согласие на грезы – результат? Ошибок. Сбежать, увидеть, насладиться. – он усмехнулся. – Всё впереди. Ответ и плата. Цени награду.

– Награда?! Что я пережила – награда?! Мне только бы найти Андрея! Всего лишь! И... проснуться! Я знаю, знаю, знаю... – сжимая зубы, пробормотала Лена, – это сон! Сон! – уже кричала она, бросая руки вниз в такт словам. – Помогите же мне! Помогите...

Зажатый в кулаке дагерротип, сочувствуя хозяйке, даже нагрелся от волнения, но забота о себе перебила: «Так вляпаться! – подумалось куску железа. – Тесно...дохнуть нечем... что за привычка у людей делить страдания друг с другом. Но со мной! Не выронила бы. А то опять в песок... бр-р-р. Уж доиграть бы роль. А то... мочи нет слушать».

В этот же момент Слепой повернулся на крик гостя и отчеканил:

– Награда. То, что пережила – награда. И в той морали, тронутости, боли. Приниженной, но все же человеческой. И в каждой – воз тяжелый неудач.

Кандалы снова звякнули, недовольные уходу от ответа.

Елена только качала головой от переходов и признаний.

– И все-таки... – пробормотала она, скорее чтобы удержать сознание в руках, – вы заперты, в плену и добровольно... но зачем? Вы не ответили тогда.

– В плену? А ты? Свободна? Мы все в плену, в своем и добровольно. А степень плена каждого – вот здесь. – Он коснулся пальцами головы. – И плаха... и топор. Сюда... сама решилась.

– Но я-то была маленькой и просто размечталась! Мое желание понятно и прости-тельно... но вы?! А другие? – Лена кивнула на двери с медными полосами крест-на-крест.

– Всем движут грезы получить власть. Над чем-нибудь. Вот ты – над оправданиями. Пути, как варианты и предметы неисчислимы, но ведут сюда, во дворец, – он повернул голову к ней.

– Так что же делать?!

– Не оправдывать себя ни в чем. И никогда.

– Но ведь поступки все различны. И мотивы. А люди? Одни и те же в разных временах... – она не договорила.

– И только двое пожелали власти над временем других!

– Это герцог! – вспомнив слова хозяина дворца, воскликнула Лена. – А второй... вы?

– Нет. Твой отец.

– А вы?

И тут смысл сказанного дошел до нее. Яшмовые стены пошатнулись, пол качнулся. Женщина сделала шаг в сторону, чтобы устоять... и в тот же миг книга, выскользнув из-под локтя нашей героини, упала на пол, зашелестев. Лена рефлексивно присела.

Слепой насторожился.

Метелица подобрала книгу и медленно встала. Слезы заливали лицо:

– Он жив? Папа? Только скажите правду... я стерплю, я выдержу!

– Не знаю, – Слепой отвернулся. – Но его время истекает. Месяц, в котором не бывает листопада, не может длиться бесконечно. Так говорил один замечательный человек. Замечавший всё. Только этот месяц у нас в руках. И в твоих тоже.

– То есть... папа может...

– Да.

– Но что за месяц?! Какой листопад?! – скорее в отчаянии, чем осознанно вскрикнула Лена.

– Человек опадает также. Уходят силы, разум, способность верить. И ничего уже не поменять.

– Но зачем?! В наших руках? В моих... – Лена, не понимая слов, растерянно подняла руки с календарем. – Ничего, кроме... – и тут же смолкла.

– Отец хотел изменить твою молодость. В тот, первый раз, он увидел «всё и одновременно». Получив над временем власть. Увидел, что ждет тебя. И не только тебя. Он получил ключи-ответы, унес рукопись.

– Рукопись?!

– Так называют всё неизданное. Верно? Что можно еще править. Потом книги уже только судят. Бунин этого не понимал – делал новые редакции до конца жизни.

Лена покачала головой, не принимая фразы.

– Но после издания менять нужно саму жизнь. Лишь свою. Над другими властна уже книга. Зло в ней работает исправно, как и доброта. Отец начал исправлять и тут же понял: что свершилось, что власть над временем других получена. Ему удалось.

– Так что же?! Господи! Не тяните!

– Герцог открыл ему способ изменить твою судьбу, желая вернуть отца обратно. Он утаил последние слова предка: «Четвертая струна откроет тайну обратной дороги только в одном случае: если Колизей получит человека, который дерзнул к нему вернуться. И заплатит собою...» – Слепой снова помолчал, затем сокрушенно добавил: – То есть, оттуда хода для него нет. Хозяин грез дождался смельчака... теперь ход герцога.

– И ничего нельзя сделать?! Вы что-то знаете! Я же вижу!

Мужчина сглотнул, желваки сыграли, гася порыв. Он поднял голову, будто спрашивая разрешения, и тихо произнес:

– Но если кто-то повторит путь... и оставит взамен...

– Что взамен?! Себя?! Я готова!

– Не знаю. Я не знаю тайны. Я думал, она в календаре... в пометке. В трагедии императрицы. Когда светильник с добродетелями полнил всю Россию светом. Ее коронация... восемьсот пятьдесят шестой год ... а через сто лет родился... впрочем, я тебе говорил – страницу открыли, нашли и увидели. Теперь же... канаты слабнут, надежда тает... концы оборваны, повисли имена...

– Боже! Какие концы?! – Лена вся дрожала, не чувствуя рук и ног. Она сделала попытку прикрыть рот, заглушить всхлипывания... и тут книга снова рухнула на пол.

Слепой понял всё:

– Была же утеряна! Я видел! Пометка?! – впадины глазниц буквально впились в гостью.

Несчастливая женщина от нахлынувшего бессилия опустилась на колени и закрыла ладонями глаза. Ее шепот и тихое подвывание расплзались по полу, устилали камень чем-то доселе неведомым. Водопад, казалось, утих, принимая ее страдания за любовь: ведь сколько пролил сам таких же вслед уходящим на поиски счастья и, удивляясь возвращению, делил печаль с родниками. Их журчанием и сочувствием.

Лена не слышала вопрос.

– Папа, папа, зачем... – тихо шептала женщина. – Мы нашли бы выход и так, я поняла всё, твою правоту, ты старался, как мог... я знаю... боже, как ты страдал...

Простые слова, которые ждал отец там, ради которых жил, тянул и мучился, зазвучали здесь, в этом странном месте, ответом на прежнюю глухоту. Но и в свидетельство Слова, что не устает приносить плоды – выбирая время и человека, определяя место тому под небом.

– Это мы толкнули тебя, выгнали непониманием... Как и каждый кого-то. Гонит и вытесняет. Обыденно, не замечая. Мы станем жить по-другому, милый наш папа. Где ты? Дождись меня, собери силы. Потерпи, мы снова будем вместе ... найдем Андрея и вернемся, обязательно вернемся.

Так продолжалось несколько минут. Слепой молчал. Водопад вздыхал, а горы тяжелели. Окажись кто рядом – смог бы увидеть на лице пленника, кроме выражения боли другое ... знакомое людям со времен первой трагедии, со времен Каина и Авеля. Где первый сын Адама

убил брата. И маска смерти впервые накрыла лицо живущего на земле. Но для каждого – выражение стало бы откровением.

Наконец, Лена умолкла, и мужчина тихо сказал:

– Пора. Надо посмотреть... пометку.

Рука Метелицы замерла в сантиметре от книги. Она даже не пыталась раскрыть ее.

– Здесь ничего нет, – всхлипнув, женщина отвернулась. – Только адреса... – ей не хотелось говорить правду. Тем более, сейчас, когда многое узнала. Не могла признаться, что книга вовсе не та, за которой ее послали.

– Не может быть! – в голосе Слепого послышалась тревога. – Обман... и в ней?!

Лена, снова едва сдерживая рыдания, нарочито громко полистала ветхие страницы. Оборванный угол одной открывал кем-то написанные слова на другой. Шелест утих.

– Читай!

Она вздрогнула. Губы зашевелились:

– Слепой глуп... – Лена осеклась, но было поздно: пленник услышал.

– Дальше!

Твердость тона заставила ее проглотить комок в горле.

– Слепой глуп, – повторила Лена дрожащим голосом. – Заточение – иллюзия. Забудьте про него. Ответ в письме у женщины. Оно в той книге, что держал беглец. Где месяц не бывает листопада, – Метелица поперхнулась, ойкнула и с трудом дочитала: – Девчонка узнала меня и уже в замке – билет достался ей. Пришлось разыграть сцену на перроне, подменить книгу. Она с ней. Вы в шаге от цели. Спасайте бал.

– Письмо. Письмо было на первой странице... – Лена вспомнила банк, сейф. – Но там ничего не сказано... другое? Чье? Кому? – и вдруг ее осенило: – Да ведь письмо могло быть вложено!

Лена перевернула календарь и тряхнула:

– Здесь больше ничего нет.

Слепой с огорчением протянул:

– Значит... надо искать. Письмо ждет. Может... конверт? Надежда умирает последней. Не так ли? – мужчина откинулся назад, выпрямил спину. – Ступай же. Найди письмо. И помни! Пришел черед разрубить узел!

– А вы?!

– Я знаю, что теперь мне делать.

– Скажите... – пробормотала Лена – страх остаться одной подступил снова, – а, может, время выдумало все это? Как и само время кто-то? И ничего вокруг нет? Ни вас, ни меня... – женщина вдруг почувствовала страшную усталость. Та будто навалилась на нее известием, отчаянием. Со словом «надежда», как ни странно, подступили слабость, равнодушие к происходящему. Ей было невдомек, что равнодушие, защитив ее, направило мысли в пространство облегчения. И пространство начало полниться голосами. Как и тогда, в кинотеатре. Лене вдруг померещился луч проектора, который вот-вот осветит знакомые фигуры, и всё начнется вновь. Она откажется, пойдет с Полиной домой... где пироги, Андрейка и мама. Усталость и неверие не давали довершить мысль. Отдаленное бормотание становилось более отчетливым, но малопонятным. «Подавленность не ободряет, не бодрит, не одобряет и не радует, не травит, не саднит... не радует и не бодрит... – повторял чей-то говорок, нарастая. – Everything I Do... it». Какая-то странная пластинка заиграла, раскручивая кругами слова, которые сходили, соскальзывали с пластинки, брались за руки и кружились уже в голове песней Брайана Адамса. Потому что так же головокружительно запер тот себя в собственном мире, комплексах, так же пленен был мечтами, делал те же ошибки и разочарованный шел туда же, куда и она. Но вовсе не потому, что называл дочь «маленьким кроликом», которым ощущала себя здесь Лена, и не потому, что был воспитан, рос, как и большинство, в нормальной, хорошей семье.

И тут сквозь песню, поток слов, летящих отовсюду: от мамы из далекого детства, с концерта любимого артиста, из безумного говорка, она услышала строгий голос отца:

– «И времени больше не будет»! Так сказано в Апокалипсисе.

Лена вздернула голову.

– Не будет! – повторил Слепой. – Все лишится памяти. Исчезнет бывшее. Тоска по нему. Не только сладостные воспоминания, но и горечь. А люди забудут, что должны были умирать. Время перестанет глотать события, прошлые свернет в клубок и обратится в то, чем и было когда-то – в запретный плод, хранящий смерти поколений. Всего живого. Запускающий отсчет. А стрелки замрут... на башне города счастья. Чтобы время не имело над ним власти.

– Города счастья? – выдавила Лена, приходя в себя.

– Не по разности мест, но по степени дарований называют святые обители многими. «... в будущем веке все нераздельно водворяются в одной стране, но каждый лишь в своей мере, по достоинству своему получит долю радости и веселия, как бы из одного воздуха, от одного места, престола, зрелища и образа. И никто!.. там не видит меры друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать брата и свое лишение, это не стало бы для него причиною печали и скорби. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания»³⁶!

³⁶ См. Преподобного Исаака Сирина «Слова подвижнические».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.